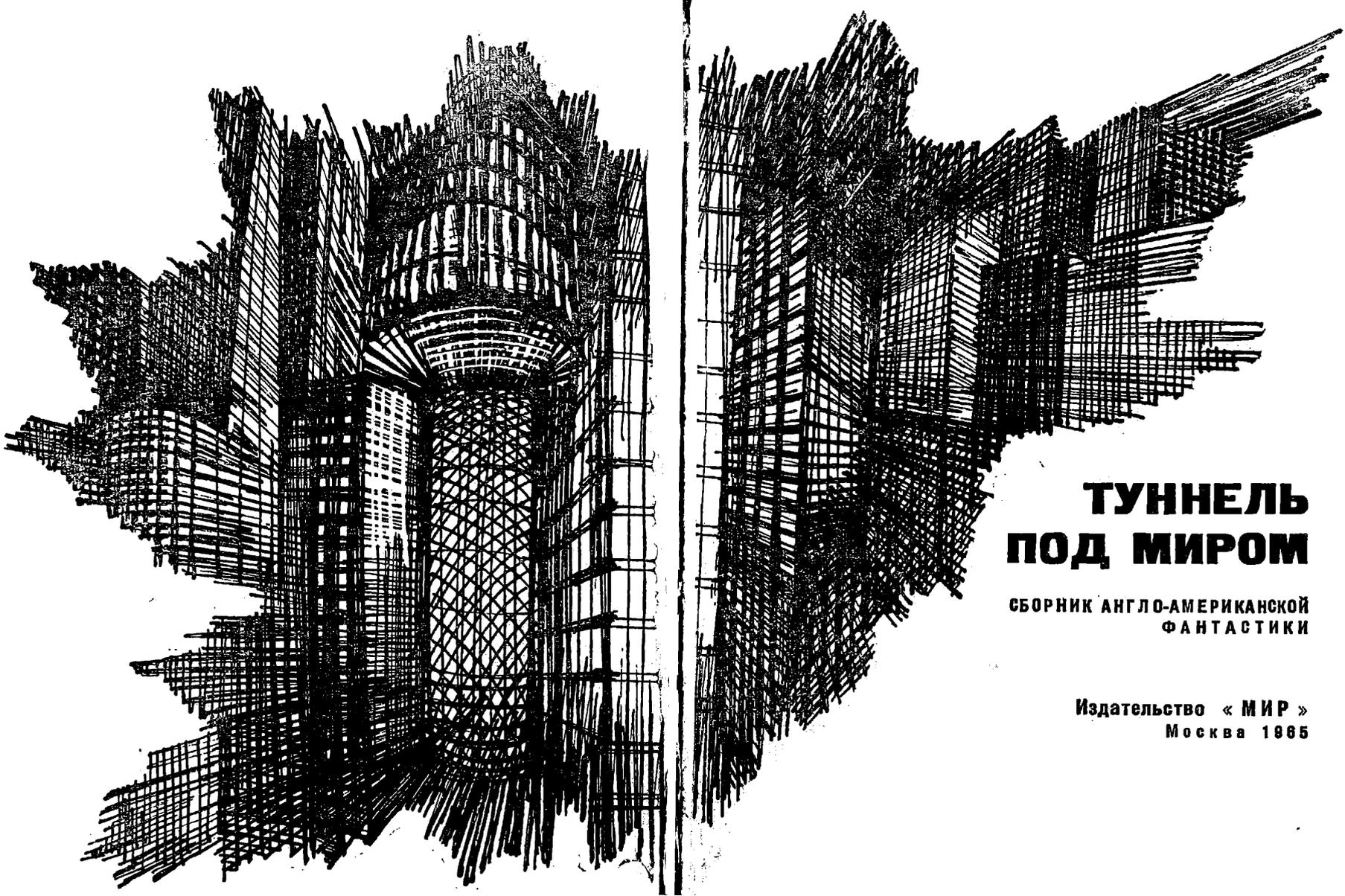

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МИР»

ТУННЕЛЬ ПОД МИРОМ

**СБОРНИК АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ**

**Издательство «МИР»
Москва 1985**

Перевод с английского

Составление и редакция

Е. БРАНДИСА, В. ДМИТРЕВСКОГО, В. КАНА

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

Предисловие

Во вступительной статье, предваряющей первую книгу сборника англо-американской научно-фантастической новеллы, мы попытались проследить процесс становления, развития и трансформации английской и американской научной фантастики, проанализировать основные направления, тенденции и тематику, характеризующие этот популярнейший в капиталистических странах вид художественной литературы.

Как помнит читатель, в первой книге — «Экспедиция на Землю» — были сгруппированы рассказы, посвященные теме освоения космоса и установления первых контактов с представителями инопланетных цивилизаций, а также разрабатывающие модные в современной фантастической литературе «гипотезы», связанные с преодолением Пространства — Времени.

Во второй книге — «Туннель под миром» — также два раздела. Один из них включает в себя рассказы на тему, волнующую наше воображение: что может произойти, когда кибернетика в содружестве с биологией и техникой создаст совершенные машины с гигантским запасом заложенной в них информации, машины, которые окажутся способными к самоорганизации и самовоспроизводству. Как сложатся тогда, пока еще в весьма отдаленном от нас будущем, взаимоотношения между творцом и его созданием — человеком и машиной? Будет ли «умный» робот верным помощником человека? А вдруг он станет его антагонистом и врагом, более могущественным и совершенным, нежели сам его создатель? На эти острые, хотя еще очень проблематичные, вопросы пытаются ответить представленные в

сборнике писатели-фантасты Англии и США. У каждого — своя точка зрения, своя пусть фантастическая и даже неправдоподобная, но увлекательная концепция. Этот раздел сборника мы назвали «Люди и роботы».

Найти выразительное название для последнего раздела оказалось много труднее. В нем сгруппированы «странные» рассказы: о планете-обольстительнице (Рэй Бредбери), о сошедшем с ума американском космическом пилоте (Джеймс Блиш), о маньяке, вздумавшем взорвать земной шар (Джон Кристофер), о рискованных экспериментах со временем (Роберт Шекли, Уильям Тэни, Генри Каттнер), наконец, о «научном содружестве» дьявола и математика (Артур Порджес).

А что бы произошло, если бы на самом деле некая планета могла по собственному желанию менять свой облик, безумец получил бы доступ к кнопке, приводящей в действие энергию чудовищной силы, а хвостатый представитель преисподней засел за решение математической задачи? И название раздела возникло само собой — «Что было бы, если...». Представленные в сборнике рассказы интересны, увлекательны, остроумны, они, бесспорно, доставят удовольствие многочисленным читателям научно-фантастической литературы. И, что особенно важно, расширят представление об англо-американской научной фантастике. До сих пор она была известна советскому читателю лишь по отдельным произведениям трех-четырёх корифеев — Бредбери, Азимова, Кларка и, пожалуй, Саймака. Теперь читатели смогут познакомиться и с другими популярными на Западе мастерами современной фантастической литературы.

*Е. Брандис
В. Дмитриевский*

ЛЮДИ И РОБОТЫ

ТУННель ПОД МИРОМ

I

Утром 15 июня Гай Буркхардт проснулся от собственного крика.

Никогда в жизни он не видел такого реального сна. В его ушах все еще стоял гулкий грохот взрыва, раздавался скрежет раздираемого металла; он всем своим существом ощущал волну палящего жара, мощный толчок, вышвырнувший его из постели.

Судорожно приподнявшись, он стал осматриваться и не поверил своим глазам, увидев тихую комнату и яркий солнечный свет, льющийся в окно.

Он прохрипел:

— Мэри?

Жены рядом с ним не было. Одежда валялась смятые и откинутые в сторону, как будто она только что встала. Воспоминание о сне было так отчетливо, что Буркхардт невольно взглянул на пол, желая убедиться, не упала ли она с кровати из-за взрыва.

Но жены и там не было. Разумеется, ее нет, сказал он себе, глядя на знакомый туалетный стол и низкое кресло, на окно с целыми стеклами, на стену без трещин. Все это ему только померещилось.

— Гай? — тревожно позвала жена с нижней площадки лестницы. — Гай, дорогой, ты здоров?

Слабым голосом он ответил:

— Конечно.

Наступила пауза. Потом Мэри сказала:

— Завтрак готов. Ты уверен, что с тобой все в порядке? Мне послышалось, ты кричал... — В ее голосе прозвучало сомнение.

Буркхардт заметил уже увереннее:

— Мне приснился плохой сон, милая. Сейчас спущусь.

Стоя под душем и обливаясь своей излюбленной тепловатой водой с одеколоном, он думал, что это был чертовски плохой сон. Впрочем, страшные сновидения теперь нередки, в особенности сновидения о взрывах. Кому не снились взрывы за последние тридцать лет всеобщего страха перед водородной бомбой?

Как выяснилось, дурной сон приснился и Мэри; едва он начал рассказывать ей о своем ночном кошмаре, как она удивленно перебила его:

— И тебе это снилось? Подумай, дорогой, ведь и мне приснилось то же самое! Ну, почти то же самое. *Слышать* я ничего не слышала, но мне снилось, будто что-то будит меня, потом раздался какой-то грохот и меня ударило по голове. Вот и все. Неужели и тебе привиделось что-то в этом роде?

Буркхардт кашлянул.

— Ну, не совсем, — сказал он.

Мэри не принадлежала к числу женщин, сильных, как мужчины, и смелых, как тигры. Незачем рассказывать ей сон во всех подробностях, сделавших его таким реальным, подумал он. Не стоит упоминать ни о

сломанных ребрах, ни о соленых пузырях в горле, ни о мучительном сознании, что это смерть.

— А вдруг и в самом деле произошел какой-то взрыв в центре города? — сказал он. — Может, мы его слышали, оттого нам и приснился такой сон.

Мэри с отсутствующим видом погладила мужа по плечу.

— Возможно, — согласилась она. — Уже почти половина девятого, дорогой. Не следует ли тебе поторопиться? Ты же опоздаешь в контору.

Буркхардт наскоро проглотил завтрак, поцеловал жену и выбежал из дому; он спешил не затем, чтобы вовремя успеть на работу, — ему хотелось поскорее выяснить, правильно ли его предположение.

Но деловой центр Тайлертон ничуть не изменился. Сидя в автобусе, Буркхардт внимательно смотрел в окно, ища следы взрыва. Их не было. Напротив, Тайлертон казался лучше, чем когда-либо прежде: стоял прекрасный, бодрящий день, небо было безоблачное, дома — опрятные и привлекательные. Он заметил, что здание Энергетического треста, единственный небоскреб в городе, было промыто паром... Какое наказание, что на окраине города построили главный завод фирмы «Контрокемиклс», — ведь дым каскадных перегонных установок оставляет на каменных домах грязные пятна.

Ни одного из знакомых пассажиров в автобусе не оказалось, так что Буркхардту не у кого было спросить о взрыве. И к тому времени, когда он сошел на углу Пятой авеню и Лихай-стрит, а автобус, протяжно взыв, покотился дальше, он уже почти убедил себя, что все это было не больше, чем игра воображения.

Он остановился в вестибюле здания, где помещалась его контора, у табачного киоска, но Ралфа за прилавком не было. Вместо него стоял незнакомый человек.

— А где мистер Стеббинз? — спросил Буркхардт.

Продавец вежливо ответил:

— Болен, сэр. Он будет завтра. Вам пачку Марлин?

— Честерфилд, — поправил Буркхардт.

— Ах, да, сэр, — сказал продавец. Но он снял с полки и протянул через прилавок незнакомую желто-зеленую пачку.

— Попробуйте эти, сэр, они содержат особое вещество против кашля, — предложил он. — Вы не замечали, что от обычных сигарет вас иногда начинает душить кашель?

Буркхардт недоверчиво сказал:

— Я никогда не слышал об этой марке.

— И не удивительно. Это нечто новое.

Буркхардт колебался, и продавец принялся убеждать:

— Знаете что, попробуйте их на мой страх и риск. Если они вам не понравятся, принесите назад пустую пачку, и я вам верну деньги. Идет?

Буркхардт пожал плечами.

— Так я, конечно, не прогадаю. Но дайте мне и пачку Честерфилд.

Он распечатал пачку и в ожидании лифта закурил сигарету. Вовсе недурные, решил он, хотя относился подозрительно к сигаретам, которые подверглись химической обработке. Однако Буркхардт остался невысокого мнения о заместителе Ралфа. Черт знает во что превратится торговля, если продавец будет такими методами навязывать товар.

Дверь лифта распахнулась с низким мелодичным звуком. В кабину вместе с Буркхардтом вошли еще несколько человек, и он кивнул им. Когда дверь закрылась, звук оборвался и громкоговоритель на потолке начал обычную рекламную передачу.

Нет, *не обычную*, внезапно подумал Буркхардт. Он слышал так много рекламных передач, что его ухо почти не воспринимало их, но сейчас объявления, которые передавал местный радиоузел, привлекли его внимание. И дело было не только в том, что большей части рекламируемых товаров он не знал, — изменился самый стиль рекламы.

Передавали рифмованную чепуху в назойливом, скачущем ритме; расхваливали безалкогольные напитки, которых Буркхардт никогда не пробовал. После этого, быстро перебивая друг друга, затараторили два мальчика лет по десяти, расхваливая какие-то конфеты, а затем властно вмешался громыхающий бас:

— Немедленно купите *восхитительный* Чоко-байт! Съешьте ваш вкусный Чоко-байт *до последней крошки!* Покупайте Чоко-байт!

Затем послышался капризный женский голос:

— Я хочу холодильник Фекл! Я *готова на все*, чтобы приобрести холодильник Фекл!

Буркхардт доехал до своего этажа и вышел из лифта, не дослушав последней передачи, которая заронила в его душу какое-то беспокойство. В рекламе упоминались неизвестные ему товары, она не давала ощущения чего-то привычного, знакомого.

К счастью, в конторе все было нормально — если не считать отсутствия мистера Барта. Мисс Миткин, зевавшая за своим столом в приемной, точно не знала, почему он не пришел.

— Звонили из дому, вот и все. Завтра он будет.

— Может быть, он пошел на завод? Это рядом с его домом.

— Возможно, — сказала она безразличным тоном.

Вдруг Буркхардта осенило:

— Ведь сегодня 15 июня! День подачи квартальной налоговой декларации... Он должен подписать декларацию!

Мисс Миткин пожала плечами, давая понять, что это не ее забота, и тут же занялась своими ногтями. Сильно раздраженный, Буркхардт прошел к своему столу. Конечно, он мог бы подписать налоговую декларацию с таким же успехом, как и Барт, но это не входит в его обязанности. Отвечать за это должен Барт, как управляющий городской конторой «Контрокемиклс».

Он решил было позвонить Барту домой или попытаться поймать его на заводе, но тут же отказался от этой мысли. В сущности, его не слишком интересовал заводской персонал, и чем меньше он будет иметь с ним дела, тем лучше. Однажды он пошел с Бартом на завод; это посещение смутило и, пожалуй, даже утратило его. Кроме горсточки администраторов и инженеров, на заводе не было ни души... Вернее, ни единой живой души, только машины, поправил себя Буркхардт, вспоминая, что рассказывал ему Барт.

По словам Барта, каждой машиной управляло что-то вроде счетно-решающего устройства, которое в своем электронном мозгу воспроизводило подлинную память и ум человеческого существа. Думать об этом было неприятно. Барт, смеясь, заверял его, что промыслом Франкенштейна они не занимаются — кладбищ не обкрадывают и не вставляют в машины мозги мертвецов. Дело сводится лишь к тому, говорил он,

что привычные человеческие реакции переносятся из клеток головного мозга в ячейки электронной памяти. Людям это не вредит, а машина не превращается в чудовище.

И все же Буркхардту было не по себе. Отбросив мысли о Барте, о заводе и остальных мелочах, он взялся за налоговую декларацию и до полудня проверял цифры. Барт, пользуясь своим регистрационным журналом, мог бы проделать все это за десять минут, думал он с досадой.

Буркхардт запечатал декларацию и вышел к мисс Миткин.

— Так как мистера Барта сегодня нет, нам придется завтракать по очереди, — сказал он. — Вы можете идти первая.

— Спасибо. — Мисс Миткин не торопясь вынула сумочку из ящика стола и принялась наводить красоту.

Буркхардт протянул ей конверт.

— Будьте добры, опустите в почтовый ящик. Впрочем, подождите минутку. Не позвонить ли для очистки совести мистеру Барту? Его жена не говорила, может ли он подойти к телефону?

— Нет, не говорила. — Мисс Миткин тщательно стирала губную помаду клинексом. — Кстати, это была не жена. По его поручению звонила дочь.

— Эта девочка? — Буркхардт нахмурился. — Я думал, что она в школе и ее нет в городе.

— Звонила она, это все, что я знаю.

Буркхардт вернулся к себе и с неприязнью уставился на нераспечатанную почту, лежавшую у него на столе. Он терпеть не мог ночных кошмаров и после

них целый день чувствовал себя выбитым из колен. Уж лучше было остаться в постели, как Барг.

По дороге домой с Буркхардтом случилась забавная история. На углу, где он обычно садился в автобус, произошла сумятица: там кто-то таким истошным голосом расхваливал новый способ глубокого замораживания, что Буркхардт невольно прошел лишний квартал. Подходя к следующей остановке, он увидел, как приближается его автобус, и побежал. Но тут кто-то окликнул Буркхардта. Он оглянулся: к нему спешил низенький человечек, казавшийся очень озабоченным.

Буркхардт не сразу узнал его. Это был случайный знакомый, по фамилии Свансон. Пока Буркхардт раздумывал, автобус успел отойти.

— Алло! — крикнул он с досадой.

Лицо Свансона выражало отчаянную решимость.

— Буркхардт? — робко спросил он с какой-то странной напряженностью и застыл на месте, глядя на него в упор то ли с затаенной надеждой, то ли с сожалением. Он что-то ищет, кого-то ждет, подумал Буркхардт. Но что он от меня хочет и как ему помочь?

Буркхардт кашлянул и повторил:

— Алло, Свансон.

Свансон не ответил. Он только глубоко вздохнул.

— Ничего не поделаешь, — пробормотал он, видимо, продолжая думать о своем.

Он рассеянно поклонился Буркхардту и пошел дальше.

Буркхардт смотрел, как опущенные плечи Свансона исчезают в толпе. Что за *странный* день сегодня, подумал он. Все идет как-то не так.

Когда он ехал домой следующим автобусом, то не переставал думать об этом. Ничего ужасного или катастрофического, и все-таки что-то необычное. Как и все, вы живете своей жизнью, и у вас создается какая-то система впечатлений и реакций. Вы знаете, что должно произойти. Когда вы открываете свою аптечку, то знаете, что ваша бритва лежит на второй полке; запирая входную дверь, вы знаете, что ее надо слегка подтянуть и тогда замок щелкнет.

Не безотказно действующие, исправные вещи вносят привычность в вашу жизнь, а лишь те, что не совсем в порядке, — заедающий замок, выключатель на верхней площадке лестницы, на который надо покрепче нажимать, так как пружина в нем ослабла, полковик у двери, вечно подворачивающийся под ногами.

Нельзя сказать, что случилось неладное в жизни Буркхардта; неладное происходило вокруг. К примеру, Барт не пришел сегодня в контору, хотя он *всегда* приходил.

Буркхардт думал об этом и за обедом. Он думал об этом весь вечер, несмотря на попытки жены соблазнить его партией в бридж с соседями. Соседи — Эн и Ферли Деннерман — ему нравились. Он знал их еще детьми. Но и они весь вечер были какие-то странные и задумчивые, и ему пришлось терпеливо слушать жалобы Деннермана на плохую работу телефонной станции и замечания его жены по поводу отвратительной телевизионной рекламы, которой пичкали зрителя с утра до ночи.

Буркхардт уже собрался было поставить мировой рекорд по продолжительности размышлений, как вдруг около полуночи, когда он уже лежал в постели, внезапно — он сам был поражен, хотя в то же время

странным образом *уверен*, что это должно случиться, — он повернулся на другой бок и заснул непробудным сном.

II

Утром 15 июня Буркхардт проснулся от собственного крика. Никогда в жизни он не видел такого реального сновидения. В ушах его все еще гудел грохот взрыва, он всем своим существом ощущал взрывную волну, вдавившую его в стену. Казалось странным, что он сидит у себя в постели и в комнате ничего не изменилось.

Жена тяжело поднималась по лестнице.

— Дорогой! — крикнула она. — Что случилось?

Он пробормотал:

— Ничего. Плохой сон.

Прижав руки к сердцу, она перевела дух.

— Ты ведь так испугал меня... — начала она сердито.

Но шум на улице заглушил ее слова. Раздался вой сирен и звон колоколов; звуки были ужасающе громкие.

Буркхардты посмотрели друг на друга и в испуге бросились к окну.

Вместо грохочущих пожарных машин они увидели только маленький грузовик, медленно двигавшийся вдоль самого края тротуара. На крыше его кабины были установлены яркие рупоры. Из них неслись пронзительный вой сирен, он становился все сильнее и смешивался с шумом мощных моторов и звоном колоколов. Это была прекрасная магнитофонная запись прибытия пожарных машин, вызванных по сигналу общей тревоги.

Буркхардт удивленно воскликнул:

— Мэри, но это противозаконно. Ты знаешь, что они делают? Они проигрывают запись пожара. Что они выдумали?

— Может быть, это просто шутка, — предположила жена.

— Шутка? Разбудить целый квартал в шесть часов утра? — Он покачал головой. — Через десять минут здесь будет полиция. Вот увидишь.

Но полиция так и не появилась. Кем бы ни были шутники в автомашине, полиция, по-видимому, разрешила им так развлекаться.

Грузовик остановился посреди квартала, и его рупоры несколько минут молчали. Затем в них послышался треск и оглушительный голос запел:

— Холодильник Фекл!

Холодильник Фекл!

Покупайте

Холодильник Фекл!

Фекл, Фекл, Фекл,

Фекл, Фекл, Фекл...

Это повторялось снова и снова. Из окон соседних домов стали высовываться головы.

Пытаясь перекрыть доносившийся с улицы рев, Буркхардт крикнул:

— Что это за чертов холодильник Фекл?

— Вероятно, какой-нибудь новый тип холодильника! — не слишком вразумительно прокричала в ответ Мари.

Внезапно шум прекратился. Тихое, туманное утро, косые солнечные лучи, скользящие по верхушкам крыш, — трудно было поверить, что умолкшие рупоры еще секунду назад могли так невыносимо орать.

— Сумасшедший рекламный трюк, — злобно сказал Буркхардт. Он зевнул и отвернулся от окна. — Можно, пожалуй, одеваться. Я думаю, это конец.

Рев налетел на него сзади; это было похоже на сильный удар по ушам. Резкий, насмешливый голос гремял мощнее, чем труба архангела.

— Вы купили холодильник? Он *воняет!* Если это не холодильник Фекл, он *воняет!* Только холодильник Фекл выпуска этого года хорош во всех отношениях! Вы знаете, кто покупает холодильники Аякс? Холодильники Аякс покупают проститутки! Вы знаете, кто покупает холодильники Тройной Холод? Холодильники Тройной Холод покупают коммивояжеры! Всякий холодильник, кроме холодильника Фекл последнего выпуска, *воняет!*

Голос продолжал яростно выкрикивать:

— Я предупредил вас! Немедленно купите холодильник Фекл! Спешите! Спешите купить Фекл! Спешите купить Фекл! Спешите, спешите, спешите! Фекл, Фекл, Фекл, Фекл, Фекл, Фекл...

Наконец голос умолк. Буркхардт облизнул губы. Он успел только сказать: «Может быть, надо все же вызвать полицию...», как вдруг громкоговорители снова взорвались. Они захватили его врасплох — так и было рассчитано, чтобы захватить его врасплох. Они ревели:

— Фекл, Фекл, Фекл, Фекл, Фекл, Фекл, Фекл, Фекл, Фекл. Дешевые холодильники портят продукты! Вы заболаете, и вас будет рвать. Вы заболаете и умрете! Покупайте Фекл, Фекл, Фекл, Фекл! Достаньте-ка из вашего холодиль-

ника кусок мяса и убедитесь: оно протухло и заплесневело! Покупайте Фекл, Фекл, Фекл, Фекл, Фекл! Если вы не хотите питаться всякой гнилью, немедленно купите Фекл, Фекл, Фекл...

Это было уже слишком. Попадая пальцами не в те дырочки, Буркхардт в конце концов с трудом набрал номер местного полицейского участка. Телефон был занят, — очевидно, не ему одному пришлось в голову позвонить в полицию, — и, пока он трясущейся рукой снова набирал номер, шум на улице прекратился.

Он выглянул в окно. Грузовик уехал.

Буркхардт ослабил галстук и заказал официантке еще один Фрости-Флип. Если бы только в кафе «Кристалл» не было так жарко! Новая роспись — блеклые красные мазки и ослепительно яркие желтые — была просто отвратительна; а тут еще кто-то, должно быть, вообразил, что сейчас не июнь, а январь: в помещении было на добрых десять градусов теплее, чем на улице.

Он выпил Фрости-Флип двумя глотками. У напитка был какой-то необычный вкус, — впрочем, неплохой, отметил Буркхардт. И он действительно освежает, официант был прав. Буркхардт подумал, что надо захватить с собой этикетки: Мэри они могут понравиться. Ее всегда интересовало новое.

Он неуклюже встал, но в это время через зал к нему направилась девушка. Такой красавицы он в Тайлертоне никогда не видел. Ростом ему до подбородка, светлые, медового оттенка волосы и фигура, какой... одним словом, все у нее свое. Можно было не сомневаться, что, кроме облегающего платья, на ней ничего нет.

Когда она здоровалась с ним, он почувствовал, что краснеет.

— Мистер Буркхардт. — Голос напоминал отдаленные звуки там-тама. — Это замечательно с вашей стороны, что вы дали мне возможность повидать вас после сегодняшнего утра.

Он откашлялся.

— Вовсе нет. Не присядете ли вы, мисс...

— Эприл Хорн, — прошептала она, садясь рядом с ним, а не по другую сторону стола, куда он указывал. — Называйте меня Эприл, хорошо?

Какой-то частью своего сознания, которая еще продолжала функционировать, Буркхардт отметил, что от нее исходит аромат духов. Ему казалось неестественным, что она употребляет духи. Вздрогнув, он пришел в себя и понял, что официант удаляется с заказом — *filets mignon** на двоих.

— Эй, эй! — запротестовал он.

— Пожалуйста, мистер Буркхардт. — Ее плечо прижималось к его плечу, лицо было обращено к нему, он чувствовал на себе ее теплое дыхание, выражение ее лица было нежным и заискивающим. — Это все за счет компании Фекл. Пожалуйста, разрешите ей... Это *самое меньшее*, что они могут сделать.

Он почувствовал, что она сунула руку в его карман.

— Я положила деньги для уплаты по счету, — с видом заговорщицы прошептала она. — Пожалуйста, сделайте это для меня, вы сделаете? Я хочу сказать, что буду признательна, если вы заплатите официанту... У меня старомодные взгляды на этот счет.

* Филейная вырезка (франц.). — Прим. перев.

Она умильно улыбнулась, затем стала притворно деловитой.

— Но вы должны взять деньги, — настаивала она. — Если вы их возьмете, все равно Фекл слишком легко от вас отделается! Вы можете подать на них в суд за каждый пятицентовик, который они заработали, нарушив ваш сон.

Несколько ошеломленный, словно только что на его глазах в цилиндре фокусника исчез кролик, он сказал:

— Ну, это, в сущности, было не так уж плохо, Эприл. Немножко шумно, может быть, но...

— О, мистер Буркхардт! — Ее широко открытые голубые глаза сияли восхищением. — Я знала, что вы поймете. Все дело в том... это такой *замечательный* холодильник, что кое-кто из линейного персонала немного перестарался. Лишь только в главной конторе стало известно, что произошло, во все дома вашего квартала были посланы представители, чтобы извиниться. Ваша жена сказала нам, куда мы можем вам позвонить... И я так рада, что вы разрешили мне позавтракать с вами и я тоже могу извиниться. Ведь на самом деле, мистер Буркхардт, это *прекрасный* холодильник.

Я не стала бы вам говорить это, но... — Голубые глаза застенчиво опустились, — я готова почти на все ради холодильника Фекл. Для меня это больше чем работа. — Эприл подняла глаза. Она была очаровательна. — Держу пари, вы думаете, что я глупенькая, не так ли?

Буркхардт закашлялся.

— Ну, я...

— О, вы не хотите быть невежливым... — Она покачала головой. — Нет, нет, не притворяйтесь. Вы дума-

ете, что это глупо. Но в самом деле, мистер Буркхардт, вы не стали бы так думать, если бы знали побольше о холодильнике Фекл. Разрешите, я покажу вам этот проспект...

Буркхардт вернулся после завтрака с опозданием на целый час. Его задержала не только девушка. Произошла еще забавная встреча с маленьким человечком по фамилии Свансон, которого он едва знал; тот остановил его на улице, проявив крайнюю назойливость, а затем холодно расстался с ним, так и не сказав ни слова.

Впрочем, все это пустяки. А вот то, что мистер Барт отсутствовал весь день впервые с тех пор, как Буркхардт начал работать здесь, предоставив ему возиться с квартальными налоговыми декларациями, — это было неприятно. И еще неприятнее было то, что он почему-то подписал заказ на холодильник Фекл: вертикальная, саморазмораживающаяся модель, емкость 324 литра, 625 долларов по прейскуранту, десять процентов скидки «в порядке любезности». «Из-за этой ужасной утренней истории, мистер Буркхардт», — сказала девушка.

И он не знал, как объяснить жене свою покупку.

Он зря беспокоился; едва он вошел в квартиру, жена сказала:

— Неужели, дорогой мой, мы не можем позволить себе приобрести новый холодильник? Приходил сюда человек извиняться по поводу того шума и... что же, мы разговорились, и...

Она тоже подписала заказ.

Чертовски неудачный день, подумал Буркхардт, поднимаясь вечером к себе в спальню. Но день еще не рассчитался с ним. Выключатель на верхней площадке лестницы полностью отказал. Буркхардт раздраженно защелкал, и, разумеется, крышка соскочила. Произошло короткое замыкание, и свет во всем доме погас.

— Проклятие! — сказал Гай Буркхардт.

— Пробка? — сонным голосом спросила жена. — Не трогай до утра, дорогой.

Буркхардт покачал головой.

— Ложись в постель. Я сейчас почию.

Ему не так уж хотелось поскорее заменить пробку, — просто он был слишком взволнован и знал, что все равно сразу не заснет. Отвинтив шурупы, он снял испорченный выключатель, спотыкаясь, сошел вниз в темную кухню, отыскал электрический фонарик и осторожно спустился по лестнице в подвал. Установив, какая пробка перегорела, он придвинул к щитку пустой сундук, стал на него и вывернул старую пробку.

Когда новая пробка была поставлена, он услышал, как холодильник у него над головой сначала защелкал, а затем ровно загудел.

Он направился обратно к лестнице и в удивлении остановился. Там, где раньше стоял сундук, пол подвала как-то странно блестел. Он осмотрел его при свете фонарика. Пол был металлический!

— Что за чертовщина, — произнес Гай Буркхардт, недоуменно покачав головой. Он стал тщательно всматриваться, провел по краям металлического пятна большим пальцем и больно порезался: края были острые.

Крашенный цементный пол подвала был лишь тонкой оболочкой. Буркхардт отыскал молоток и отбил в десятке мест — повсюду внизу был металл.

Еесь подвал представлял собой медную коробку! Даже цементированные кирпичные стены были лишь обманчивым фасадом, за которым скрывались металлические поверхности!

Сбитый с толку, Буркхардт принялся за одну из балок фундамента. Это по крайней мере было настоящее дерево. И стекло в окнах подвала было настоящим.

Он пососал кровоточащий палец и пощупал нижнюю ступеньку подвальной лестницы. Настоящее дерево. Он отбил кусочек кирпича. Настоящие кирпичи. Но стены и пол были фальшивые.

Можно было подумать, что кто-то подвел под дом металлическую раму, а потом тщательно замаскировал ее.

Больше всего его удивил перевернутый вверх дном корпус лодки, загораживающий заднюю часть подвала, — память о кратковременном увлечении домашней мастерской, которое было у Буркхардта несколько лет назад. Сверху корпус казался совершенно нормальным, но внутри, там, где полагалось быть сиденьям и настилу, виднелся лишь спутанный клубок креплений, грубых и неотделанных.

— Но ведь я *построил* ее! — воскликнул Буркхардт, позабыв о своем пальце.

Превозмогая головокружение, он прислонился к корпусу лодки и постарался все хорошенько обдумать. По причинам, недоступным его пониманию, кто-то унес и лодку, и подвал, а быть может, и весь дом и заменил их искусными макетами.

— Это безумие, — сказал он пустому подвалу. Потом, пошевелив фонариком, огляделся и прошептал: —

Боже мой, чего ради кому-то понадобилось все это сделать?

Он не находил ответа; никакого разумного ответа и нельзя было найти. Несколько минут Буркхардт размышлял, уж не сошел ли он с ума.

Гай еще раз заглянул под лодку, надеясь, что ошибся, что это всего лишь плод воображения. Но неряшливые, неотделанные крепления были на прежнем месте. Чтобы лучше видеть, он подлез под лодку, недоверчиво ощупывая шероховатое дерево. Совершенно невероятно!

Он погасил фонарик и хотел уже выбраться из подвала, как вдруг почувствовал непреодолимую усталость.

Сознание выключилось — не с легкостью, а так, словно кто-то подавил его. И Гай Буркхардт заснул.

III

Утром 16 июня Гай Буркхардт проснулся у себя в подвале, под корпусом лодки, в самой неудобной позе.

Первым делом он с лихорадочной поспешностью еще раз осмотрел корпус лодки, фальшивый пол подвала, поддельный камень. Все было таким, как запомнилось ему с вечера, — совершенно невероятным.

Кухня оставалась спокойным, мирным царством. Электрические часы размеренно мурлыкали, отмечая движение своих стрелок по циферблату. Скоро шесть, говорили они. Жена вот-вот проснется.

Буркхардт распахнул входную дверь и внимательно осмотрел тихую улицу. На лестнице валялась утренняя газета; подняв ее, он увидел, что она от 15 июня.

Но ведь это невозможно. 15 июня было вчера. Такую дату нельзя забыть — это день квартальных налоговых деклараций.

Он вернулся в прихожую, снял телефонную трубку и, набрав номер информации о погоде, услышал хорошо поставленный голос: «...и похолодание, временами ливни. Атмосферное давление 751 миллиметр, барометр идет на повышение... По сведениям Бюро погоды Соединенных Штатов, 15 июня ожидается теплая и солнечная погода, максимальная температура около...»

Он повесил трубку. 15 июня!..

«Боже милостивый!» — воскликнул Буркхардт. Творилось действительно что-то немыслимое. Он услышал звон будильника и быстро поднялся по лестнице.

С испуганным, растерянным видом человека, только что пробудившегося от кошмара, Мэри Буркхардт сидела в постели.

— О, дорогой, — задыхаясь, сказала она, — мне приснился ужасный сон, такой ужасный! Как будто был взрыв и...

— Опять? — неодобрительно спросил Буркхардт. — Мэри, происходит что-то неладное! Я знаю, что вчера целый день творилось нечто странное...

Он стал рассказывать ей о медной обшивке подвала и о макете, заменившем его лодку. Мэри сначала удивилась, потом встревожилась. Ей стало не по себе.

— Дорогой, ты *уверен*? Ведь на прошлой неделе я вытирала пыль с этого старого сундука и ничего не заметила.

— Абсолютно уверен! — заявил Гай. — Я подтащил сундук к стене, чтобы стать на него и вернуть новую пробку, после того как у нас погас свет, и...

— После чего? — Вид у Мэри стал еще тревожнее.

— После того как у нас погас свет. Ты же знаешь, когда выключатель наверху закапризничал, я спустился в подвал и...

Мэри подскочила в кровати.

— Гай, выключатель не капризничал. Вчера ночью я сама погасила свет.

Буркхардт уставился на жену.

— Но нет же, я *знаю*, что ты не гасила! Иди сюда и посмотри!

Он вышел на площадку лестницы и драматическим жестом указал на испорченный выключатель, тот, который он отвинтил накануне вечером и оставил висеть... Но никакого испорченного выключателя он не увидел. Все было так, как всегда. Не веря своим глазам, Буркхардт нажал кнопку, и свет зажегся в обоих холлах.

Мэри, бледная и озабоченная, покинула мужа и спустилась в кухню приготовить завтрак. Буркхардт долго стоял, не сводя глаз с выключателя. Он отказывался чему-либо верить, был в полной растерянности, мозги у него попросту не работали.

Буркхардт побрился, оделся и позавтракал в том же состоянии отупения. Он как бы смотрел на себя со стороны. Мэри была предупредительна и всячески старалась его успокоить. Она поцеловала его на прощание, перед тем как он, так и не сказав ни слова, выбежал из дома, торопясь на автобус.

Мисс Миткин, сидевшая в приемной, поздоровалась с ним, зевая.

— Доброе утро, — сонным голосом произнесла она. — Мистер Барт сегодня не придет.

Буркхардт хотел что-то сказать, но удержался. По-видимому, она не знала, что Барта не было и вчера,

так как оторвала листок календаря с датой 14 июня, оставив листок с «новой» датой — 15 июня.

Нетвердой походкой Буркхардт прошел к своему столу и невидящими глазами уставился на утреннюю почту. Она была еще не вскрыта, но он знал, что в конверте из Отдела распределения находится заказ на две тысячи кубических метров звукопоглощающей черепицы, а в конверте от «Файнбек и сыновья» — реклама.

Лишь много времени спустя он заставил себя распечатать письма. В них оказалось то, что он предполагал.

Когда наступил час завтрака, Буркхардт, движимый каким-то предчувствием, предоставил мисс Миткин пойти первой. Она ушла, слегка обеспокоенная его неестественной настойчивостью. Зазвонил телефон, и Буркхардт с отсутствующим видом снял трубку,

— Городская контора «Контрокемикс», говорит Буркхардт.

Голос в трубке ответил: «Это Свансон» — и умолк. Буркхардт напряженно ждал, но телефон молчал. — Алло?

Снова молчание. Затем Свансон печально спросил: — Все еще ничего, а?

— Что ничего? Свансон, вам что-нибудь надо? Вчера вы подошли ко мне и проделали то же самое. Вы...

Голос хрипло прошептал:

— Буркхардт! О боже мой, вы помните! Оставайтесь на месте... Я буду через полчаса!

— О чем это вы?

— Неважно, — радостно заявил маленький человек. — Расскажу вам обо всем при встрече. Ничего больше не говорите по телефону, — возможно, кто-ни-

будь подслушивает. Просто ждите меня на месте. Походите минуту. Вы будете один в конторе?

— Скорее всего нет. Мисс Миткин, вероятно...

— Черт возьми! Послушайте, Буркхардт, где вы завтракаете? Как там, достаточно шумно?

— Да, пожалуй, так. Ресторан «Кристалл». Это примерно за квартал от...

— Я знаю, где он. Встречу вас через полчаса! В трубке щелкнуло.

«Кристалл» уже не был окрашен в красный цвет, но в нем было по-прежнему жарко. По радио теперь передавали музыку попеременно с рекламой. Рекламировали Фрости-Флип, сигареты Марлин — «они санитованы», промурлыкал диктор, — и конфеты Чоко-байт.

Пока он ждал прихода Свансона, девушка в целлофановой юбке, какие носят продавщицы сигарет в ночных клубах, прошла через ресторан, неся на подносе крошечные, завернутые в алые бумажки конфеты.

— Чоко-байт *вкусные*, — прошептала девушка, подойдя вплотную к его столику. — Чоко-байт вкуснее всего на свете!

Буркхардт, внимательно высматривавший странного маленького человечка, не обратил внимания на продавщицу. Но, когда она высыпала горсть конфет на соседний столик, улыбаясь сидевшим за ним посетителям, он поймал ее взгляд и подскочил от удивления.

— Как, мисс Хорн! — воскликнул он.

Девушка уронила поднос с конфетами. Буркхардт вскочил.

— Что с вами?

Но она убежала.

Директор ресторана подозрительно посмотрел на Буркхардта, который снова сел на свое место и пытался принять беззаботный вид. Ведь он не оскорбил девушку! Может быть, подумал он, это просто очень строго воспитанная молодая особа — несмотря на голые ноги под целлофановой юбкой — и стоило ему с ней заговорить, как она решила, что он будет приставать.

Смешная мысль. Буркхардт недовольно нахмурился и взял со стола меню.

— Буркхардт! — раздался настойчивый шепот.

Буркхардт бросил взгляд поверх меню и вздрогнул. На стуле напротив него в напряженной позе сидел маленький человечек по фамилии Свансон.

— Буркхардт! — снова прошептал он. — Уйдемте отсюда! Они уже напали на ваш след. Если хотите остаться в живых, идемте поскорее!

Спорить больше не приходилось. Буркхардт с извиняющимся видом улыбнулся директору и вышел из ресторана вслед за Свансоном. Маленький человечек, казалось, знал, куда идет. На улице он схватил Буркхардта за локоть и торопливо потащил за собой.

— Вы видели ее? — спросил он. — Эту женщину, Хорн? Она в телефонной будке! По ее вызову они будут здесь через пять минут, уж поверьте мне, так что надо торопиться!

На улице былолюдно, сновали машины, и никто не обращал внимания на Буркхардта и Свансона. В воздухе ощущалась бодрящая свежесть. Похоже больше на октябрь, чем на июнь, подумал Буркхардт, что бы

там ни говорило Бюро погоды. И он чувствовал себя дураком, идя за этим сумасшедшим человечком вниз по улице, убегая от «них» неизвестно куда. Человечек, возможно, свихнулся и, несомненно, чего-то боялся. А страх, как известно, заразителен.

— Сюда, — задыхаясь, произнес маленький человечек.

Это был другой ресторан, вернее, закусочная, второразрядное заведение, где Буркхардт никогда не бывал.

— Прямо через зал, — прошептал Свансон, и Буркхардт, как послушный мальчик, прошел мимо множества столиков в дальний конец ресторана.

Здание было построено в форме буквы Г, с фасадами на две улицы, под прямым углом друг к другу. У двери Свансон окинул холодным взглядом вопросительно смотревшего на них кассира; они вышли и переместились на противоположный тротуар.

Теперь они находились под ярко освещенным стеклянным навесом у входа в кинотеатр. Выражение напряжения на лице Свансона исчезло.

— Мы убежали от них! — ликуяще прошептал он. — Теперь мы почти у цели.

Он подошел к окошку и купил два билета. Буркхардт поплелся за ним в зал. Это был будничные утренний сеанс при почти пустом зале. С экрана доносились ружейные выстрелы и конский топот. Одиноким билетер, прислонившийся к блестящим латунным перилам, мельком взглянул на них и вновь стал смотреть на экран. Свансон вел Буркхардта вниз по устланной ковровой дорожкой ступеням.

Они очутились в совершенно безлюдном фойе. Там были три двери: «Для мужчин», «Для женщины» и еще

одна, на которой золотыми буквами значилось: «Администратор». Свансон прислушался и тихонько открыл последнюю дверь.

— Все в порядке, — сказал он, махнув рукой.

Буркхардт прошел вслед за ним через пустой кабинет к другой двери, вероятно, стенного шкафа, так как на ней не было никакой надписи. Но это оказался не стеной шкаф. Свансон осторожно открыл дверь, заглянул внутрь, затем кивнул Буркхардту, чтобы тот шел за ним.

Это был туннель с металлическими стенами, ярко освещенный, пустой и безлюдный. Он тянулся в обе стороны.

Буркхардт удивленно осматривался. Одно он знал, и знал совершенно точно: *никаких туннелей под Тайлертоном не существовало.*

Туннель привел их к комнате, где, кроме стульев и письменного стола, было еще что-то вроде телевизионных экранов. Свансон тяжело опустился на стул, с трудом переводя дыхание.

— На некоторое время мы здесь в безопасности, — прохрипел он. — Они теперь редко сюда приходят. А если придут, мы услышим их и успеем спрятаться.

— Кто «они»? — спросил Буркхардт.

Маленький человечек пояснил:

— Марсиане! — голос его при этом осекся, казалось, жизнь покинула его. Затем он продолжал угрюмым тоном: — Я думаю, что это марсиане. Хотя, знаете, не исключено, что вы правы; у меня была уйма времени обдумать все случившееся после того, как они схватили вас. Возможно, это русские.

— Начнем по порядку. Кто и когда меня схватил?
Свансон вздохнул.

— Итак, придется снова пройти через все это. Хорошо. Около двух месяцев тому назад поздно ночью вы постучались в мою дверь. Вы были жестоко избиты... безумно испуганы. Вы попросили меня помочь вам...

— Я?

— Конечно, вы ничего этого не помните. Слушайте, и вам все станет ясно. Вы несли какую-то околесицу: вас-де схватили и вам угрожали, ваша жена умерла и снова ожила... все в таком духе. Я подумал, что вы сошли с ума. Однако... я ведь всегда относился к вам с большим уважением. Вы просили меня спрятать вас, а у меня, как вы знаете, есть одна темная комната. Она запирается только изнутри. Я сам ставил замок. Итак, мы вошли в нее — вы на этом настаивали, — и в полночь, то есть через каких-нибудь пятнадцать — двадцать минут, мы умерли.

— Умерли?

Свансон кивнул.

— Да, оба. Как будто нас оглушили ударом мешка с песком. Послушайте, не повторилось ли это с вами прошлой ночью?

— Пожалуй, да. — Буркхардт нерешительно кивнул головой.

— Ну, конечно. А потом мы вдруг снова проснулись и вы пообещали показать мне нечто забавное; мы вышли на улицу и купили газету. Газета была от 15 июня.

— 15 июня? Но ведь это сегодня! То есть...

— Вот именно, друг мой. Это *всегда* сегодня!

Потребовалось некоторое время, чтобы обмозговать все это.

Буркхардт с интересом спросил:

— Сколько недель вы прятались в темной комнате?

— Откуда я знаю? Четыре или пять, вероятно.

Я потерял счет. И каждый день одно и то же — всегда 15 июня, всегда моя хозяйка, миссис Кифер, подметает крыльцо; всегда одни и те же заголовки в газетах на углу. Становится очень скучно, друг мой.

IV

Это была идея Буркхардта, и Свансон не одобрял ее, но Буркхардт двинулся дальше. Он принадлежал к числу людей, которые всегда двигаются дальше.

— Это опасно, — устало проворчал Свансон. — А вдруг кто-нибудь зайдет? Они увидят нас и...

— Что мы потеряем?

Свансон пожал плечами.

— Это опасно, — повторил он. Но тоже пошел.

Мысль Буркхардта была очень проста. В одном он не сомневался: туннель куда-то ведет. Марсиане или русские, фантастический заговор или галлюцинация сумасшедшего, — что бы ни приключилось с Тайлертоном, какое-то объяснение этому существовало, и искать его следовало в конце туннеля.

Они брели все вперед и, пройдя около двух километров, увидели вдали выход. Им повезло: никто не проходил по туннелю и не заметил их. Свансон сказал, что туннелем, по-видимому, пользуются только в определенных часы.

Всегда 15 июня. Зачем? — спрашивал себя Буркхардт. Неважно, каким образом. Но зачем?

И то, что все засыпали мгновенно, неожиданно... Все как будто в одно время. И то, что никто не помнил, никогда ничего не помнил... Свансон рассказал, как он был обрадован, снова увидев Буркхардта на утро после того, как тот опрометчиво задержался на лишние пять минут перед уходом в темную комнату. Когда Свансон пришел, Буркхардта уже не было. В тот день Свансон увидел его на улице, но Буркхардт ничего не помнил.

Свансон вот уже несколько недель жил как мышь: прятался по ночам в стенном шкафу и, крадучись, выходил днем со слабой надеждой отыскать Буркхардта, боясь попасться *им* на глаза.

Одной из *них* была девушка по имени Эприл Хорн. Увидев, как она с беззаботным видом входит в телефонную будку, но никогда не выходит назад, Свансон обнаружил туннель. Другим был продавец табачного киоска в здании, где находилась контора Буркхардта. Были и еще по меньшей мере человек двенадцать, которых Свансон подозревал.

Их было нетрудно заметить, если знать, на кого смотреть, так как только они в Тайлертоне изо дня в день меняли свои роли. Каждое утро каждого дня-который-был-пятнадцатым-июня Буркхардт неизменно садился в автобус, отходивший в 8.51. Но Эприл Хорн то расхаживала по кафе в целлофановой юбке, привлекая к себе всеобщее внимание, то была одета очень просто. А иногда она вовсе исчезала из поля зрения Свансона.

Русские? Марсиане? Кто бы они ни были, чего они надеялись достичь этим безумным маскарадом?

Ответа Буркхардт не знал... Быть может, разгадка тайны находилась за дверью в конце туннеля. Они внимательно прислушивались к отдаленным звукам; разобратся в них было довольно трудно, но как будто ничего опасного. Буркхардт и Свансон проскользнули в дверь.

Пройдя широкую комнату и поднявшись по лестнице, они очутились, как понял Буркхардт, на заводе «Контрокемиклс».

Людей не было видно, что само по себе не казалось странным: ведь это завод-автомат. Но Буркхардт, побывавший здесь один-единственный раз, помнил, что работа на заводе кипела, открывались и закрывались клапаны, опорожнялись и наполнялись баки, размещались и варились какие-то жидкости; одновременно производился их химический анализ. На заводе никогда не было много людей, но там не смолкал шум.

А теперь здесь было тихо. Если не считать отдаленных звуков, не было никаких признаков жизни. Пленные электронные мозги не посылали приказов, катушки и реле отдыхали.

— Идемте, — сказал Буркхардт.

Свансон неохотно шел за ним по запутанным переходам, мимо колонн из нержавеющей стали и баков.

Казалось, они идут по кладбищу. Отчасти это так и было, ибо что такое автоматы, некогда управлявшие заводом и вдруг остановившиеся, как не мертвые тела? Работу машин регулировали счетно-решающие устройства, которые на самом деле были вовсе не счетно-решающими устройствами, а электронными подобиями живого мозга. И, если они были выключены, не означало ли это, что они мертвы? Ведь каждое из них когда-то было человеческим мозгом.

Возьмите опытного химика, специалиста по фракционной перегонке нефти, привяжите его ремнями, исследуйте его мозг электронными иглами. Машина подробно изучит структуру мозга, составит таблицы и зафиксирует синусоидальными волнами то, что обнаружит. Направьте эти же самые волны в автоматическое счетно-решающее устройство — и вы воспроизведете вашего химика. Или, если захотите, тысячу копий вашего химика, обладающих всеми его знаниями и умением, но в противоположность человеку ничем не ограниченных в своей деятельности.

Установите десяток копий этого химика на заводе, и они будут управлять всем производством двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, никогда не уставая, никогда ничего не упуская и не забывая.

Свансон подошел поближе к Буркхардту.

— Мне страшно, — сказал он.

Теперь они пересекали какое-то закрытое помещение и звуки стали слышнее — не шум машин, а голоса. Буркхардт осторожно подошел к двери и осмелился заглянуть в следующую комнату.

Она была уставлена телевизионными экранами. Перед каждым, — а всего их было около дюжины — сидели двое, мужчина и женщина; они внимательно смотрели на экран и диктовали свои замечания аппарату звукозаписи. Наблюдатели переключались с одной передачи на другую; на всех экранах были разные изображения.

Передачи как будто не были связаны между собой. Сначала показывали магазин, где девушка, одетая, как Эприл Хорн, демонстрировала домашние холодильники. Потом — серию образцов кухонного оборудования.

Буркхардт заметил еще что-то, похожее на табачный киоск в здании, где помещалась его контора.

Это было загадочно, и Буркхардт охотно остался бы тут, чтобы во всем разобраться, но место было слишком людное. Кто-нибудь мог посмотреть в их сторону или встать с места и увидеть их.

Они обнаружили еще одну комнату. Она оказалась пустой. Это был большой, роскошный кабинет. Там стоял письменный стол, заваленный бумагами. Буркхардт мельком взглянул на них, потом, привлеченный содержанием какой-то бумажки, стал рассматривать ее внимательнее, все еще не веря своему открытию.

Схватив верхний лист, он прочел его, затем взял следующий, между тем как Свансон лихорадочно рылся в ящиках.

Наконец Буркхардт выругался и швырнул бумаги на стол.

В это время Свансон, продолжавший свои поиски, с восторгом крикнул:

— Смотрите! — И вытащил из стола револьвер. — Он заряжен!

Буркхардт тупо глядел на Свансона, пытаясь уяснить смысл прочитанного. Когда до него дошли слова Свансона, глаза его сверкнули.

— Вот это здорово! — воскликнул он. — Мы возьмем его, Свансон. Мы выйдем отсюда с этим револьвером. И пойдем в полицию! Не к нашим тайлертонским тупицам, а прямо в ФБР. Посмотрите-ка!

Бумага, которую он протянул Свансону, была озаглавлена: «Отчет по обследованному району. Объект: кампания по рекламированию сигарет Марлин». Текст

в основном состоял из столбцов цифр, ничего не говоривших ни Буркхардту, ни Свансону, но в конце было резюме:

«Хотя испытание 47-КЗ привлекло почти вдвое больше новых клиентов, чем прежние испытания, его, по-видимому, нельзя применять в широких масштабах из-за постановлений местных муниципалитетов, запрещающих пользоваться грузовиками с громкоговорящими установками.

Результаты испытаний по группе 47-К12 оказались на втором месте, и мы рекомендуем повторно произвести испытания этих средств воздействия, проверив каждую из трех лучших кампаний, с добавлением или без добавления опробованной техники.

Если же клиент не согласен на расходы по дополнительным испытаниям, можно перейти сразу к наиболее совершенным средствам воздействия из серии К12.

Средние значения предсказываемых результатов могут отклоняться от заранее предсказанных не более чем на 0,5% с вероятностью 80% и не более чем на 5% с вероятностью 99%».

Свансон посмотрел Буркхардту в глаза.

— Я что-то не понимаю, — пожаловался он.

— И не мудрено. Какая-то чушь, но это *неоспоримый факт*, Свансон, неоспоримый факт. Они не русские и не марсиане. Эти люди — специалисты по рекламе! Каким-то образом, бог знает как, они захватили Тайлerton. Они захватили власть над нами, над всеми нами, над вами и надо мной и еще над двадцатью или тридцатью тысячами человек.

Может быть, они гипнотизируют нас, а может быть, здесь что-то другое, но каким бы способом они этого

ни достигли, случилось так, что они дают нам прожить подряд только один день. И с утра до вечера в течение всего проклятого дня нас начинают рекламой. А потом смотрят, что произошло, и... вымывают этот день из наших мозгов, а на завтра испытывают другую рекламу.

У Свансона отвисла челюсть. Он с трудом закрыл рот, проглотил слюну и решительно сказал:

— Психи!

Буркхардт покачал головой.

— Конечно, это кажется безумием... Но ведь и все, что случилось, — безумие. Как вы иначе объясните? Вы не можете отрицать, что большая часть Тайлертонa все снова и снова живет в одном и том же дне. Вы сами *убедились*. Трудно поверить в такой бред, но мы должны допустить, что все обстоит именно так, — если только *мы сами* не свихнулись. И стоит лишь предположить, что кому-то известно, каким образом достигнуть этого, все остальное становится совершенно понятным.

Подумайте, Свансон! Они проверяют все до мельчайшей детали, прежде чем истратить пятицентовик на рекламу! Вы представляете себе, что это означает? Одному богу известно, какими капиталами они ворочают, но я доподлинно знаю, что некоторые фирмы тратят на рекламу до двадцати — тридцати миллионов долларов в год. Умножьте это, скажем, на сотню фирм. Допустим, что каждая из них найдет способ снизить расходы на рекламу всего на десять процентов. Для них это пустяки, поверьте мне!

Но если бы они заранее знали, какой вид рекламы сработает, то могли бы снизить свои расходы наполовину... может быть, и больше чем наполовину. Это дало бы экономию в двести, триста миллионов долларов в год; и, если за опыты над Тайлертоном они заплатят десять или даже двадцать процентов этой суммы, все равно выгода для них будет очень велика, а те, кто захватил Тайлертон, наживут целое состояние.

Свансон облизал губы.

— Вы хотите сказать, — нерешительно начал он, — что мы... как бы это выразиться... что-то вроде подопытных...

Буркхардт нахмурился.

— Пожалуй. — Он немного подумал. — Вы знаете, как врач испытывает, скажем, пенициллин? Он выращивает на желатиновых пластинках колонии бактерий и испытывает на них действие пенициллина, каждый раз несколько изменяя его состав. Так вот, это мы... мы — бактерии, Свансон. Только нас употребляют с бóльшим эффектом. Они могут проводить испытания нашей колонии, используя ее снова и снова.

Свансону было слишком трудно понять суть дела. Он только спросил:

— Что же мы предпримем?

— Мы пойдем в полицию. Они не имеют права обращаться с людьми, как с морскими свинками!

— А как добраться до полиции?

Буркхардт колебался.

— Я думаю... — медленно начал он. — Ну, конечно, мы находимся в кабинете какого-то важного лица. У нас револьвер. Мы просто останемся здесь, пока он не появится. И он сам выведет нас отсюда.

Просто и ясно. Свансон умолк и уселся у стены так, чтобы входящие его не заметили. Буркхардт притаился у самой двери.

Ждать пришлось не так уж долго, примерно с полчаса. Услышав приближающиеся голоса, Буркхардт шепотом успел предупредить об этом Свансона и прижался к стене.

Разговаривали мужчина и женщина. Мужчина говорил:

— ...причины, почему вы не могли сообщить по телефону? Вы губите результаты испытаний за целый день. Что, черт возьми, с вами делается, Дженет?

— Простите, мистер Дорчин, — сказала женщина ясным, мелодичным голосом. — Я считала это важным.

Мужчина проворчал:

— Важным! Одна паршивая единица из двадцати одной тысячи.

— Но ведь это же Буркхардт, мистер Дорчин. Опять он. И, судя по тому, при каких обстоятельствах он исчез, кто-то, очевидно, ему помогает.

— Ладно, ладно. Это не имеет значения, Дженет. Во всяком случае, программа по Чоко-байт выполняется с опережением графика. Поскольку вы уже сюда пришли, зайдите в кабинет и заполните ваш рабочий лист. И не тревожьтесь по поводу Буркхардта. Он, наверно, бродит где-то поблизости. Сегодня вечером мы поймаем его и...

Они вошли в комнату. Буркхардт ударом ноги закрыл дверь и поднял револьвер.

— Так вот что вы замышляете, — торжествующе проговорил он.

Буркхардт чувствовал себя вознагражденным за ужасные часы смятения и страха, за смутное ощущение безумия. Подобного удовлетворения он не испытывал никогда в своей жизни. На лице мужчины было такое выражение, о котором Буркхардту приходилось только читать: рот открылся, глаза вылезли из орбит.

У Дорчина отнялся язык. Ему удалось только выдать из себя вместо вопроса какой-то звук. Женщина была удивлена не меньше. Взглянув на нее, Буркхардт понял, почему ему знаком ее голос. Это была та самая девушка, что представилась ему как Эприл Хорн.

Однако Дорчин быстро овладел собой.

— Это Буркхардт? — резко спросил он.

— Да, — ответила девушка.

Дорчин кивнул. — Беру свои слова назад. Вы были правы. Эй, вы, Буркхардт! Чего вы хотите?

Свансон крикнул:

— Следите за ним! Может, у него есть второй револьвер.

— Тогда обыщите его, — распорядился Буркхардт. — Я скажу вам, Дорчин, чего мы хотим. Мы хотим, чтобы вы пошли с нами в ФБР и объяснили там, как вы умудрились похитить двадцать тысяч человек.

— Похитить? — фыркнул Дорчин. — Просто смешно. Уберите револьвер... так вы ничего не добьетесь!

Буркхардт с неумолимым видом потряс револьвером, как бы взвешивая его в руке.

— Я думаю, что добьюсь!

Казалось, Дорчин был взбешен и раздосадован, но, как ни странно, он не испугался.

— Проклятие... — проревел он, потом сбавил тон: — Послушайте, вы делаете большую ошибку. Я никого не похищал, поверьте мне!

— Я не верю вам, — резко отпарировал Буркхардт. — Почему я должен верить?

— Но это правда! Даю вам честное слово!

Буркхардт покачал головой.

— Можете давать свое слово ФБР. Там мы все выясним. А теперь — как нам отсюда выбраться?

Дорчин открыл было рот, чтобы возразить, но Буркхардт вскипел:

— Не становитесь на моем пути! Я не задумываюсь убью вас! Неужели вы этого не понимаете? Два дня я был в аду, и вы ответите теперь за каждую секунду. Убить вас для меня одно удовольствие, мне нечего терять! Выведите нас отсюда!

Лицо Дорчина вдруг отупело. Казалось, он готов был уже выполнить требование Буркхардта, но белокурая девушка, которую он называл Дженет, стала между ним и револьвером.

— Пожалуйста! — упрашивала она Буркхардта. — Вы не понимаете. Вы не должны стрелять!

— Отойдите в сторону!

— Но, мистер Буркхардт...

Фраза так и осталась неоконченной. Дорчин бросился к двери. Буркхардт поднял револьвер. Девушка пронзительно завизжала и заслонила собой мужчину. Буркхардт нажал спуск. Он целился ниже, чтобы ранить, а не убить. Но его рука дрогнула, и пуля попала ей под ложечку.

Дорчина и след простыл; дверь за ним захлопнулась; слышно было, как он бежит — уже где-то далеко.

Буркхардт отшвырнул револьвер и подскочил к девушке.

Свансон стонал:

— Теперь нас прикончат, Буркхардт. О, зачем вы это сделали? Мы могли бы выбраться. Мы должны были пойти в полицию. В сущности, нам ничего не стоило выбраться отсюда! Мы...

Буркхардт не слушал. Он опустился на колени около девушки. Она лежала, вытянувшись на спине, как-то странно раскинув руки. Крови не было, но лежать так, как она лежала, не мог бы ни один живой человек.

И все же она не была мертва.

Она не была мертва, однако Буркхардт, застывший около нее, подумал: *«Но она и не живая»*.

Пульса не было, но вытянутые пальцы рук ритмично подрагивали. Не слышно было дыхания, но раздавался какой-то шипящий свист.

Открытые глаза смотрели на Буркхардта. В них нельзя было прочесть ни страха, ни страдания, в них была только глубокая жалость, более острая, чем жало осы. Ее губы искривились в мимолетной улыбке, и она прошептала:

— Не... беспокойтесь, мистер Буркхардт. Со мной... все в порядке.

Все еще стоя на коленях, Буркхардт откинулся назад, не сводя глаз с девушки. Там, откуда должна была течь кровь, виднелось чистое отверстие, пробитое в каком-то веществе, которое не было плотью, и в нем... виток тонкой золотисто-медной проволоки.

Буркхардт провел языком по пересохшим губам.

— Вы робот! — сказал он.

Девушка пыталась кивнуть головой, губы ее подергивались. Она прошептала:

— Да. И вы тоже.

V

Свансён, издав какой-то нечленораздельный звук, подошел к письменному столу, сел и устался в стену. Буркхардт, сидя на полу рядом с разбитой куклой, только раскачивался из стороны в сторону. Он не находил слов.

Девушка с трудом произнесла:

— Мне... очень жаль, что все так случилось. — Красивые губы на гладком молодом лице, кривясь, растянулись в усмешку. Это было страшно. Наконец ей удалось совладать с ними. — Очень жаль, — повторила она. — Пуля попала как раз поблизости от нервного центра. Стало трудно... управлять этим телом.

Буркхардт машинально кивнул, как бы давая понять, что принимает извинения. Роботы. Теперь, когда он знал, все стало на свои места. Он вспомнил мистические предположения о гипнозе, или о марсианах, или о чем-нибудь еще более страшном... Глупости. Ведь существуют же роботы, созданные людьми. Как просто. И этим все объясняется.

В его распоряжении было сколько угодно доказательств. Завод-автомат с пересаженными мозгами... Почему не пересадить мозг человекообразному роботу и не придать ему черты лица и фигуру человека?

Мог ли Буркхардт догадаться, что он робот?

— Все мы, — сказал он, почти не сознавая, что говорит вслух. — Моя жена, и моя секретарша, и вы, и соседи. Со всеми нами одно и то же. Все мы...

— Нет. — Голос девушки окреп. — Не совсем одно и то же. Я сама, видите ли, захотела этого. Я... — теперь ее губы кривились уже не из-за нервных судорог. — Я была уродливой женщиной, мистер Буркхардт. Мне было уже под шестьдесят. Жизнь прошла мимо меня. И когда мистер Дорчин предложил мне начать новую жизнь в образе красивой девушки, я ухватилась за эту возможность. Поверьте мне, я ухватилась за это, несмотря ни на что. Мое тело из плоти и крови все еще живо... оно спит, пока я здесь. Я могу возвращаться в него. Но я никогда этого не делаю.

— А все остальные?

— С ними не так, мистер Буркхардт. Я работаю здесь, выполняю распоряжения мистера Дорчина; составляю таблицы результатов рекламных испытаний, наблюдаю за тем, как вы и другие живете по его указке. Я делаю это по своему выбору, а у вас выбора нет, потому что... потому что... все вы мертвы.

— Мертвы? — воскликнул Буркхардт; это был почти вопль.

Голубые глаза смотрели на него не мигая, и он знал, что это не ложь. Он проглотил слюну, невольно восхищаясь сложными механизмами, которые заставляют его глотать, потеть и есть.

Он сказал:

— Значит, взрыв, который мне снился...

— То был не сон. Вы правы — он был настоящий, и все из-за этого завода. Газгольдеры взлетели на воздух, и те, кто уцелел после взрыва, немного позже задохнулись. Но почти все погибли во время взрыва, двадцать одна тысяча человек. Вы умерли с ними, и этим воспользовался Дорчин.

— Проклятый кровопийца! — прошептал Буркхардт.

Перекошенные плечи подергивались с каким-то странным изяществом.

— Что ж, вы умерли. И вы, и все остальные стали такими, как хотелось Дорчину... целый город, прекрасный кусочек Америки. Мертвый мозг можно использовать так же легко, как и живой. Даже легче: мертвый не может сказать «нет». О, это потребовало труда и денег — весь город был в развалинах, — но полностью восстановить его не составило большого труда, в особенности потому, что не нужно было точно воспроизводить все детали.

Те из домов, где мозги обитателей были полностью разрушены, остались внутри пустыми, не были восстановлены и подвалы, от которых не требовалось слишком большого совершенства, и улицы, не имевшие существенного значения. Во всяком случае, все должно продолжаться только один день. Один и тот же день — 15 июня — снова и снова; и, если кому-нибудь это покажется странным, его открытие не успеет стать достоянием большого числа людей и повредить ценности испытаний, потому что в полночь все ошибки аннулируются.

Она попыталась улыбнуться.

— День 15 июня, мистер Буркхардт, — это сон, так как на самом деле вы этого дня никогда не переживали. Это подарок мистера Дорчина, сновидение, которое он посылает вам, а затем забирает обратно в конце дня, когда у него появятся все данные о том, на скольких из вас подействовал тот или иной вариант той или иной рекламы; и ремонтные бригады спустятся в туннель и пройдут через город, чтобы своими ма-

ленькими электронными плангами смыть очередной сон, после чего он начинается сначала. И все происходит 15 июня...

Всегда 15 июня, потому что 14 июня было последним днем, в который каждый из вас может помнить себя живым. Иногда бригады кого-нибудь пропускают, как пропустили вас, потому что вы лежали под лодкой. Но это не имеет значения. Пропущенные сами выдают себя, если показывают, что помнят происходившее с ними... Но мозги тех из нас, кто работает на Дорчина, никто не промывает. Когда энергия выключается, мы засыпаем, как и вы. Однако, проснувшись, мы все помним. — Ее лицо дико исказилось. — Если бы я только могла забыть!

Буркхардт недоверчиво произнес:

— И все для того, чтобы продавать товары! Это должно стоить миллионы!

Женщина-робот ответила:

— Совершенно верно. Но и Дорчин заработал миллионы. И это еще не все. Если он найдет слова, которые заставят людей действовать, вы думаете, он на этом остановится? Вы думаете...

Дверь открылась, и она не кончила фразы. Буркхардт заметался. Вспомнив о бегстве Дорчина, он поднял с пола револьвер.

— Не стреляйте, — спокойно приказал вошедший.

То был не Дорчин, а еще один робот, не замаскированный с помощью пластмасс и косметики, а неприкрыто блестящий. Он сказал металлическим голосом:

— Забудьте обо всем, Буркхардт. Вы ничего не добьетесь. Дайте мне револьвер, пока вы не натворили еще каких-нибудь бед. *Сейчас же дайте его мне.*

Туловище этого робота отливало сталью. Буркхардт гневно закричал. Он вовсе не был уверен, что пули могут пробить это существо или нанести ему большей вред, если даже и пробьют. Но все же он хотел попытаться...

Вдруг позади него послышалось какое-то хныканье и возня; это был Свансон, от страха впавший в истерику. Он накинулся на Буркхардта и сбил его с ног; револьвер при этом отлетел в сторону.

— Пожалуйста! — запинаясь, умолял Свансон, простершись перед стальным роботом. — Он чуть не убил вас... Пожалуйста, не бейте меня! Разрешите мне работать на вас, как эта девушка. Я буду делать все, что вы скажете...

Голос робота произнес:

— Мы не нуждаемся в вашей помощи.

Он сделал два четких шага, остановился около револьвера и, отшвырнув его ногой, оставил лежать на полу.

Раненый белокурый робот сказал без всякого выражения:

— Кажется, я недолго протяну, мистер Дорчин.

— Отключитесь, если надо, — ответил стальной робот.

Буркхардт удивленно заморгал.

— Но ведь вы не Дорчин!

Стальной робот взглянул на него глубоко запавшими глазами.

— Я Дорчин, — сказал он. — Но не из плоти и крови... В настоящий момент я пользуюсь *этим* телом. Не думаю, чтобы ему был опасен ваш револьвер. Тело другого робота было уязвимым. Но не пора ли вам прекратить эту бессмыслицу? Я не хотел бы причинять

вам вред, вы слишком дорого стоите. Не присядете ли вы и не дадите ли возможность ремонтной бригаде привести вас в порядок?

Свансон продолжал ползать по полу.

— Вы... вы не накажете нас?

У стального робота не было лица, которое могло что-либо выражать, но в его голосе прозвучало удивление.

— Накажу вас? — повторил он уже громче. — Но как?

Свансон вздрогнул, словно от удара кнутом, но Буркхардт вспылил:

— Приводите *его* в порядок, если он разрешит вам, но не меня! Вам придется причинить мне уйму вреда, Дорчин. Мне нет дела до того, сколько я стою и сколько труда потребует, чтобы снова собрать меня. Я сейчас выйду в эту дверь. Если вы захотите остановить меня, вам придется меня убить. Иначе не остановите!

Робот чуть приблизился, и Буркхардт, занеся ногу, невольно замер. Он стоял, балансируя и качаясь, готовый к смерти, готовый к нападению, готовый ко всему, что бы ни случилось.

Готовый ко всему, кроме того, что случилось на самом деле. Стальное туловище робота отступило в сторону, став между Буркхардтом и револьвером, но больше не загромождавая двери.

— Идите, — предложил робот. — Никто вас не держивает.

За дверью Буркхардт остановился. Со стороны Дорчина было безумием отпустить его! Был ли Буркхардт роботом или человеком из плоти, жертвой или облаго-

детельствованным, ничто не помешает ему пойти в ФБР или в любое стоящее на страже закона учреждение, какое ему удастся найти за пределами синтетического царства Дорчина, и рассказать там свою историю. Разумеется, корпорация, платящая Дорчину за результаты испытаний, не имеет понятия о тех вурдачьих приемах, которыми он пользуется; Дорчин должен скрывать их от нее, так как малейшая огласка положила бы им конец. Выход отсюда, возможно, означает смерть... Но в это мгновение смерть не страшила Буркхардта.

В коридоре никого не было. Буркхардт отыскал окно и выглянул наружу. Перед ним лежал Тайлертон — город-суррогат, казавшийся, однако, таким реальным и знакомым, что Буркхардт был почти готов принять все происшедшее за сон. И все же это был не сон. В глубине души он знал это, так же как знал, что ничто в Тайлертоне не может теперь помочь ему.

Но как отсюда выйти? У него ушло четверть часа на поиски дороги, он искал ее, крадучись, обходя коридоры, прячась, когда ему мерещились чьи-то шаги, — сознавая в то же время, что он скрывается напрасно, так как Дорчин, несомненно, осведомлен о каждом его движении. Но никто не остановил его, и вот он увидел дверь.

Изнутри это была довольно простая дверь. Но, когда он открыл ее и переступил порог, его взору предстало зрелище не похожее ни на что виденное им когда-либо раньше.

Прежде всего его поразил свет — сверкающий, неправдоподобный, ослепительный свет. Щурясь, Буркхардт испуганно смотрел по сторонам. Он стоял на выступе из гладкого полированного металла. Меньше

чем в десятке шагов уступ круто обрывался; Буркхардт не решался приблизиться к краю, но даже оттуда, где он стоял, было видно, что перед ним бездонная пропасть. По обе стороны от него до самого горизонта в ярком свете простиралась бездна.

Не удивительно, что Дорчин так легко дал ему свободу! Идти было некуда... Но как невероятна эта фантастическая бездна, как немыслима эта сотня белых, слепящих солнц, висящих над ней!

Голос рядом с ним вопросительно произнес:

— Буркхардт?

И раскаты эха повторили его имя, мягко перекатываясь в бездне у его ног.

Буркхардт облизал губы.

— Д...да? — прохрипел он.

— Это Дорчин. На этот раз не робот, а Дорчин из плоти и крови, — я говорю с вами в переносной микрофон. Ну, теперь вы видели, Буркхардт? Теперь вы будете благодарны и отдадитесь в руки ремонтных бригад?

Буркхардт стоял, парализованный ужасом. Одна из движущихся гор, залитая ослепительным светом, приближалась к нему.

Она возвышалась на сотню метров над его головой; он пристально смотрел на ее вершину, беспомощно щурясь на свет.

Она была похожа на...

Невозможно!

Громкоговоритель около двери произнес:

— Буркхардт?

Но он был не в силах ответить.

Послышался тяжелый сочувственный вздох.

— Я вижу, вы наконец поняли, — произнес голос. — Идти некуда. Теперь вы это знаете. Я мог бы и раньше сказать вам, но вы, вероятно, не поверили бы мне, так что для вас было лучше увидеть самому. В конце концов, Буркхардт, почему я должен восстановить город в точности таким, каким он был раньше? Я деловой человек; я подсчитываю расходы. Если вещь должна быть натуральной величины, я такой ее и сооружаю. Но в данном случае в этом нет никакой необходимости.

Буркхардт беспомощно смотрел, как с возвышавшейся перед ним горы к нему осторожно спускалась небольшая скала. Она была длинная и темная, и на ее конце мерцало что-то белое, белые пятна пальцев...

— Бедный маленький Буркхардт, — монотонно пропел громкоговоритель, и эхо загрохотало в огромной бездне, которая была всего лишь лабораторией.

— Каким это должно быть потрясением для вас — понять, что вы живете в городе, построенном на столе!

VI

Утром 15 июня Гай Буркхардт проснулся от собственного крика.

Это был чудовищный, непостижимый сон, полный неопишуемых ужасов. Ему приснились взрывы и туманные, нечеловеческие фигуры.

Он вздрогнул и открыл глаза.

За окном его спальни завывал голос, во сто крат усиленный громкоговорителем.

Буркхардт, ковыляя, подошел к окну и стал смотреть на улицу. Воздух был прохладен не по сезону —

скорее октябрь, чем июнь; но улица имела вполне обычный вид, если не считать грузовика с громкоговорящей установкой, который въехал на край тротуара за полквартала от их дома. Рупоры ревели:

— Вы трус? Вы дурак? Вы собираетесь допустить, чтобы политические мошенники украли у вас страну? **НЕТ!** Вы собираетесь примириться еще с четырьмя годами взяточничества и преступлений? **НЕТ!** Вы будете всегда и всюду голосовать за кандидатов Федеральной партии?

— *ДА! Конечно, вы это сделаете!*

Громкоговоритель то визжит, то уговаривает, угрожает, просит, льстит... но голос его все звучит и звучит — целый день, беспрестанно повторяющийся день 15 июня.

ВСЕ ГРЕХИ МИРА

Главные отрасли промышленности Земли работали на Мултивак — исполинскую вычислительную машину, которая за пятьдесят лет выросла до невиданных размеров и, заполнив Вашингтон с его предместьями, протянула бесчисленные щупальца во все большие и малые города мира.

Целая армия гражданских служащих непрерывно снабжала Мултивак информацией, другая армия уточняла и интерпретировала получаемые от него данные. Корпус инженеров поддерживал порядок во внутренностях машины, а рудники и заводы выбивались из сил, стараясь, чтобы резервные фонды бесперебойно пополнялись безупречными запасными деталями.

Мултивак управлял экономикой Земли и оказывал помощь науке. И, что важнее всего, он служил справочным центром, источником любых сведений о лобом жителе земного шара. Помимо всего прочего, Мултивак должен был ежедневно обрабатывать данные о четырех миллиардах людей, населяющих Землю, и экстраполировать эти данные на сутки вперед.

Каждый из многочисленных Отделов контроля и управления получал от Мултивака сведения, соответствующие его профилю, а потом уже в виде суммарного отчета они поступали в Вашингтон, в Центральный совет контроля и управления.

Уже четвертую неделю Бернард Галлимен занимал пост председателя Центрального совета контроля и управления (председатель избирался на год). Он настолько свыкся с утренними отчетами, что они больше не пугали его. Как обычно, отчет представлял собой стопу бумаг толщиной около пятнадцати сантиметров. Галлимен уже знал, что от него и не требуется читать все подряд (ни один человек не в силах был бы это делать). Но заглянуть в них было все-таки любопытно.

Как всегда, в отчете находился и список предугадываемых преступлений: всякого рода мошенничества, кражи, нарушения общественного порядка, непредумышленные убийства, поджоги. Галлимен искал глазами единственный интересующий его заголовок и ужаснулся, найдя его в отчете. Затем ужаснулся еще больше, увидев против заголовка цифру два. Да, не один, а целых два, два случая убийства первой категории! За все то время, что он был председателем, ему еще не встречалось два предполагаемых убийства за один день.

Он ткнул пальцем в кнопку двухсторонней внутренней связи и стал ждать, когда на экране видеофона появится гладко выбритое лицо главного координатора.

— Али, — сказал Галлимен, — сегодня два убийства первой категории. Что это значит? Возникла какая-нибудь необычная проблема?

— Нет, сэр. — Смуглое лицо с черными пронзительными глазами показалось Галлимену спокой-

ным. — В обоих случаях выполнение весьма мало вероятно,

— Знаю, — ответил Галлимен. — Я заметил, что вероятность в обоих случаях не превышает пятнадцати процентов. Все равно, репутацию Мултивака надо поддерживать. Он фактически ликвидировал преступления, а общественность судит об этом по количеству убийств первой категории, — это преступление, как известно, самое эффективное.

Али Отман кивнул.

— Да, сэр, я вполне это сознаю.

— Надеюсь, вы сознаете также, что, пока я занимаю этот пост, ни одно подобное убийство не должно иметь места. Если проскочит любое другое преступление, я готов посмотреть на это сквозь пальцы. Но если кто-нибудь совершит убийство первой категории, я с вас шкуру спущу. Поняли?

— Да, сэр. Подробные анализы потенциальных убийств уже переданы в районные учреждения по месту ожидаемых преступлений. Потенциальные преступники и жертвы находятся под наблюдением. Я еще раз подсчитал вероятность осуществления убийств — она уже понижается.

— Отлично, — произнес Галлимен и отключился.

Он вернулся к списку, но его не оставляло неприятное ощущение, что, пожалуй, он взял чересчур начальнический тон. Что делать, с этими постоянными служащими приходится проявлять строгость, чтобы они не вообразили, будто заправляют решительно всем, включая председателя. Особенно Отман, он работает с Мултиваком с того времени, когда оба они были еще совсем молодыми. У него такой вид, будто Мултивак —

его собственность. Есть от чего прийти в бешенство...

Для Галлимена ликвидация преступлений первой категории была вопросом его политической карьеры. До сих пор ни у одного председателя не обходилось без того, чтобы в то или иное время в каком-нибудь уголке Земли не произошло убийство. Предыдущий председатель подошел к концу срока с восемью убийствами — на три больше (*больше* — подумать страшно), чем при его предшественнике.

Галлимен твердо решил, что на его счету не окажется *ни одного*. Он будет первым председателем без единого убийства за весь срок. Если к этому добавить еще благоприятное общественное мнение, то...

Остальную часть отчета он едва пробежал. Подсчитал мимоходом, что в списке стояло по меньшей мере 2000 предполагаемых случаев нанесения побоев женам. Несомненно, не все случаи удастся предотвратить. Возможно, процентов тридцать и будет осуществлено. Но таких случаев неизменно становилось все меньше и меньше, а выполнить задуманное удавалось все реже и реже.

Мултивак лишь пять лет назад присоединил нанесение побоев женам к числу предугадываемых преступлений, и далеко не каждый мужчина успел привыкнуть к мысли, что, если ему придет в голову поколотить свою жену, это будет известно заранее. По мере того как эта мысль станет укореняться в сознании общества, женщинам будет доставаться все меньше тумаков, а в конце концов они и вовсе перестанут их получать.

Нанесение побоев мужьям тоже фигурировало в отчете, правда в небольшом количестве.

Али Отман отключился, но продолжал сидеть, не сводя глаз с экрана, на котором уже исчезла лысая голова Галлимена и его двойной подбородок. Затем перевел взгляд на своего помощника Рейфа Лими и сказал:

— Так как же нам быть?

— Не спрашивайте. И он еще беспокоится из-за каких-то двух пустяковых убийств, когда...

— Мы отчаянно рискуем, взявшись уладить это собственными силами. Но, если мы ему скажем, его ярости хватит удар. Этим выборным деятелям приходится все время думать о своей шкуре. Галлимен непременно вмешается и все испортит.

Лими кивнул и прикусил толстую нижнюю губу.

— Да, но что если мы дадим маху? Это, знаете, будет грозить концом света.

— Если мы дадим маху, тогда не все ли равно, что будет с нами? Нас просто втянет во всеобщую катастрофу. — И добавил уже бодрее: — Черт побери, как-никак вероятность не выше двенадцати и трех десятых процента. В любом другом случае, кроме, пожалуй, убийства, мы дали бы вероятности немного возрасти, прежде чем принимать те или иные меры. Ведь не исключено и самопроизвольное исправление.

— Вряд ли на это стоит рассчитывать, — сухо вато заметил Лими.

— Да я и не рассчитываю. Просто констатирую факт. Во всяком случае, при той степени вероятности, какая наблюдается сейчас, я предлагаю ограничиться простым наблюдением. Подобные преступления не задумывают в одиночку, где-то должны быть сообщники.

— Но Мултивак никого не назвал.

— Знаю. Но все же... — он не закончил фразы.

Так они сидели и изучали подробности того преступления, которое не было включено в список, врученный Галлимену. Преступления во сто крат более страшного, чем убийство первой категории. Преступления, на которое за всю историю Мултивака не отважился ни один человек. И мучительно думали, как им поступить.

Бен Мэннерс считал себя самым счастливым из всех шестнадцатилетних подростков Балтимора. Возможно, он преувеличивал. Но зато уж наверняка он был одним из самых счастливых и самых взбудораженных.

Он входил в горстку тех, кого допустили на галереи стадиона во время торжественного приведения к присяге восемнадцатилетних. Присягу должен был давать его старший брат, и их родители заранее заказали билеты на церемонию и позволили сделать то же Бену. Но, когда Мултивак стал отбирать гостей, как ни странно, из всей семьи Мэннерсов его выбор пал именно на Бена.

Через два года Бену и самому предстояло присягать, но наблюдать, как это делает старший брат, Майкл Мэннерс, было почти так же интересно. Родители тщательно проследили за процедурой одевания Бена, чтобы представитель семьи не ударил в грязь лицом. Потом отправили, снабдив уймой наставлений для Майкла, который уехал из дому несколько дней назад, чтобы пройти предварительный врачебный и неврологический осмотр.

Стадион находился на окраине города. Бена, которого распирало от сознания своей значительности, провели на место. Ниже, ряд за рядом, сидели сотни и сотни восемнадцатилетних (мальчики направо, девочки

налево) — все были из второго округа Балтимора. В разное время года подобные торжества проходили по всей Земле, но здесь был родной Балтимор, и, конечно, это самое главное торжество. Где-то там, внизу, сидел и Майкл, брат Бена.

Бен обводил взглядом затылки, надеясь высмотреть брата. Разумеется, это ему не удалось. Но тут на высокий помост, установленный перед трибунами, поднялся человек, и Бен перестал вертеть головой, приготовившись слушать.

Человек заговорил:

— Добрый день, участники торжества и гости. Я — Рэндолф Хоч. В этом году я отвечаю за балтиморские церемонии. С их участниками я уже неоднократно встречался в ходе врачебных и неврологических исследований. Большая часть задач выполнена, но главное еще впереди. Личность дающего присягу должна быть зарегистрирована Мултивакком.

Ежегодно эту процедуру приходится разъяснять молодежи, достигающей совершеннолетия. До сих пор, — он обращался теперь только к сидящим перед ним и перестал смотреть на галерею, — вы не были взрослыми людьми, не были личностями в глазах Мултивака, если только по какому-то особому поводу кого-либо из вас не выделяли как личность ваши родители или правительство.

До сих пор, когда приходило время ежегодного обновления информации о населении, необходимые сведения о вас давали ваши родители. Теперь настала пора, когда вы должны взять эту обязанность на себя. Это большая честь, но и большая ответственность. Ваши родители рассказали нам, в какой школе вы учились, какими болезнями болели, каковы ваши привыч-

ки — словом, массу подробностей. Но вы поведаете нам сейчас гораздо больше: ваши сокровенные мысли, ваши тайные, никому не известные поступки.

Поначалу это нелегко, даже тягостно, но это необходимо сделать. Тогда Мултивак сможет дать исчерпывающий анализ каждого из вас. Мултиваку будут ясны не только все ваши поступки и желанья, но он даже сможет с достаточной точностью предугадывать многие из них.

И благодаря всему этому Мултивак станет охранять вас. Если вам будет грозить несчастье, Мултивак узнает об этом заранее. Если кто-нибудь задумает против вас недоброе, это станет известно. Если вы задумаете недоброе, он тоже будет знать, и вас вовремя остановят, так что не возникнет необходимости применять наказание.

Располагая сведениями обо всех вас, Мултивак поможет человечеству управлять экономикой и использовать законы Земли для всеобщего блага. Если вас будет мучить какой-нибудь личный вопрос, вы придете с ним к Мултиваку, и он вам поможет.

Сейчас вам придется заполнить много анкет. Тщательно продумывайте ответы, чтобы они были как можно точнее. Пусть вас не останавливает стыд или осторожность. Никто, кроме Мултивака, никогда не узнает о ваших ответах, если только не придется ознакомиться с ними, для того чтобы охранять вас. Но и тогда они станут известны только специальным уполномоченным.

Вам, может быть, захочется кое-где извратить правду. Не делайте этого. Мы все равно обнаружим обман. Все ваши ответы, взятые вместе, создадут определенную картину. Если некоторые из ответов не будут правдивы, они выпадут из общей картины, и Мултивак

выявит это. Если все ответы будут неправильны, получится искаженное представление о человеке, и Мултивак без труда изобличит обман. Поэтому говорите только правду.

Но вот все было закончено: заполнение анкет, последующие церемонии, речи. И тогда Бен, стоя на цыпочках, все-таки увидел Майкла: тот все еще держал в руках одежду, которая была на нем во время «парада совершеннолетних». Братья радостно кинулись друг к другу.

Поужинав, они отправились по скоростной автостраде домой, оживленные, взбудораженные событиями дня.

Они совсем не были подготовлены к тому, что ожидало их дома. Оба были ошеломлены, когда перед входной дверью их остановил бесстрастный молодой человек в форме, когда у них потребовали документы, прежде чем впустить в родной дом, когда они увидели родителей, с потерянным видом одиноко сидящих в столовой.

Джозеф Мэннерс постарел за один день, глаза у него глубоко запали. Он недоумевающе посмотрел на сыновей и сказал:

— По-видимому, я под домашним арестом.

Бернард Галлимен не стал читать отчета целиком. Он прочел только сводку, и она бесконечно обрадовала его.

Для всех людей стала привычной мысль, что Мултивак способен предугадать совершение серьезных преступлений. Люди знали, что агенты Отдела контроля и управления окажутся на месте преступления раньше,

чем оно будет совершено. Они усвоили, что любое преступление неизбежно повлекло бы за собой наказание. И постепенно у них выработалось убеждение, что нет никаких способов пережить Мултивак.

В результате редкостью стали даже преступные умыслы. По мере того как преступления замышлялись все реже, а емкость памяти Мултивака становилась все больше, к списку предугадываемых преступлений присоединялись более мелкие проступки, число которых в свою очередь все уменьшалось.

И вот недавно Галлимен приказал выяснить, способен ли Мултивак заняться еще и проблемой предугадывания заболеваний, и выяснить это, естественно, должен был сам Мултивак. Тогда внимание врачей можно было бы обратить на тех пациентов, которым в следующем году грозит опасность заболеть диабетом, раком или туберкулезом.

Береженого, как известно...

Отчет был очень благоприятным.

Наконец получили список возможных преступлений на этот день — опять-таки ни одного убийства первой категории!

В приподнятом настроении Галлимен вызвал Али Отмана.

— Отман, каково среднее число преступлений в ежедневном списке за истекшую неделю, если сравнить его с первой неделей моего председательства?

Оказалось, что среднее число снизилось на восемь процентов. Галлимен почувствовал себя на седьмом небе. От него это, правда, не зависит, но ведь избиратели этого не знают. Он благословлял судьбу за то, что ему посчастливилось вступить в должность в удачную эпоху, в самый расцвет деятельности Мултивака,

когда даже от болезней можно укрыться под защитой его всеобъемлющего опыта.

Галлимен сделает на этом карьеру.

Отман пожал плечами.

— Как видите, он счастлив.

— Когда же мы ему все выложим? — спросил Лими. — Мы установили наблюдение за Мэннерсом — и вероятность возросла, а домашний арест дал новый скачок.

— Что я, сам не знаю? — раздраженно ответил Отман. — Мне не известно только одно: отчего такое происходит.

— Может быть, как вы и предполагали, дело в общниках? Мэннерс попался, вот остальные и понимают, что нужно нанести удар сразу либо никогда.

— Как раз наоборот. Из-за того, что один у нас в руках, остальные должны разбежаться кто куда. Кстати, почему Мултивак никого не назвал?

Лими пожал плечами.

— Так что же, скажем Галлимену?

— Подождем еще немного. Вероятность пока — семнадцать и три десятых процента. Сначала попытаемся принять более решительные меры.

Элизабет Мэннерс сказала младшему сыну:

— Иди к себе, Бен.

— Но что случилось, ма? — прерывающимся голосом спросил Бен, убитый тем, что этот чудесный день завершился такими невероятными событиями.

— Прошу тебя!

Он неохотно вышел из комнаты, топая ногами, поднялся по лестнице, потом бесшумно спустился обратно.

А Майкл Мэннерс, старший сын, новоиспеченный взрослый мужчина и надежда семьи, повторил точно таким же тоном, что и брат:

— Что случилось?

Джо Мэннерс ответил ему:

— Бог свидетель, сын мой, не знаю. Я не сделал ничего дурного.

— Ясно, не сделал. — Майкл в недоумении взглянул на своего тщедушного кроткого отца. — Они, наверно, явились сюда из-за того, что ты что-то *задумал*.

— Ничего я не задумывал.

Тут вмешалась возмущенная миссис Мэннерс:

— О чем ему надо было думать, чтобы заварилось такое? — Она повела рукой, указывая на цепь охранников вокруг дома. — Когда я была маленькой, помню, отец моей подруги служил в банке. Однажды ему позвонили и велели не трогать денег. Он так и сделал. Денег было пятьдесят тысяч долларов. Он вовсе не брал их. Только подумывал, не взять ли. В те времена все делалось не так тихо, как теперь. История вышла наружу, и я тоже слышала о ней.

— Но я хочу сказать вот что, — продолжала она, заламывая руки, — тогда речь шла о пятидесяти тысячах. Пятьдесят тысяч долларов... И тем не менее они всего-навсего позвонили тому человеку. Один телефонный звонок — и все. Что же такое мог задумать ваш отец, ради чего стоило бы присылать больше десятка охранников и изолировать наш дом от всего мира?

В глазах Джо Мэннерса застыла боль. Он произнес:

— Клянусь вам, у меня и в мыслях не было никакого преступления, даже самого незначительного.

Майкл, исполненный сознания своей новоприобретенной мудрости совершеннолетнего, сказал:

— Может, тут что-нибудь подсознательное, па? Наверно, ты затаил злобу против своего начальника.

— И потому хочу его убить? Нет!

— И они не говорят, в чем дело, па?

— Нет, не говорят, — опять вмешалась мать. — Мы спрашивали. Я сказала, что одним своим присутствием они губят нас в глазах общества. Они по крайней мере могли бы сказать, в чем дело, чтобы мы сумели защищаться, объяснить.

— А они не говорят?

— Не говорят.

Майкл стоял, широко расставив ноги, засунув руки глубоко в карманы. Он обеспокоенно произнес:

— Слушай, ма, Мултивак никогда не ошибается.

Отец беспомощно уронил руку на подлокотник дивана.

— Говорю тебе, я не думаю ни о каком преступлении.

Дверь без стука открылась, и в комнату энергичным, уверенным шагом вошел человек в форме. Лицо его было холодно и официально.

— Вы Джозеф Мэннерс?

Джо Мэннерс поднялся.

— Да. Что вы еще от меня хотите?

— Джозеф Мэннерс, по распоряжению правительства вы арестованы. — И он показал удостоверение офицера Отдела контроля и управления. — Я вынужден просить вас отправиться со мной.

— Но почему? Что я сделал?

— Я не уполномочен обсуждать этот вопрос.

— Допустим даже, что я задумал преступление, нельзя арестовать за одну только мысль о нем. Для этого я должен действительно совершить преступление. Иначе арестовать нельзя. Это противоречит закону.

Но агент оставался глух ко всем доводам.

— Вам придется отправиться со мной.

Миссис Мэннерс вскрикнула и, упав на диван, истерически зарыдала.

У Джозефа Мэннерса не хватило смелости оказать прямое сопротивление агенту — это значило бы нарушить законы, к которым его приучали всю жизнь. Но все же он стал упираться, и офицеру пришлось, прибегнув к силе, тащить его за собой. Голос Мэннерса был слышен даже за дверью:

— Скажите мне, в чем дело? Только скажите. Если бы я знал... Это убийство? Скажите, предполагают, что я замышляю убийство?

Дверь захлопнулась. Побледневший Майкл Мэннерс совсем по-детски, растерянно поглядел сперва на дверь, а потом на плачущую мать.

Стоявший за дверью Бен Мэннерс внезапно почувствовал себя главой семьи и решительно сжал губы, твердо зная, как ему поступить.

Если Мултивак отнимал, то он мог и давать. Только сегодня Бен присутствовал на торжестве. Он слышал, как тот человек, Рэндолф Хоч, рассказывал про Мултивак и про то, что он может делать. Он отдает приказания правительству и в то же время не игнорирует простых людей и выручает их, когда они обращаются к нему за помощью. Любой может просить помощи у Мултивака, а любой — это значит и Бен. Ни матери, ни Майклу не удержать его. У него есть немного денег из тех, что были ему даны на сегодняшний

праздник. Если позднее они хватятся его и будут волноваться, — что ж, ничего не поделаешь. Сейчас для него на первом месте отец.

Он вышел с черного хода. Караульный в дверях проверил документы и пропустил его.

Гарольд Куимби заведовал сектором жалоб на балтиморской подстанции Мултивака. Этот отдел гражданской службы Куимби считал самым важным. Отчасти он был, пожалуй, прав; во всяком случае, когда Куимби рассуждал на эту тему, почти никто не мог остаться равнодушным.

Во-первых, как сказал бы Куимби, Мултивак, по сути дела, вторгается в частную жизнь людей. Приходится признать, что последние пятьдесят лет мысли и побуждения человека больше не принадлежат ему одному, в душе у него нет таких тайников, которые можно было бы скрыть. Но человечеству требуется что-то взамен утраченного. Конечно, мы живем в условиях материального благополучия, покоя и безопасности, но все-таки эти блага — нечто обезличенное. Каждый мужчина, каждая женщина нуждаются в каком-то личном вознаграждении за то, что они доверили Мултиваку свои тайны. И все получают это вознаграждение. Ведь каждый имеет доступ к Мултиваку, которому можно свободно доверить все личные проблемы и вопросы, без всякого контроля и помех, и буквально через несколько минут получить ответ.

В любой нужный момент в эту систему вопросов — ответов вовлекались пять миллионов цепей из квадратильона цепей Мултивака. Может быть, ответы и не всегда бывали абсолютно верны, но они были лучшими из возможных, и каждый спрашивающий *знал*, что

это лучший из возможных ответов, и целиком на него полагался. А это было главное.

Отстояв в медленно двигавшейся очереди (на лице каждого мужчины и каждой женщины отражалась надежда, смешанная со страхом, или с волнением, или даже с болью, но всегда по мере приближения к Мултиваку надежда одерживала верх), Бен наконец подошел к Куимби.

Не поднимая глаз, Куимби взял протянутый ему заполненный бланк и сказал:

— Кабина 5-Б.

Тогда Бен спросил:

— А как задавать вопросы, сэр?

Куимби с некоторым удивлением поднял голову. Подростки, как правило, не пользовались службой Мултивака. Он добродушно сказал:

— Приходилось когда-нибудь это делать, сынок?

— Нет, сэр.

Куимби показал модель, стоявшую у него на столе.

— Там будет такая штука. Видишь, как она работает? В точности, как пишущая машинка. Ничего не пиши от руки, пользуйся клавишами. А теперь иди в кабину 5-Б. Если понадобится помощь, просто нажми красную кнопку — кто-нибудь придет. Направо, сынок, по этому проходу.

Он следил за мальчиком, пока тот не скрылся, потом улыбнулся. Еще не было случая, чтобы кто-нибудь не допустили к Мултиваку. Конечно, всегда находят людишки, которые задают нескромные вопросы о жизни своих соседей или о разных известных лицах. Юнцы из колледжей пытаются перехитрить преподавателей или считают весьма остроумным огоро-

шить Мултивак, поставив перед ним парадокс Рассела о множестве всех множеств, не содержащих самих себя в качестве своего элемента*.

Но Мултивак может справиться со всем этим сам. Помощь ему не требуется. Кроме того, все вопросы и ответы регистрируются и добавляются к совокупности сведений о каждом отдельном индивидууме. Любой, даже самый пошлый или самый дерзкий вопрос, поскольку он отражает индивидуальность спрашивающего, идет на пользу, помогая Мултиваку познавать человечество.

Подошла очередь пожилой женщины, изможденной, костлявой, с испуганным выражением в глазах, и Куимби занялся ею.

Али Отман мерял шагами свой кабинет, с каким-то отчаянием вдавливая каблучки в ковер.

— Вероятность все еще растет. Уже двадцать два и четыре десятых процента! Проклятье! Джозеф Мэннерс арестован и изолирован, а вероятность все поднимается!

Он обливался потом.

Лими отвернулся от видеофона:

— Признание до сих пор не получено. Сейчас Мэннерс проходит психические испытания, но никаких признаков преступления нет. Похоже, что он говорит правду.

— Выходит, Мултивак сошел с ума? — возмутился Отман.

Зазвонил другой аппарат. Отман обрадовался пере-

* Неразрешимая задача математики, поставленная известным английским философом и математиком Б. Расселом. — *Прим. ред.*

дышке. На экране возникло лицо агента Отдела контроля и управления.

— Сэр, будут ли какие-нибудь новые распоряжения относительно Мэннерсов? Или им можно по-прежнему приходить и уходить?

— Что значит «по-прежнему»?

— В первоначальных инструкциях речь шла только о домашнем аресте Джозефа Мэннерса. Остальные члены семьи не упоминались, сэр.

— Ну так распространите приказ на остальных до получения других инструкций.

— Тут есть некоторое осложнение, сэр. Мать и старший сын требуют сведений о младшем сыне. Он исчез, и они утверждают, что его арестовали. Они хотят идти в Главное управление наводить справки.

Отман нахмурился и произнес почти шепотом:

— Младший сын? Сколько ему?

— Шестнадцать, сэр.

— Шестнадцать, и он исчез. Где он, неизвестно?

— Ему разрешили покинуть дом, сэр, так как не было приказа задержать его.

— Ждите у аппарата.

Отман, не разъединяя связи, выключил экран. Вдруг он обеими руками схватился за голову и застонал: — Идиот! Какой идиот!

Лими оторопел. — Что за черт?

— У арестованного есть шестнадцатилетний сын, — выдавил из себя Отман. — А это значит, что сын как несовершеннолетний еще не зарегистрирован Мултивакком отдельно, а только вместе с отцом, в отцовских документах. — Он с яростью взглянул на Лими. — Каждому человеку известно, что до восемнадцати лет подростки сами не заполняют анкеты для Мултивака,

это делают за них отцы. Разве я об этом не знаю? Разве вы не знаете?

— Вы хотите сказать, что Мултивак имел в виду не Джо Мэннерса?

— Мултивак имел в виду младшего сына, а теперь мальчишка исчез. Вокруг дома стена из наших агентов, а он преспокойно выходит из дому и отправляется сами знаете по какому делу.

Он резко повернулся к видеофону, к которому все еще был подключен агент Отдела контроля и управления. Минутная передышка позволила Отману взять себя в руки и принять уверенный, невозмутимый вид. Не к чему было закатывать истерику на глазах у агента, хотя Отману, может, и полезно было бы дать выход бушевавшей внутри буре. Он сказал:

— Установите, где находится младший сын. Пошлите всех ваших людей. Если понадобится, привлечите всех жителей округа. Я дам соответствующие приказания. Вы обязаны во что бы то ни стало найти мальчишка.

— Слушаю, сэр.

Отключившись, Отман приказал:

— А теперь проверьте вероятность, Лими.

Через несколько минут Лими произнес:

— Упала до девятнадцати и шести десятых. *Упала.*

Отман вздохнул с облегчением.

— Наконец-то мы на правильном пути.

Бен Мэннерс сидел в кабине 5-Б и медленно выступивал: «Меня зовут Бенджамен Мэннерс, мой номер МБ71833412. Мой отец, Джозеф Мэннерс, арестован, но мы не знаем, какое преступление он замышляет. Как нам помочь ему?»

Он кончил и принялся ждать. В свои шестнадцать лет он уже понимал, что где-то там внутри его слова циркулируют по цепям сложнейшей из систем, когда-либо созданных человеком, понимал, что триллион данных сольются в единое целое, из него Мултивак извлечет наилучший ответ и тем самым поможет Бену.

Машина щелкнула, из нее выпала карточка — длинный-предлинный ответ. Начинался он так: «Немедленно отправляйся скоростным транспортом в Вашингтон. Сойди у Коннектикут-авеню. Там увидишь здание, найди особый вход с надписью «Мултивак», где стоит часовая. Скажи часовому, что ты нарочный, к доктору Трамбулу, он пропустит тебя. Оказавшись в коридоре, иди по нему, пока не очутишься у небольшой двери с табличкой «Внутренние помещения». Войди и скажи людям, которые там окажутся: «Донесение доктору Трамбулу». Тебя пропустят. Иди прямо...»

И так далее и так далее. Бен пока не понимал, какое это имеет отношение к его вопросу, но он безгранично верил в Мултивак. И он бегом бросился к вашигтонской автостраде.

Поиски Бена Мэннерса привели агентов Отдела контроля и управления на балтиморскую станцию Мултивака через час после того, как Бен ее покинул. Гарольд Куимби оробел, оказавшись в центре внимания такого количества важных особ, и все из-за шестнадцатилетнего мальчишки.

— Да, мальчик здесь был, — подтвердил он, — но куда он девался, не известно. Не мог же я знать, что его разыскивают. Мы принимаем всех, кто приходит. Да, конечно, получить запись вопроса и ответа можно.

Едва взглянув на запись, они, не теряя времени, передали ее по телевидению в Центральное управление.

Отман прочел ее, закатил глаза и лишился чувств. Его быстро привели в себя, и он сказал слабым голосом:

— Мальчика нужно перехватить. Сделайте для меня копию ответа Мултивака. Больше тянуть нельзя, я должен немедленно связаться с Галлименом.

Бернард Галлимен никогда не видел Али Отмана таким взволнованным. И теперь, взглянув в безумные глаза координатора, почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

Он пробормотал, заикаясь:

— Что вы хотите сказать? Что может быть хуже убийства?

— Много хуже, чем простое убийство.

Галлимен побледнел.

— Вы имеете в виду убийство одного из важных государственных деятелей? («А что, если это я сам...» — пронеслось у него в голове.)

Отман кивнул.

— Не просто одного из деятелей, а самого главного.

— Неужели генерального секретаря? — прошептал в ужасе Галлимен.

— Хуже. Неизмеримо хуже. Речь идет об уничтожении Мултивака.

— Что?!

— Впервые в истории Мултивак доложил о том, что ему самому грозит опасность.

— Почему же меня сразу не поставили в известность?

Отман вышел из положения, отделавшись полуправдой:

— Случай беспрецедентный, сэр, мы решили расследовать дело, прежде чем поместить в отчет.

— Но теперь, разумеется, Мултивак спасен? Ведь он спасен?

— Вероятность опасности упала ниже четырех процентов. Сейчас я жду нового сообщения.

— Донесение доктору Трамбулу, — сказал Бен Мэннерс человеку на высоком табурете, который увлеченно работал, сидя перед громадой, напоминавшей во много раз увеличенный пульт управления стратокрейсера.

— Валяй, Джим, — ответил человек. — Двигай.

Бен взглянул на инструкцию и поспешил дальше. В конце концов, в ту минуту, когда в одном из индикаторов загорится красный свет, Бен найдет незаметный рычажок и передвинет его в положение «вниз».

Он услышал за своей спиной взволнованный голос, затем еще один, и вдруг его схватили под мышки и за ноги, подняли, и мужской голос сказал:

— Поехали, сынок.

Лицо Али Отмана нисколько не прояснилось при известии, что мальчик пойман, но Галлимен с облегчением заметил:

— Раз мальчик в наших руках, Мултивак в безопасности.

— До поры до времени.

Галлимен приложил ко лбу трясущуюся руку.

— Какие полчаса я пережил! Вы представляете себе, что произошло бы, если бы хоть на короткое вре-

мя Мултивак вышел из строя? Крах правительства, упадок экономики! Это была бы катастрофа пострашнее, чем... — Он дернул головой. — Почему вы сказали «до поры до времени»?

— Этот мальчик, Бен Мэннерс, не собирался причинять вред Мултиваку. Он и его семья должны быть освобождены, и придется выдать им компенсацию за ошибочный арест. Мальчик следовал указаниям Мултивака только потому, что хотел помочь отцу, и он этого добился. Его отец уже освобожден.

— Неужели вы хотите сказать, что Мултивак сознательно вынуждал мальчика дернуть рычаг? И при этом неминуемо должно было стореть столько цепей, что на починку ушел бы целый месяц? То есть Мултивак готов был уничтожить себя ради освобождения одного человека?

— Хуже, сэр. Мултивак не только дал такие инструкции, но он выбрал именно семью Мэннерсов, потому что Бен Мэннерс как две капли воды походит на посыльного доктора Трамбула и мог беспрепятственно проникнуть к Мултиваку.

— Что значит «выбрал именно эту семью»?

— А то, что мальчик никогда бы сам не пошел со своим вопросом к Мултиваку, если бы его отца не арестовали. Отца не арестовали бы, если бы Мултивак не обвинил его в преступных замыслах относительно самого Мултивака. Собственные действия Мултивака дали толчок событиям, которые чуть не привели к его гибели.

— Но в этом нет никакого смысла, — умоляющим голосом произнес Галлимен. Он чувствовал себя маленьким и беспомощным, он как бы стоял на коленях перед Отманом, умоляя этого человека, который почти

всю жизнь провел с Мултивакком, успокоить его, Галлимена.

Но Отман не стал этого делать. Он сказал:

— Насколько я знаю, со стороны Мултивака это первая попытка подобного рода. До известной степени он все продумал неплохо. Удачно выбрал семью. Намеренно не сделал различия между отцом и сыном, чтобы сбить нас с толку. Однако в этой игре он еще новичок. Он не сумел обойти им же самим установленные правила и поэтому сообщал о том, что вероятность его гибели растёт с каждым шагом, сделанным нами по неправильному пути. Он не сумел утаить ответ, который дал мальчику. В дальнейшем он, вероятно, научится обманывать. Научится скрывать одни факты, не станет регистрировать другие. Начиная с этого дня каждая из его инструкций может содержать в себе семена его гибели. Нам об этом не узнать. Как бы мы ни были настороже, в конце концов Мултивак добьется своего. Мне думается, мистер Галлимен, вы будете последним председателем этой организации.

Галлимен в бешенстве стукнул кулаком по столу.

— Но почему, почему, черт вас побери? С ним что-нибудь неладно? Разве нельзя исправить его?

— Вряд ли, — ответил Отман с какой-то безнадежностью в голосе. — Я никогда раньше об этом не задумывался, просто не представлялось случая. Но теперь мне кажется, что мы подошли к концу, так как Мултивак слишком совершенен. Он стал таким сложным, что способен мыслить и чувствовать, подобно человеку.

— Вы с ума сошли. Но даже если и так, что из этого?

— Уже более пятидесяти лет мы взваливаем на

Мултивак все человеческие горести. Мы заставляем его заботиться о нас, обо всех вместе и о каждом в отдельности. Навязываем ему свои тайны. Без конца упрашиваем отвести таящееся в нас самих зло. Все мы идем к нему со своими неприятностями, с каждым разом увеличивая его бремя. А теперь мы еще задумали взвалить на него бремя людских болезней.

Отман замолчал на минуту, потом взорвался:

— Мистер Галлимен, Мултивак несет на своих плечах все грехи мира — он устал!

— Бред. Настоящий бред, — пробормотал Галлимен.

— Хотите я вам кое-что покажу? Давайте я проверю свою догадку. Разрешите мне воспользоваться линией связи с Мултиваксом прямо у вас в кабинете.

— Зачем?

— Я задам ему вопрос, который никто до меня не задавал.

— А это ему не повредит? — Галлимен был в панике.

— Нет. Просто он скажет нам то, что мы хотим знать.

Председатель колебался. Потом сказал:

— Давайте.

Отман подошел к аппарату, стоявшему на столе у Галлимена. Пальцы его уверенно выстукали вопрос: «Мултивак, что хочется тебе самому больше всего на свете?»

Пауза между вопросом и ответом тянулась мучительно долго. Отман и Галлимен затаили дыхание.

И вот послышалось щелканье, выпала карточка. Маленькая карточка, на которой четкими буквами было написано:

«Я хочу умереть».

ПЯТНИЦА

Пролетая последние метры, корабль-разведчик опустился на каменистую поверхность красновато-бурого плато на планете Кродос-7.

Бейли и Кром, откинувшись в мягких креслах, следили за показаниями приборов. Лица астронавтов были напряжены и угрюмы, так как они знали, что в случае неудачной посадки им грозит смерть. У них было уже столько шрамов, что хватило бы на вечные времена.

Они почувствовали толчок, и четыре лампочки загорелись другим светом; длинные пальцы Бейли озабоченно забегали по пульта управления. Потом со вздохом облегчения он сделал ряд переключений и откинулся на спинку стула. Капельки пота выступили на его худощавом лице.

Коренастый Кром, который был не склонен как-либо проявлять свои чувства, повернул голову и одарил спутника неторопливой улыбкой.

— Вот мы и сели.

Бейли не улыбнулся.

— Кое-как. И, когда я вернусь на «Оппи», кто-то за это заплатит. Дорого заплатит.

Кром заворочался в кресле и полез в карман за сигаретами; Бейли отказался от протянутой пачки; Кром вытащил сигарету и закурил; руки у него не тряслись.

— Ты думаешь, нам просто не хватило горячего?

Бейли сердито взглянул на него.

— А что же еще? Мы начали четвертый маневр, идя на посадку кормой вперед, и мне пришлось включить резерв, чтобы сесть. Теперь мы почти израсходовали весь резерв! Есть такой инженер, по имени Рамирес, он у меня попрыгает, когда мы вернемся! — Все еще с напряженным выражением лица Бейли встал и шагнул к иллюминатору. — На вид приятная планета, — сказал он. — Земля пятьдесят миллионов лет назад. — Он повернулся в ту сторону, где, попыживая сигаретой, полулежал Кром. — Ну, Курт, включай рацию и сообщи, что с нами случилось.

Кром перевалился с кресла на вращающийся стул перед радиостанцией. Он включил ее; из динамика в верхней части компактной установки донесся треск атмосферных помех.

Все в кабине, за исключением разве самого Крома, было компактным. Этот двухместный корабль был одним из четырех разведчиков, выпущенных с гигантского «Оппенгеймера», который занимался исследованием системы Кродоса.

Бейли ждал, раздраженно барабанил пальцами. Кром понимал, что профессиональная гордость его товарища задета неудачей. Наконец Бейли пробормотал:

— Все еще молчат. Почему?

Кром отозвался:

— Не знаю.

— А передал ли ты позывные?

— Послушай сам. — Кром нажал кнопку, и сразу послышались записанные на пленку позывные, повторявшиеся снова и снова.

— Но сработал ли передатчик нормально и послал ли эти сигналы?

Кром терпеливо вздохнул.

— Ладно, буду вызывать сам, своим нежным голосом. — Он снял с рычага микрофон. — Икс-2 вызывает «Оппенгеймера», Икс-2 вызывает «Оппенгеймера». Пять-три-семь, шесть-два-один, четыре-семь-восемь. Кродос-7, если на Кродос-7...

Кром повторил еще раз, затем прислушался, но в динамике были слышны лишь атмосферные разряды.

Его круглое лицо стало серьезным. Он снова повторил вызов и стал ждать.

— Ничего, — сказал Бейли. Он пристально смотрел на маленький динамик, все еще повторявший болтовню звезд. — Аппаратура в порядке?

— Еще бы, — резковато ответил Кром. — Я к ней ни одного техника не подпускаю и сам отвечаю за нее. Хочешь, все проверю?

Бейли снова посмотрел в иллюминатор и предложил:

— Давай поедим, а потом я тебе помогу.

Через три часа они убедились, что радиоаппаратура в полном порядке. Кром опять включил непрерывную передачу позывных и подошел к Бейли, который просматривал результаты анализов химического состава воздуха и его влажности.

Бейли заявил:

— Точь-в-точь как в Астрономическом календаре. Эта планета так похожа на Землю, как только можно пожелать. Начальник будет доволен.

— Доведется ли еще ему испытать это удоволь-

ствие? — спросил Кром. — Никто ведь не знает, что мы здесь... Не пройдет и недели, как нам придется совершить вылазку в эту симпатичную зеленую долину, чтобы раздобыть какую-нибудь еду. Раньше все считали, что меня привлекает предварительное исследование Кродоса-7, а теперь я просто человек, который хочет знать, где раздобыть пищу на следующий день. Дай-ка мне календарь.

Бейли передал ему объемистый том, и Кром стал его листать.

— Ну, — пробормотал он, — посмотрим, помню ли я, что означает хоть половина этих значков...

— Зеленая звездочка, — подсказал Бейли, — говорит о том, что сведениям не меньше пятисот лет.

Кром взглянул на него.

— Так и есть. Кое-кто в те давние времена немало постранствовал в космосе, верно? — Он снова занялся календарем, листая страницы и возвращаясь назад, чтобы свериться с пояснительной таблицей значков. — Двадцать пять часов в сутках... наклон оси ничтожный... две луны... — Водя коротким большим пальцем по таблице, он остановился на условных обозначениях в конце двойного столбца. — Четыре буквы «И». Подчеркнуты. — Он изменился в лице. — Уоллес что-то говорил о...

Он отыскал объяснение условного знака, положил книгу и растерянно посмотрел на Бейли.

— В чем дело? — спросил тот.

— Плотность ионосферы, — пробормотал Кром.

— И что же?

— Необычайно велика; вот потому мы и не можем связаться с «Оппи». Ионосфера Кродоса-7 такая плот-

ная, что радиосигналы — во всяком случае, при нашей аппаратуре — не могут ее пробить.

— Ну, тогда мы сидим на мели, — сказал Бейли.

Некоторым утешением служило то, что Кродос-7 казался довольно приятной планетой. Теплое желтое солнце освещало бурые камни плато. По обе стороны горного хребта тянулись долины, покрытые знакомой на вид растительностью; слышался шум потоков, а у подножия самого пологого склона, ведущего вниз от плато, лежало маленькое озеро с широким песчаным пляжем.

Астронавты шли вдоль берега к тому месту, где журчащий ручей впадал в озеро. На них были легкие комбинезоны, у каждого на бедре висел пистолет. Бейли разговаривал мало, и Кром подумал, что товарищ считает его виновным в создавшемся затруднительном положении. Впрочем, если бы он даже заранее увидел этот условный знак, что бы он мог сделать? Установить более мощный передатчик? Невозможно; корабли-разведчики типа Икс-2 были и без того перегружены.

Присев на бурый камень, Кром смотрел на ручей; потом он взглянул наверх, туда, где стоял их корабль, теперь такой беспомощный.

— Почти как у нас дома, — сказал он.

— Угу, — буркнул Бейли.

— Все думаешь о том, как расправиться с механиком, когда вернемся?

— Да.

— Если вернемся.

— За нами прилетят, — произнес Бейли.

— Прилететь-то прилетят; весь вопрос в том — когда? Наша планета может оказаться последней из пяти, на которую они спустятся.

— Угу.

— Впрочем, могло быть и хуже; торчали бы мы в каком-нибудь ледяном мире, одетые в скафандры. — Он неодобрительно посмотрел на маленькую ящерицу с лопатообразными лапками; ее глаз, сверкавший, как драгоценный камень, уставился на него. — А не взять ли пробу воды?

Бейли кивнул. Кром набрал полную фляжку. Затем они пошли вдоль берега озера. Скалистое основание плато отступило в глубь материка, и космонавты очутились среди редкого подлеска.

Бейли остановился у второго ручья.

— Посмотри-ка, — спокойно проговорил он. — Посмотри на берег ручья, там, на склоне.

Кром взглянул и понял, что имел в виду Бейли.

— В справочнике сказано: «Никаких человекообразных нет».

— А почему же русло такое прямое?

— И в самом деле...

Кром расстегнул кобуру. Затем он пошел вверх по течению к тому месту, где вода стремительно мчалась и крутилась, низвергаясь по узкому ложу. Бейли нагнал его. Кром заметил:

— Течение очень быстрое; вполне возможно, что русло естественное. — Он посмотрел вверх вдоль скалистого склона. — Поблизости от вершины поток образует водопад. Пойдем наверх, или ты хочешь подождать и посмотреть, кто придет на водопой?

— Пойдем, — согласился Бейли.

Они не спеша стали подниматься на гору по многочисленным бурным камням. Идя вдоль быстрого ручья, Бейли и Кром не видели никаких признаков деятельности человека или человекообразных существ.

Взбираясь вверх, Кром ворчал:

— Если даже календарь кое в чем и не точен, наверно, здесь-то он не врет — «никаких человекообразных нет». Эй, а это что?

«Это» был узкий уступ, который шел вдоль откоса; снизу они его не видели, а теперь перед ними открылась ровная тропинка, по которой человек мог пройти без труда.

Бейли помог Крому взобраться на уступ и сказал:

— Не двигайся. Просто смотри на тропу. Видишь на камнях какие-то царапины и следы?..

— Вот тебе на! — прошептал Кром. — Тут кто-то ходит; кто-то довольно большой. — Он вытащил пистолет. — Похоже, что в этих краях водятся крупные звери.

Он собрался было шагнуть вперед, но Бейли остановил его.

— Одну минуту. Взгляни, как идут следы. Длинная царапина справа, потом покороче — примерно через метр от нее — другая, уже слева. Потом они опять повторяются, почти без изменений.

Он крадущимся шагом направился туда, где уступ начинал загибаться.

Кром двигался за Бейли вдоль изгиба.

— Не знаю, что и подумать, — пробормотал он. — Это, несомненно, животное, но какое...

Неожиданно он уткнулся в спину Бейли. Тот тихо сказал:

— Каким бы ни было это животное, вот его логово.

Вход в пещеру был овалообразным и достигал примерно двух с половиной метров в высоту и двух — в ширину. Астронавты стояли рядом, всматриваясь в темноту. В голосе Бейли зазвучали торжествующие нотки:

— Какое животное станет обрабатывать орудиями стены своего жилища? Ведь следы видны даже отсюда.

Кром сжал губы и покачал головой, потом подтолкнул Бейли.

— Иди вперед, а я за тобой.

Они бесшумно подкрались по уступу к входу в пещеру и на выветрившейся стене ясно увидели следы орудий. Внутри было темно.

Кром поднял камешек и бросил его в пещеру. Оба держали пистолеты наготове. Послышался легкий стук, и снова все стихло.

Бейли включил фонарик; Кром последовал его примеру. Они вошли вместе, стараясь не обгонять друг друга, медленно водя фонариками из стороны в сторону. И оба одновременно увидели маленький железный стол. Кроме того, в глубине пещеры стояла кровать с каким-то истлевшим тряпьем, вероятно остатками постели. Но Бейли и Кром не обращали на все это внимания. Их взоры были прикованы к столу: за ним, склонившись, сидел на стуле человеческий скелет!

Подойдя вплотную, они осмотрели останки. Без сомнения, человеческие и очень старые, ибо кости были белые и чистые.

— Кем он был? — прошептал Кром. Медленно обводя фонариком стены, он увидел обломки железной мебели, картотечные шкафы, куски того, что некогда

могло быть скафандром. — Не слишком ободряющее зрелище для нас, — буркнул он.

— Когда-нибудь нам всем предстоит умереть, — заметил Бейли. — Погляди-ка, а это что?

На шкафу лежало нечто напоминавшее книгу. Бейли достал ее, тщательно сдул пыль и прочел поблекшую надпись: «Бортовой журнал «Громовержца», январь — декабрь 2827 года».

— *Какого* года?

— Две тысячи восемьсот двадцать седьмого... почти триста лет назад.

Кром подошел и стал рядом. Он был глубоко потрясен.

— Открой.

Бейли поднял переплет очень осторожно, но его старания оказались тщетными: бумага под переплетом была уже не бумагой, а пылью, пылью, которая мгновенно разлетелась и упала к его ногам.

Кром чертыхнулся.

— Так нам никогда и не удастся выяснить, что же случилось с «Громовержцем».

— Или кто *он* такой, почему он здесь приземлился, с каким грузом летел. Придется обо всем догадываться самим.

Бейли хотел уже отбросить переплет в сторону, но Кром остановил его.

— Взгляни, на переплете что-то написано.

Они подошли поближе к выходу; буквы выцвели, но часть слов все же можно было разобрать. Бейли тихо прочел: «...не могу больше жить. Если бы не Пятница, я бы, наверно, уже давно сошел с ума... ценный груз погиб...» Как по-твоему, что это за подпись?

— Похоже на «Дж. Холланд, капитан», — сказал Кром.

— Триста лет, — прошептал Бейли.

— Ну, как, продолжим?

— Нет. Лучше пойдем назад и попробуем наладить радио.

— Это было бы невероятной удачей, — уныло откликнулся Кром. — Вот если бы наш корабль был больше, нам поставили бы генератор, а не батареи.

— Надо все время пробовать, — заметил Бейли. Он окинул взглядом скалистый склон. — Не вернуться ли нам этим путем?

— Пойдем лучше берегом озера, — предложил Кром.

Они спустились вниз, миновали кустарник, перебрались через второй ручей и оттуда направились к озеру. Песок был такого же теплого цвета, как скалы; растительность буйно зеленела, небо было багрово-синим. Кром мысленно отметил, что все вместе создает прекрасную картину; однако это не вызвало в нем никакого энтузиазма. Он сказал:

— Интересно, как долго прожил здесь капитан Холланд?

— Если он мог жить, то и мы сможем; теперь мое мнение об этой планете значительно улучшилось.

Кром волочил ноги по песку.

— Рад, что это так: может, нам придется долго пробыть здесь. Завтра надо будет поискать другой скелет.

— Чей еще?

— Пятницы.

— Это могла быть и собака. И если Пятница — со-

бака или человек — умер раньше Холланда, тот должен был похоронить его.

— Это верно... — начал Кром, но вдруг умолк и в изумлении уставился на песок.

Затем он стал на колени, чтобы рассмотреть следы. Бейли сделал то же самое.

— След человека!

Они посмотрели друг на друга. Кром спросил:

— Ты как думаешь?

— Или существа, похожего на человека.

— Пятки глубоко вошли в песок. А почему?

— По той же причине, по которой тут всего два следа. Он перескакивал с камня на камень; как раз здесь между камнями большое расстояние, так что ему пришлось прыгнуть на песок.

Сжимая в руке пистолет, Кром внимательно разглядывал великолепный ландшафт.

— Этот... человекообразный может навестить нас?

— Может. — Бейли поднялся, отряхнул пыль с комбинезона и подошел к ближайшему камню. — Взгляни, здесь опять царапины, такие же, как на уступе возле пещеры.

Кром подошел ближе.

— Уф, — заметил он. — Я рад, что мы не встретились с ним там, кто бы он ни был. Ну, как, пойдём назад и попробуем радио?

На следующее утро они ограничились скромным завтраком. Казалось, Кром доставляет мрачное удовольствие перечислять ожидавшие их невзгоды.

— Продуктов хватит еще на шесть дней; вода здесь хорошая. Батареи проработают недели две, если даже пользоваться ими всего по два часа в день. В пещере

лежит скелет, который надо похоронить, и один бог знает, сколько человекообразных следит за каждым нашим движением. Славно, не правда ли?

Бейли погасил сигарету.

— Пойдем? — Он встал, опустился на колени у люка в полу и принялся нащупывать ногами лестницу. — Я теперь ненавижу этот корабль. Когда-то я думал, что разведчики — славные машины, но сейчас считаю иначе. У меня развилась клаустрофобия*, и я чувствую себя обманутым, потому что для починки почти всей нашей аппаратуры необходимы специалисты.

Под сверкающими лучами утреннего солнца они снова спустились к берегу озера. Оба горели нетерпением увидеть следы, узнать, не стало ли их больше, но обнаружили все те же отпечатки, что и накануне, только очертания их слегка стерлись. Опять миновав курстарник, Бейли и Кром перешли второй ручей и стали карабкаться по склону к уступу.

— Мне пришло в голову, — пробормотал Бейли, когда они шагали по уступу, — что Холланд, вероятно, пользовался и другими пещерами. Я предлагаю, когда мы осмотрим вчерашнюю пещеру, поискать старые склады или что-нибудь в этом роде. Мы можем наткнуться на полезные вещи.

Подойдя к пещере, Кром уже собирался зажечь фонарик, как вдруг остановился и схватил Бейли за руку.

— В чем дело?

Вытаскивая свой пистолет, Кром едва слышно прошептал:

* Страх перед замкнутым или тесным пространством. — *Прим. перев.*

— Там кто-то движется!

Его голос донесся до Бейли, как легкое журчание.

Бейли подскочил к входу с одной стороны, Кром — с другой. Внутри раздался какой-то топот. Кром отвел предохранитель; Бейли уже поднял свой пистолет. Звук раздался еще раз — что-то вроде металлического шарканья; оба замерли, крепко сжимая пистолеты.

И вдруг чей-то голос произнес: «Хозяин». Голос был спокойный, глухой и бесстрастный. Кром смотрел на Бейли, открыв рот от изумления.

— Ты слышал..

— Хозяин, — произнес голос, на этот раз отчетливее. В темной глубине пещеры двигалась какая-то фигура. Два луча света от электрических фонариков одновременно разорвали тьму, выхватив из нее отливавшую металлическим блеском человекообразную фигуру.

— Хозяин.

Бейли стоял у входа, не сводя с робота луча своего фонарика.

— Подойди сюда, — отчетливо сказал он.

Робот подошел и остановился у входа. Он был среднего роста, весь на шарнирах, с маленькой яйцеобразной головой; по-видимому, он обладал довольно развитым мозгом. Кром прочел на дощечке его характеристики: «Универсальный робот. Бирмингем, Англия. Серия № 43123. М/С».

— Что значит М/С?

Робот ответил глухим ровным голосом:

— Я Робот Многочисленных Способностей. Пятница.

— Пятница?

— У меня есть имя, как у людей.

Бейли попросил:

— Расскажи нам, как ты сюда попал.

Пятница ответил:

— «Громовержец» был одним из первых больших межпланетных кораблей, применявшихся для грузовых перевозок. У нас выбыла из строя часть двигателей, и поэтому мы сильно отклонились от курса. Затем произошла еще одна авария с двигателями и пришлось пойти на посадку. Мы опустились среди высоких гор бронзового цвета. В живых остался только капитан Холланд.

— У тебя были какие-нибудь обязанности на корабле? — спросил Кром и сразу почувствовал, что это глупый вопрос.

— Нет. Груз состоял из роботов... — Вдруг голос дрогнул. — Я ослаб. Скоро и со мной все будет конечно, как с капитаном.

Бейли воскликнул:

— Но ведь все это произошло триста лет назад!

— Да, — подтвердил Пятница. — Триста лет. Год — человеческая мера времени. Много времени, хозяин.

— Триста лет, — прошептал охваченный благоговейным страхом Кром, — триста лет эта машина расхаживала здесь, подчиняясь той программе, которая была задана ее конструкторами. *Триста лет!*

— Почему тебе удалось так долго продержаться? — спросил Бейли.

— Идемте, — ответил робот и пошел вперед по тропинке. За скалистым выступом в глубь откоса уходила пещера. Она была гораздо больше первой. Робот вошел в нее и, сделав несколько шагов, остановился.

— Смотрите, — сказал Пятница.

В тусклом свете они увидели всевозможные ящики

и коробки, но их внимание прежде всего привлекло множество расчлененных тел роботов.

— Вот благодаря чему я продержался, — пояснил Пятница. — Груз, как я говорил, состоял главным образом из самовосстанавливающихся Роботов Многочисленных Способностей. Я использовал их для продления собственного существования, даже после того, как капитан скончался. Но теперь запасных частей больше не осталось. Скоро и я кончусь. А пока — чем могу вам служить?

— Посмотрим, что тут есть, — сказал Кром. Он углубился в пещеру, включив свой фонарик. — Взгляни-ка, здесь несколько ящичков с продуктами! Они могут нам очень пригодиться.

Бейли подошел к нему.

— Продукты трехсотлетней давности?

— Никогда нельзя знать заранее. А это что такое?

Бейли прочел надпись на ящичке:

«Радиопередатчик с направленным лучом А7, радиус действия не ограничен».

Они посмотрели друг на друга и поняли, что думают об одном и том же.

— Предположим, он работает, — сказал Бейли, — но где мы возьмем источник энергии?

Кром осветил фонариком в другую сторону.

— А тут что?

Судя по этикеткам на десятке плотно запечатанных бутылей из непрозрачного пластика, то были элементы кислотных батарей.

— Кислотные батареи? — переспросил Бейли.

Мысль Крома работала с молниеносной быстротой.

— Да, конечно, так. Химическая реакция служила для Холланда источником электрической энергии. Если

эта штука в порядке, ее можно заставить работать. Пятница, подойди-ка сюда!

Робот повиновался. Кром показал, какие ящики и бутылки он хочет достать; на нескольких упаковочных ящиках он и Бейли разложили старинный агрегат, который, по их понятиям, был невероятно громоздким.

Кром, весь кипевший от возбуждения, вдруг бросил работу, схватился руками за голову и застонал.

— Что случилось?

— Я дурак. Все это нужно поднять на плато к самому кораблю.

— Почему?

— Потому что там находится наша единственная антенна. Если Пятница отнесет все это наверх, получится быстрее, чем если бы мы сняли антенну с корабля и стащили ее вниз. Пятница, ты можешь поднять эти ящики и пронести их, скажем, восемьсот шагов?

— Я ослабел, но исполню приказание.

Кром как-то странно посмотрел на робота.

— Жалко старика, — сказал он.

— Это ведь машина, — напомнил ему Бейли.

— Но он последнее звено, связывающее нас с капитаном. За один раз все, пожалуй, не снести. Пошли.

Кром сам удивлялся тому чувству, какое он испытывал при виде Пятницы, когда тот, ковыляя, поднимался к месту, куда падала тень от корабля-разведчика. Пятница тащил на себе ящики и коробки с необходимым для астронавтов оборудованием. Крому редко приходилось иметь дело с роботами, и вид человекообразной машины, еле двигавшейся со своей тяжелой ношей, производил на него какое-то странное впечатление; а когда он заговорил с Пятницей и робот отве-

тил ему все тем же глухим голосом, он почувствовал себя и вовсе неловко. Триста лет этой машине, триста лет пробыла она здесь, как бы дожидаясь их!

Под вечер большой старинный передатчик был собран. Батареи, залитые электролитом, бесшумно пузырились, когда Кром проверял контакты. Тонкий кабель — ввод антенны, — извиваясь, исчезал в иллюминаторе корабля.

— Ну, попробуем? — предложил Бейли.

Кром надел наушники.

— Попробуем. — Он взглянул на слегка дрожащую стрелку. — У этого передатчика мощность вдвое больше, чем у нашего; теперь сигналы должны пробиться. Многое, конечно, зависит от того, где сейчас находится «Оппи»; к тому же трудно сказать, как повлияет на передачу здешнее солнце.

Кром нажал на ключ. Вспыхнула крошечная желтая лампочка. Он вздохнул с облегчением. Затем огляделся вокруг.

Робота нигде не было видно.

— Куда девался Пятница?

— Не знаю.

— Он совсем ослабел.

— Но это же машина.

— Да, — задумчиво произнес Кром, — так оно и есть. — Он принялся крутить ручку настройки. — Вызывает Икс-2, вызывает Икс-2, — говорил он в микрофон. — Корабль-разведчик Икс-2 вызывает «Оппенгеймера». Вызывает Кром. Совершили вынужденную посадку на Кродос-7, Кродос-7.

Он повторил это несколько раз, затем замолчал и стал прислушиваться. Ничего не было слышно... только вздохи и треск помех в маленьком динамике.

— Ну и что? — спросил Бейли.

— Пока еще рано, — ответил Кром. Он снял наушники, передал их Бейли и сказал: — Продолжай посылать сигналы, а я схожу на корабль за магнитофоном и пристрою его сюда.

Когда через пять минут он вернулся с магнитофоном, Бейли прекратил передачу. Кром записал на ленту свое сообщение и вставил ее в магнитофон; теперь они сидели, курили и пытались делать вид, будто не напрягают слуха в надежде уловить человеческий голос.

— Триста лет, — пробормотал Кром. — С трудом верится.

В динамике затрещало:

— Алло, Кром... алло, Кром.... «Оппенгеймер» вызывает Крома...

Они в один голос вскрикнули и бросились к передатчику. Кром убрал магнитофон и вступил в прямую связь. Пауза продолжалась секунды три.

— Алло! Кто это говорит?

Радист «Оппенгеймера» назвал себя:

— Это М'Бала. Что случилось?

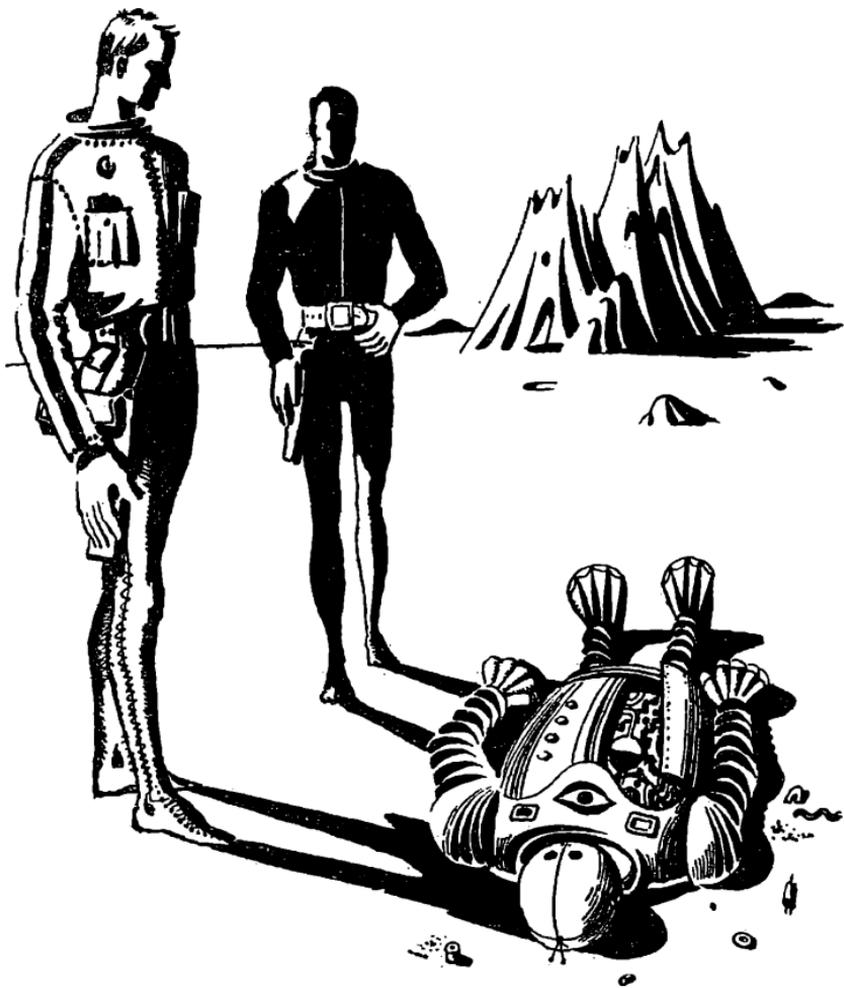
Кром принялся объяснять, но его прервал Бейли; он начал отпускать такие замечания в адрес механиков корабля-базы, что они граничили с оскорблениями.

— Но вы невредимы?

— Ни одной царапины, — доложил Кром.

— В течение двенадцати земных часов за вами будет послан разведчик № 3. Вслед за ним вылетит ремонтная бригада. Слушайте нас через десять земных часов. Понятно?

— Понял. Кончаю, — сказал Кром. Он откинулся с чувством облегчения и весь обмяк. Потом стянул с себя наушники. — Я совсем ослаб.

— Я тоже, — признался Бейли.

— Но я счастлив; мне хочется поделиться с кем-нибудь радостью. Вот что! Я отыщу Пятницу и расскажу ему. Без него бы нас, возможно, и не обнаружили.

Бейли усмехнулся.

— Правильно, так и сделаем.

Снова они поднялись к уступу и пошли вдоль него. У овального входа в пещеру лежал робот. Сигнальная лампочка у него на груди не горела.

Кром нагнулся.

— Пятница! — прошептал он.

На сей раз Бейли не стал напоминать ему, что это только машина. Кром несколько раз щелкнул активизатором — ничего не изменилось.

— Печально, — сказал Бейли.

Кром стоял подавленный. На секунду он вспомнил о скелете в пещере, потом посмотрел на робота.

— Исчезло последнее звено, — пробормотал он.

И, не вымолвив больше ни слова, зашагал вниз по склону. Бейли отправился следом за ним. Когда они дошли до золотистого берега и зашагали рядом, Кром остановился.

— Давай похороним завтра останки Холланда?

— Конечно, — сказал Бейли.

— Как ты считаешь, — нерешительно спросил Кром, — будет чертовски глупо, если мы похороним и Пятницу?

Бейли задумчиво взглянул на него.

— Нет, — ответил он, — пожалуй, не глупо.

Кром еще раз остановился на берегу озера. Он сделал это для того, чтобы посмотреть, что осталось от двух почти человеческих следов; их еще сильнее замело песком, и они теперь были едва различимы.

ПОИСКИ

Районный Инспектор сидел за своим письменным столом. Это был высокий, хмурый субъект с неподвижным, ничего не выражавшим лицом, туго обтянутым кожей. Губы его двигались с четкостью механизма.

— Так чего же именно вы хотите, мистер Джонстон?

Перед ним по другую сторону широкого стола сидел, нервно сжимая руки, маленький, бледный человечек. Вид у него был жалкий, в глазах проглядывала тревога, движения были исполнены беспокойства.

— Чего-нибудь *настоящего*, — ответил он. — Чего-нибудь такого, что бы не было сделано человеком. Что бы не было синтетическим. Вот и все. И не для того, чтобы взять это себе. Я хочу только посмотреть. Хочу убедиться, что оно существует. Скажите, где бы я мог найти что-нибудь подобное?

Инспектор, видимо, был озадачен. С таким запросом к нему обращались впервые.

— Чего-нибудь... *настоящего*?

Он произнес это слово так, словно оно было новым в его лексиконе.

— А каковы мотивы вашей просьбы, мистер Джонстон?

Надежды маленького человека поколебались. Как мог он объяснить это необъяснимое желание, постепенно переросшее в навязчивую идею, — объяснить так, чтобы сидевший напротив мрачный индивидуум понял его?

Широкое окно за спиной Инспектора было распахнуто. Джонстон видел город, расстилавшийся перед ним, словно щит гигантской черепахи. Он уныло посмотрел на высокие городские сооружения из стали и пластмассы, загромаждавшие горизонт, и вздрогнул.

— Вокруг себя, всюду и везде, я вижу мир, созданный руками человека, — нерешительно начал он. — Город, в котором мы живем, воздух, которым мы дышим, одежда, которую мы носим, даже пища, которую мы едим, — все это продукция нашей замечательной техники. Повсюду я вижу свидетельства изумительного мастерства Человека, — но где же мне найти его сердце? И как могу я найти собственное сердце, если в ответ на мои чувства я встречаю в этом беспощадном, зловещем мире лишь мрачные здания и людей, не знающих улыбки? Ведь где-нибудь должно же быть хоть крошечное местечко, еще не попавшее в ненасытную утробу человеческого прогресса?

Он тяжело вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Ведь не всегда было так, как сейчас. Даже я знаю это. Очевидно, я родился на стыке двух эпох: старый мир уже угасал, а новый только зарождался.

Я еще помню деревья, цветы, птичий гомон. Широкие реки, протекавшие у моих ног. И облака, и дожди, и холодный ветер. А сейчас я спрашиваю себя: что такое птица? Что такое облако? Разве на земле, переделанной нами, для них уже нет места? Разве они исчезли навсегда и уже никогда не вернуться? Разве машины уже все сожрали на пиршестве, устроенном нашей планетой, и оставили только голое ядро, заключенное в металл и бесцельно блуждающее в пространстве без зимы и лета, которые могли бы отмечать его бег?

Волнение, на миг окрасившее румянцем бледные щеки маленького человечка, постепенно улеглось. Пустыми глазами он смотрел в окно на жуткую картину, расстилавшуюся перед ним.

Инспектор молчал, только проницательным, оценивающим взглядом смотрел на Джонстона. Его острый как бритва интеллект торопливо усваивал информацию, которой снабжал его собеседник, и уже готовил тщательно продуманный ответ.

— Но вы еще не сказали мне, *почему* вы ощущаете потребность в чем-то настоящем.

— Почему?..

Этого мистер Джонстон не знал и сам.

— Мне это необходимо — и все тут! — В его взгляде прозвучала нотка отчаяния. — Мне необходимо что-то такое, что я мог бы потрогать собственными руками и быть уверенным, что это сделано не человеком, а...

— А кем же, мистер Джонстон?

Маленький человечек посмотрел Инспектору прямо в глаза. Ему почудилось, что он уловил в холодном, бесстрастном взгляде легкий оттенок цинизма.

— Кем? Ну, скажем... Не знаю кем! Но только... только чтобы это было сделано не человеком. Неужели вы не понимаете? Что-нибудь *настоящее*.

Его собеседник позволил себе улыбнуться.

— Но, мистер Джонстон, вам, конечно, ясно, что...

В эту секунду лицо Инспектора вдруг окаменело. Холодные глаза остекленели, бессмысленный взгляд уставился в одну точку, находившуюся где-то за мистером Джонстоном. Из спины Инспектора, — по-видимому, из какого-то укромного местечка между лопатками — поднялась к потолку медленная, извилистая струйка дыма.

— Прошу... прощения, — запинаясь, проговорил он. — Боюсь, что... неблагоприятная... для здоровья... перегрузка... повлияла... — Обе его руки, слабые, бессильные, неподвижно лежали на столе. — Переутомление... Чрезмерное... напряжение. Я... вы... если вы... будете любезны... пройти... в двенадцатую комнату... то вас обслужат... А я... а я... попрошу извинить меня за эту... эту... задержку. Я...

Он умолк. Полуоткрытый рот застыл. В глубине глаз сверкнули и погасли искры. Струйка дыма на мгновение стала толще, а потом исчезла.

С минуту или две Джонстон смотрел на неподвижную фигуру. Лицо его выражало глубокое уныние и полную безнадежность. Потом он вздохнул, поднялся и вышел из комнаты.

«Что же это творится в нашем мире? — думал он. — Машины похожи на людей, а люди — на машины. И с

каждым днем становится все труднее отличить их друг от друга».

Он спустился на лифте и поспешил выйти на улицу. Не было никакого смысла идти в двенадцатую комнату и терять время на еще одно бесплодное интервью с еще одним человекоподобным ответвлением городского вычислительного центра. К тому же он начал понимать, что понятие о чем-то *настоящем* выходило за пределы программы, которую муниципальные киберы задавали своим машинам.

«И не только машинам», — думал он, наблюдая за шагавшими по улице людьми. Их невыразительная, бесстрастная манера себя держать скорее подошла бы машине, чем человеку из плоти и крови. В полнейшем, откровенном непонимании, которым они всегда встречали расспросы о том, что его волновало, было что-то пугающее — вот почему он и обратился за помощью к Районному Инспектору.

Он был сильно обескуражен, обнаружив, что его учтивый собеседник — робот, хотя и мог бы ожидать этого при существующих обстоятельствах: ведь почти все административные обязанности были теперь возложены на вездесущие кибернетические объединения. Роботехника настолько усовершенствовалась, что Джонстон ничуть не удивился бы, узнав, что добрая половина жителей города, как бы искусно они ни гримировались, в действительности всего лишь роботы.

Он пошел по улице куда глаза глядят. Бледный солнечный свет сверху, с голого неба, еле пробивался меж высоких городских стен, с трудом нащупывая мостовую.

Джонстон смотрел на головокружительно высокие металлические сооружения, поражаясь тому, как

бесстрашно они карабкаются в небо. Какие-то неправдоподобные искусственные массивы, упрямо шагающие в бесконечность.

Впрочем, городу, кажется, действительно не было конца.

Он испробовал все наружные и подземные виды транспорта в надежде найти тот рубеж, где чудовищные ущелья, именуемые улицами, уступили бы место более плоским пространствам — таким, на которых он мог бы ощутить тепло солнечных лучей.

Он прошел уже, должно быть, десятки километров во всех направлениях, но город оставался таким же, и казалось, Джонстон все время возвращается к отправной точке своего путешествия.

Так начался его кошмар. Страшный призрак мира, заключенного в оболочку одного-единственного города, который простирался от востока до запада и от полюса до полюса, покрывая старую землю непроницаемой броней, созданной человеком.

Что, если это было наследие богов?

Он не хотел верить. Он *не мог* поверить, что прошлое начисто зачеркнуто. Ведь должно же было остаться хоть что-то. Только бы найти это что-то.

Быть может, это придало бы ему мужества, чтобы встретить бледное завтра.

Действительно ли он обошел все улицы? Какие еще средства сообщения возможны? Аэролеты? Лифты?

— Лифты!

Ну конечно! Ведь существует не одно измерение. Он искал вокруг себя, но еще ни разу не искал ни *под*, ни *над* землей.

Охваченный возбуждением, он немедленно направился к одному из самых больших правительственных зданий.

При его приближении дверца лифта мягко открылась.

— Куда? — спросил бесстрастный, неизвестно откуда идущий голос.

— Вниз, — ответил мистер Джонстон.

— До какого уровня?

— До конца.

Машина зажужжала. Дверца закрылась. Джонстон понесся в недра земли.

Скорость лифта стала невероятной. Джонстон сознавал, что десятки километров города уже громоздятся над его головой, а между тем он не ощущал движения. Лифт легко скользил вдоль ствола шахты, где совершенно отсутствовало тяготение. Джонстон чувствовал себя легким, как воздух внутри кабины.

Наконец лифт остановился, дверца открылась, и он вышел.

И был разочарован. Перед ним тянулся длинный пустой коридор. Его уже поджидала фигура в форменной одежде.

— Ваше имя, сэр? — спросила фигура.

— Джонстон, Гарри Джонстон. Я... я хотел бы осмотреть эти места.

— Отлично. В таком случае я буду вашим гидом. Надеюсь, осмотр самого низкого уровня города покажется вам интересным.

Джонстон не оправдал его надежд. Он долго ходил следом за своим безмолвным гидом, но, право же, его разочарование не уменьшалось. Вместо широких улиц и высоких зданий земного уровня здесь были узкие

коридоры и блестящие панели, но все равно — даже и здесь это был город. Джонстон лелеял слабую надежду на то, что, быть может, на самом дне мира ему удастся найти камень, землю или песок в их первоизданном состоянии. Но нет! Все те же неизменные создания человеческих рук, индустриального гения человека — и ничего больше. А за стенами гудела энергия мощных машин, обеспечивающих существование неслыханных километров города там, наверху.

Потеряв мужество, он обернулся к gidу.

— Пожалуй, я поднимусь наверх.

— Прекрасно, сэр.

И вдруг Джонстона осенила внезапная мысль.

— Скажите, на какой глубине мы находимся?

— На глубине сорока трех километров.

Он повторил про себя эту цифру.

— И это самый низкий уровень?

— Если вы хотите знать, есть ли внизу, под нами, город, — то нет, сэр, города там нет.

Мистер Джонстон остановился и постучал каблучком по полу.

— Тогда что же там есть?

— Несколько километров изоляционного вещества.

— А еще ниже?

— Преисподняя, сэр.

— *Преисподняя?*

— Устаревший термин для обозначения внутреннего ядра планеты. И это все. Больше там ничего нет.

Мистер Джонетон посмотрел вниз, на пол, пытаюсь вообразить стихийную ярость расплавленного ядра планеты. И улыбнулся. Слабо-слабо улыбнулся.

Это было уже кое-что — значит, у человека так и не хватило ума или могущества, чтобы побороть ярость сердцевины мира.

Гид проводил его до лифта и подождал у дверцы, чтобы закрыть ее. Убедившись, что лифт с пассажиром благополучно поднимается вверх, он пересек коридор и втиснулся в узкую нишу, вырезанную в стене. Как только он коснулся плечами некой металлической полоски, пучок ионов пронзил его грудную клетку и выключил его.

Глаза его остекленели, и он тупо уставился в бессмысленный мрак.

Когда Джонстон вышел на поверхность земли, первой его мыслью было нанять аэролет и облететь все воздушное пространство над городом — летать до тех пор, пока он не найдет то, что ищет. Может, с такого высокого наблюдательного пункта ему удастся наконец увидеть, где кончается город и что находится за его пределами. Но как быть, если город бесконечен? Если что-нибудь *настоящее* существует лишь в маленьких укромных местечках? Тогда он легко может прозевать их в такой спешке. Он не имел ни малейшего представления о том, что именно он ищет и что может найти. Это могло оказаться и таким громоздким, как зазубренные вершины горного хребта, и таким хрупким, как один-единственный цветочек, распустившийся между высоченными небоскребами городских кварталов.

Нет, лучше пойти пешком. Прочесать город на своих ногах. Дойти до границ огромной территории и взглянуть за ее пределы. Времени у него хоть отбавляй,

так не все ли равно, месяцы или годы займут поиски того, что он ищет? Он хочет найти. И время уже потеряло значение рядом с этим непреодолимым желанием.

Он начал поиски на следующее же утро.

Путешествовал он налегке. Не стоило нагружать себя чем бы то ни было, кроме той одежды, что была на нем. Город позаботится о нем. Для этого он и создан.

Джонстон вышел, когда ранний утренний свет заигрывал с почти невидимыми каменными стенами зданий, а пустые уличные тротуары были еще залиты прозрачными неоновыми огнями. Унылые небоскребы с презрением наблюдали за ним, пока он проходил мимо, а потом хмуро смотрели в вечно пустое небо.

На запястье у него был компас, сверяясь с которым, он мог неуклонно двигаться прямо на север. Ему совсем не хотелось кружить по городу. И глаза его горели жаждой приключений.

В полдень энтузиазм Джонстона немного остыл. Ноги у него болели, а в голове он ощущал какую-то странную легкость. Он уселся на краю тротуара, не обращая внимания на неистовую толчею вокруг. Аэролеты с шипением проносились по своим воздушным трассам над его головой. Люди и роботы мало пользовались тротуарами. Большинство из них предпочитало не ходить пешком по некогда многолюдным улицам, а пользоваться быстрой и чистой подземкой.

Через некоторое время он поднялся и возобновил свой путь. В походке его уже не было бодрости, но он

смотрел вперед, твердо решив терпеть муки длительной, трудной ходьбы в течение еще нескольких дней. Потом, думал он, ноги привыкнут к необычному мощиону.

К вечеру он прошел около пятнадцати километров. Город не менялся. Хмурые стены домов все так же бесстрастно взирали со своей высоты на его жалкую фигурку.

Он опять был один на опустевших улицах. Люди земли с их бесцветными, лишенными выражения лицами забрались в свои норы.

Это же следовало как можно скорее сделать и ему самому. Все тело причиняло ему невыносимую боль. Больше всего на свете он жаждал сейчас отдыха, покоя.

Он нашел гостиницу и взял номер.

А утром встал освеженный и терпеливо пустился в путь.

Так прошло несколько дней. Пять. К этому времени он уже потерял счет километрам, которые прошагал на север, а удушливая атмосфера города-гиганта нисколько не менялась. Он обошел сотни улиц и переулков, но всюду его встречали лишь знакомые бесцветные стены нескончаемых домов. И не было видно конца его тюрьме.

Он начал останавливать прохожих и спрашивать:

— Извините, пожалуйста, вы когда-нибудь видели что-нибудь *настоящее*?

Пустые, грустно-веселые глаза смотрели на него с удивлением. Некоторые спрашивали:

— Видели — что?

И мистер Джонстон возбужденно объяснял:

— Я подумал, что, может, вы знаете такое место в городе, где есть что-нибудь *настоящее*. Ну, что-нибудь такое, что сделано *не* человеком. Деревья, цветы... Ну, что-нибудь в этом роде...

Многие отвечали ему лишь недоверчивым, подозрительным вопросом.

— Как вы сказали? Что-нибудь такое, что сделано *не* человеком? Чепуха, приятель. Обратитесь-ка лучше к своему психиатру.

И они поспешно уходили.

Другие, несколько растерявшись, даже не затрудняли себя ответом, а просто качали головой и шли своей дорогой.

«Ничего не выйдет! — думал он. — Люди потеряли представление о том, что значит *настоящее*, — разве мне когда-нибудь удастся найти то, что я ищу?»

Поэтому он перестал задавать вопросы, но по-прежнему шел на север, бесцельно и безнадежно двигаясь по направлению к чему-то, чего не знал и сам.

В этот вечер, когда стало смеркаться, он все еще продолжал свой путь. Он негодовал на ночь и на усталость, которую она несла с собой. Ему хотелось выгадать время: ведь он все-таки надеялся, что каждый шаг хоть немного приближает его к желанной цели.

Но его усталое тело было слишком измучено. Все окружающее вдруг завертелось перед ним, превратилось в темное пятно, и он инстинктивно выбросил вперед руки, чтобы сохранить вертикальное положение.

Тщетно. Потеряв сознание, он свалился на тротуар. Ночь приняла упавшего в свою могилу, а неоновый свет окутал его тело мягким, дружеским сиянием.

Через некоторое время какой-то аэролет опустился возле него. Открылась дверца, и вышли два человека. Они перенесли Джонстона в свою машину.

От их прикосновения он пришел в себя, хотя и не вполне. На него смотрели любопытные, умные глаза.

— Ваша фамилия?

Вопрос был задан стремительно, но вежливо.

— Джонстон, — ответил он. — Гарри Джонстон.

— Вы проживаете в этом районе или оказались здесь случайно?

Он ответил не сразу.

— Да скорее случайно. Собственно говоря, я путешествую. Я, видите ли, ищу чего-нибудь такого, что было бы *настоящим*.

Спрашивающий даже глазом не моргнул.

— И далеко вы направляетесь?

— Очень далеко, как можно дальше. Но это получается медленно... Так медленно...

Стоящий перед ним человек нахмурился.

— Так вы... вы шли *пешком*?

Джонстон кивнул. Теперь он совсем пришел в себя.

— В таком случае советую вам нанять аэролет. Здесь, в квартале 10789, есть агентство. Можете отправиться туда завтра с утра. А пока что мы переправим вас в гостиницу. Надеюсь, там вы проведете ночь с большим комфортом, чем на мостовой.

На следующее утро он последовал совету патрульного и нанял аэролет. «Почему бы не попытаться?» —

думал он. А главное, шесть дней бесплодной ходьбы совершенно измотали его. Когда он поднимется к небу, ему, по крайней мере, будет видно все, что делается внизу.

Но он боялся открытия, которое мог принести этот полет. Возможно, именно поэтому он и откладывал его так долго.

Когда аэролет поднялся вверх, его опасения подтвердились. Он смотрел на город, на десятки, сотни каменных зданий, пробежавших внизу, и стрела отчаяния все глубже вонзалась в его сердце. Казалось, городу и в самом деле не было конца. Он простер свои щупальца во все стороны и неровными, резкими очертаниями каменных стен упирался в горизонт...

Максимальная высота аэролета была всего несколько тысяч метров, и Джонстону оставалось одно — уныло двигаться к северу над суровой мантией города-гиганта.

Часы текли, подобно каплям пота на его лбу, и вдруг — о чудо! — он заметил, что крыши домов стали ниже. Исполинское чудовище постепенно сбавляло высоту своего покрыва. Крупные кварталы уступали место более мелким. Он продолжал смотреть вниз, и вскоре здания перестали набегать на его маленькую летательную машину — теперь они довольствовались тем, что мирно дремали у самой поверхности земли.

Аэролет несся над невероятно уменьшившимся миром. А центральное ядро — эта гигантская преграда для солнечного света — осталось позади.

У него было такое ощущение, словно он перевалил за гребень огромного горного хребта и теперь, оглушен-

ный, спускается по его отлогим склонам. Невероятная гуща домов и дорог сменилась широкими, почти пустынными аллеями из стекла и бетона. С восторгом глядя вниз, Джонстон включил максимальную скорость. Впервые за все это время он заметил какое-то изменение в неизбежно однообразном городском пейзаже. При мысли о том, что ждет его впереди, у него учащенно забилось сердце.

Увы! Через час на горизонте снова появились нелепые, громоздкие здания, и вскоре еще один город вырос перед его глазами. Приподнятое настроение тотчас сменилось у Джонстона его обычным унынием. И в неясной дымке он увидел — а может быть, то была лишь игра его воображения? — увидел вдали призрачные очертания третьего города. А за ним четвертого, пятого и так без конца. Подобно чудовищным фурункулам, прорывали они металлическую оболочку, окружавшую планету.

Он нажал кнопку на щитке — максимальная скорость!

Аэролет секунду помедлил, а потом унесся в небо.

С высоты пяти тысяч метров смотрел Джонстон на мир, распростертый внизу, и яростно проклинал маленькое ненасытное двуногое, которое сделало этот мир таким. Ибо сейчас он видел, что ему и в самом деле нет конца. Гигантские города шли непрерывной цепью, соединяясь между собой сонными предместьями, которые, словно крапчатые скатерти, расстилались между ними. И нигде ни одной бреши в этом ужасном каменном панцире. Ни озер, ни рек, ни деревьев, ни птиц. И ни одного облака на всем бесплодном небе.

Он пустил аэролет вниз по спирали, к верхушкам крыш, и вошел в атмосферу вечного умеренно жаркого

лета, где каждая воздушная струя была вычислена и предсказана заранее. Когда блеск закатного, не затемненного ни одним облачком солнца сделался нестерпимым, окна автоматически закрылись светофильтрами.

И вдруг одно место вдали, на западе, показалось ему не таким, как все. Какой-то новый колорит резким пятном выступил на горизонте и пробудил что-то забытое в его памяти.

Аэролет продолжал снижаться, а Джонстон с изумлением смотрел на этот странный цвет. В нем было что-то необычное.

Что же?

Да ведь это был *зеленый* цвет. Но не тот зеленый цвет, к которому он уже привык. Не тот тусклый, неприятный оттенок, который уродовал города. Нет, этот был гораздо тоньше. Казалось, он состоял из множества разных, но однородных красок. Это был тот цвет, какой можно увидеть... О да! Это был цвет леса и сада, где каждое растение обладает собственным, индивидуальным оттенком общей окраски и где...

Он резко повернул аэролет и, увеличив скорость, понесся на запад. Промчался над неподвижным океаном стали. Постепенно, почти неприметно, пятно баснословной, сказочной зелени расцвело, выросло в поле его зрения, и вдруг его неверящие глаза увидели грандиозное зрелище...

Он увидел... внезапно он увидел Большой Парк. Сначала он даже отшатнулся перед натиском зелени, заполнявшей этот мир, потом нетерпеливо нажал кнопку спуска.

Миниатюрный аппарат спиралью пошел вниз и опустился на роскошный зеленый ковер посреди парка.

Джонстон неподвижно сидел в своем аэролете. То открывая, то закрывая глаза, он повторял себе, что это не сон, что, стало быть, такое место все-таки существует в этом мире.

Парк. Огромный парк. А он-то думал, что люди забыли...

Да разве мог человек забыть такую красоту?

Он неуклюже выбрался из аэролета и остановился, чувствуя легкое головокружение. Посмотрев на землю, он вдруг просиял: его ноги глубоко ушли в мягкую зеленую траву. И вокруг него стояла такая неправдоподобная, такая глубокая и прекрасная тишина, что он начал сомневаться в реальности всего происходящего.

Зеленые холмы маячили в отдалении. Деревья возвышались на горизонте. Этот широкий простор рождал ощущение вечности, забывалась самая мысль о городах.

В самом деле, здесь не было никаких городских примет. Парк находился в такой глубокой выемке, что даже самые высокие небоскребы не были видны отсюда. И, быть может, Джонстон был сейчас единственным и полновластным хозяином этого уединенного мирка.

Никогда не представлял он себе такого счастья.

Рай! А если и не рай, то нечто настолько близкое к нему, насколько возможно. Какой стороне человече-

ской природы обязан этот оазис своей изоляцией от остального мира? Пожалуй, Джонстон немного поторопился, резко осудив своего собрата человека.

Но почему же Инспектор не сказал ему о существовании такого места?

Его недоумение быстро рассеялось, когда он вспомнил, как нетерпелив был он сам. Зайди он в двенадцатую комнату, куда его направляли, ему, конечно, сообщили бы о парке и он был бы избавлен от нескольких дней долгой и мучительной ходьбы. Впрочем, нельзя отрицать тот факт, что перенесенные лишения только увеличивают удовольствие. Он никогда не смог бы насладиться таким блаженным ощущением сбывшейся мечты, какое испытывал сейчас, если бы беспрепятственно прибыл в это идиллическое убежище прямо из города.

Он отошел от своего аэролета и медленно побрел по траве к мощеной тропинке, которая вилась меж деревьев. И шагал по тропинке до тех пор, пока его аппарат не скрылся за небольшой возвышенностью. Последний его контакт с урбанистическим миром исчез. Он был один в эдеме.

Время от времени он отклонялся от тропинки, чтобы лучше рассмотреть разные породы деревьев и кустов, которые росли на строго определенном расстоянии друг от друга, причем на каждом была дощечка с названием — либо прикрепленная к стволу, либо вделанная в землю. Надписи были ему непонятны. Большинство этих названий давно исчезло из современного лексикона. Тем не менее он улыбался и кивал головой, будто понимал язык дощечек, и переходил к следующему дереву.

Тропинка меж деревьев словно уходила в бесконечность. Спустя некоторое время Джонстон устал и уселся на удивительную траву, которая казалась ему каким-то чудом. Косые лучи заходящего солнца отбрасывали длинные тени. Изумительные запахи исходили от земли. Его охватило внезапное желание лечь на эту траву, и он растянулся, прикрыв одной рукой глаза, чтобы защитить их от солнечного света.

Он бездумно плавал в волнах блаженства. Все его недовольство улетучилось, и он забыл мир, оставшийся позади. Он вдохнул полной грудью насыщенный ароматами воздух и с сожалением выдохнул его. Ничего похожего на спертый воздух города.

Повернувшись на бок, он стал смотреть в траву. Казалось, рассматривая серебристые былинки, он пытался проникнуть в какую-то непостижимую тайну.

И ведь в этой траве была жизнь. С восторгом он наблюдал за длинной колонной муравьев, пробирававшихся сквозь миниатюрные джунгли, поражаясь их терпению.

В воздухе раздался непривычный звук. Он поднял глаза и увидел странное существо, которое било по воздуху какими-то широкими лопастями, а потом, пронесясь в сумеречном свете, вдруг исчезло в ветвях ближнего дерева.

Птица!

Она издала еще один пронзительный крик и умолкла.

Джонстон сел. Он был потрясен. В этом парке живут птицы! Какие еще важные открытия ждут его здесь?

А ведь скоро совсем стемнеет. У него так мало времени.

Он поднялся с травы и поспешно вскарабкался на гребень ближайшего холма. Внизу виднелась небольшая лощина, а дальше — другой гребень. Но эта лощина оказалась самой чудесной из всех, какие он когда-либо видел. Судя по широкой пелене воды, покрывавшей ее, это было озеро, а на тихой поверхности этого озера сидели несколько странных созданий с длинной шеей и задумчиво любовались своим отражением.

Спеша поскорее спуститься с холма, он пробежал последние несколько метров бегом, спотыкаясь и падая. Но каждый раз со смехом поднимался, ощущая острую радость бытия. Потом он подошел к озеру и стал с изумлением смотреть на удивительные создания, наконец-то удостоившие заметить его особу.

Он долго смотрел на них, а потом, когда звезды высыпали, словно веснушки, на увядающем лице дня, улегся на траве, у самой воды, и стал любоваться *своим* парком, совершенно преобразившимся в волшебном сиянии звезд.

Потом он заснул. Воздух был теплый и ласковый, ему и в голову не приходило чего-нибудь бояться. И последней его сознательной мыслью было, что открытия еще только начались.

Он проснулся и увидел раннее утро — такое утро, какого еще никогда не было в его жизни. Он погрузил лицо в прохладную воду озера и попрощался с задумчивыми лебедями. Перед ним возвышался еще один холм.

Расставшись с озером, он взобрался на вершину следующего пригорка. Открывшаяся перед ним карти-

на превзошла все его ожидания. Не было знакомого, всеподавляющего зеленого цвета, к которому он уже начал привыкать, — местность, лежавшая внизу, поразила его ослепительным многообразием красок. Бесконечное море цветов самых ярких и самых нежных оттенков расстиралось перед ним вплоть до самого горизонта, и даже там, на горизонте, пылали и буйствовали цветы.

Так могуче было это нашествие, этот взрыв красок, что он почувствовал головокружение. Спускаясь по дорожке, он был точно во сне. Длинные ряды прекрасно распланированных садов приветствовали его с обеих сторон тропинки. Он начал думать, что, быть может, в самом деле спит и видит сон. Такое обилие красоты не имеет права на существование в этом мире. Но нет, розы были настоящими, реальными — он прикасался к ним. Аромат, который они источали, мог бы опьянить любого Инспектора и способен был развеять любое сновидение. А потом пошли великолепные, роскошные орхидеи, невероятно сочные для этого умеренного климата. А потом еще цветы, и еще, и еще. Целые километры экзотических цветов. Настоящий лес цветов, которому не было конца.

«Но кто же ухаживает за всем этим? — подумал он. — Кто присматривает за газонами, деревьями, полями?»

Он все еще ломал голову над этой загадкой, как вдруг увидел перед собой домик сторожа.

Остановившись, Джонстон стал разглядывать необычное строение на краю небольшой поляны. Это было

совсем маленькое здание, сделанное как будто из того же материала, что и стволы окружавших его деревьев. «Да это дерево или что-то вроде того», — подумал он, ощутив гордость от этого внезапно ожившего, тлевшего где-то в глубине его души воспоминания. А ведь он никогда не видел ничего деревянного. И казалось невероятным, что оно еще сохранилось в каком-то уголке этого урбанистического мира.

Это страшно поразило его. Он мог бы представить себе целую армию роботов, которые маршируют взад и вперед по бесконечным газонам и ухаживают за цветущими розами. Но никогда бы не подумал, что за всем этим большим парком следит лишь маленький старичок, одиноко сидящий в низеньком домике, построенном из дерева — просто из дерева.

Он нерешительно постучал в дверь.

— Войдите, — ответил терпеливый, усталый голос.

Джонстон открыл дверь.

Комнату освещали только солнечные лучи, проникавшие через незанавешенные окна. Мебель была какая-то допотопная и тоже деревянная.

Старик сидел в дальнем углу, у окна. Он кивнул Джонстону, знаком предлагая ему закрыть за собой дверь и присесть.

— Вы пришли посмотреть на мой парк, — сказал старик. Его голос тоже можно было назвать деревянным.

Старик не спрашивал, он утверждал.

— Да, — ответил Джонстон, — это правда. Я... я и представить себе не мог, что существует такое место.

Я думал, что... что все, все это давно исчезло. Что города поглотили все.

— Нет, не все исчезло, — мягко возразил старик, и Джонстон подумал, что никогда еще он не видел такого старого человека. Такого древнего-древнего старика. Словно он просидел здесь целые столетия. — Кое-что еще осталось. Например, парки — вот такие, как этот. Впрочем, теперь уже мало кто приходит сюда осматривать их.

— Но почему же?

Джонстон не мог постичь, как это люди сидят в городах, когда такая красота раскинулась буквально у их порога. Именно это он и высказал старику.

Сторож с горечью покачал седой головой.

— Вы не понимаете одного: большинство людей вообще забыли, что такое красота. А остальные... остальные не желают тратить время и силы.

Это звучало убедительно. И дело было не только в том, что какое-то количество людей постепенно заменялось машинами, которые и двигались, и выглядели, и действовали, почти как человеческие существа, но в том, что настоящие люди усвоили образ действий и поведение машин. Индивидуальность этих людей постепенно поглощалась окружающим миром, скудным, механизированным, и теперь почти невозможно отличить их от роботов. Бесплодная среда приучила их мыслить совершенно одинаковыми убогими штампами. Вот почему так трудно стало угадать, когда имеешь дело с человеком, а когда с машиной.

— Вы мой первый посетитель за... за много лет, — сказал старик. И голос его был дряхлым, как само время.

Неприметная пауза после слова «за» ускользнула от Джонстона — в его мозгу толпилось множество неотложных вопросов.

— Но ведь не может быть, чтобы вы один ухаживали за всем этим?

— Ну, конечно же, нет, молодой человек. Для этого существуют... роботы. — Он произнес это слово с явной неохотой. — Существуют машины, которые приводят в порядок сады и газоны. Я чересчур стар и могу лишь сидеть и ждать.

— Но я не видел ни одного...

— Ну, разумеется, не видели. Всю необходимую работу они выполняют ночью. Им не нужен дневной свет. И они не портят ландшафт, когда приезжают посетители. Правда, в последнее время это уже не имеет особого значения.

Джонстон возблагодарил здравый смысл, подсказавший такое решение уже столько лет назад. Он содрогнулся, представив себе машины, разъезжающие по его парку. Ведь теперь это был уже *его* парк — его и этого старика.

— И вы все время живете здесь, в полном одиночестве?

Старик пожал плечами.

— А где же еще? Я не нуждаюсь в городах. А города не нуждаются во мне. Здесь я могу быть наедине с природой. Меня кормят и обслуживают... машины. Боюсь, что это неизбежное зло. Моя жизнь полна, и у меня больше нет никаких желаний.

То, что Джонстон слышал и видел, все больше и больше напоминало ему рай.

— Мне бы хотелось остаться здесь, с вами, — взволнованно прошептал он.

Старик нахмурился, видимо, он был встревожен.

— Не думаю, чтобы это было возможно. Город...

— К черту город! Какое ему дело до меня? Не все ли равно, где будет протекать жизнь одного человека — здесь или там?

— Далеко не все равно. Вам надлежит помнить, мистер Джонстон, что вы представляете собой часть уравнения. Чудовищного уравнения, которое помогает муниципальным киберам поддерживать плавное течение мирового процесса. Вы — звено обширной, сложной системы автоматизации, где каждая акция предусмотрена и рассчитана с учетом биллиона других акций. Ваше переселение внесет в расчеты фактор случайности, и это может повредить правильному управлению городом, а в конечном счете и всем миром. Нет, боюсь, что вам нельзя будет остаться здесь. Но вы сможете часто прилетать сюда.

— А если я обращусь к ним с официальным заявлением? — настаивал Джонстон. — Они не смогут мне отказать, правда, не смогут? Ведь, в конце концов, им это решительно все равно — не так ли?

Старик с минуту молчал. Потом ответил:

— Пожалуй, они согласятся рассмотреть его. Но, конечно, дело не обойдется без расследования.

Оба задумались. Джонстон выглянул из окна в сад, прислушался к щебету и писку птиц, нарушавших глубокую тишину.

— Но как же все это началось? — вслух подумал он.

Старик поднял на него глаза.

— Что началось, мистер Джонстон?

— Города. Мир. Всё. Когда мы начали уничтожать нашу планету?

— Никто не знает этого, мой мальчик. Никто. Быть может, это началось тогда, когда боги покинули землю и вознеслись к звездам. И закрыли врата, чтобы мы не могли следовать за ними. И оставили нас навеки. У нас был только один мир. Что же еще могли мы сделать?

— Но как же все это кончится? — спросил Джонстон.

— Кончится? Но ведь конец уже наступил — разве не так?

Они посмотрели друг на друга, но ни один не смог ответить на этот вопрос.

— А как вы думаете, они когда-нибудь придут обратно? — спросил Джонстон.

— Кто?

— Боги.

— Кто же может знать это? Судя по всему, они забыли нас.

Забыли нас. Так же как и мы когда-нибудь забудем их.

Вот это действительно предел, конец всему, когда что-нибудь окончательно затеряется в глубоких подвалах памяти.

Он задал сторожу еще много вопросов о парке. Как далеко он простирается, что еще там есть. И когда старик рассказал ему о лесных зверях, о реках и рыбе, нетерпение затопило все мысли Джонстона. Этот разговор лишь снова поверг его в отчаяние. Ему хотелось поскорее выйти на вольный воздух.

— Пожалуй, я пойду, — сказал он наконец и поднялся с ветхого стула, чудом выдержавшего его. — Мне еще так много надо посмотреть до наступления ночи.

— Что ж. Но только зайдите еще раз. Мне не часто выпадает на долю радость... общения.

Они подошли к двери, и старик открыл ее, снова впустив в комнату великолепие природы.

День уже угасал. Должно быть, они проговорили несколько часов. Или просто дни казались ему теперь до ужаса короткими? Он вдруг вспомнил, что раньше они были гораздо длиннее. Но это было давно, очень давно. Человек изменил это, как изменил и все остальное.

«Кроме того, что здесь, — подумал он. — Кроме всей этой красоты вокруг. У человека хватило здравого смысла сохранить ее».

У дверей рос роскошный розовый куст. Алые розы жадно тянулись к солнцу. Внезапное желание обожгло его, и он протянул руку, чтобы сорвать один цветок, а потом унести его с собой, на своем сердце.

— Остановитесь! — Это крик сторожа вдруг пререзал тишину.

Джонстон замер — его протянутая рука застыла над беззащитными лепестками. Он оглянулся на маленького старичка.

— Не дотрагивайтесь до цветов!

Безотчетное чувство возмущения внезапно охватило Джонстона. Хватит с него приказов! *Здесь для них нет места!*

Он с вызовом схватил свободный от шипов стебелек и быстро сорвал розу с куста. Потом высоко поднял ее и на глазах у сторожа демонстративно вдохнул нежный аромат.

Роза тотчас поблекла и завяла в его руке. Мертвые листья съежились, превратились в призрачный остаток какой-то паутиноподобной ткани. Джонстон смотрел на свою пустую ладонь. Потом поднял глаза на сторожа. Страдальческий взгляд старика был страшнее всего, что он когда-либо в жизни видел.

Дрожа, он опустился на колени у куста и крепко охватил его у основания. Прелестный зеленый куст легко оторвался от земли. И, пока он увядал, превращаясь в хрупкую паутину, Джонстон заметил почти невидимые усики, убегающие в темную почву.

Истина не сразу пробила броню его сопротивляющегося рассудка. Но вот Джонстон понял: оказывается, прекрасные розовые кусты — всего лишь искусная и сложная подделка. Будучи отделены от создавшей их среды, они немедленно превращаются в крошечную послушную пленку, которую можно скомкать в руке.

А если это так, значит, то же самое может произойти и с деревьями, газонами, птицами — со всем садом. И он оказался настолько глуп, что поверил, будто такое место действительно уцелело! Это искусно сделанный памятник — и только! Превосходный макет самых разнообразных групп цветов и деревьев, которые никогда не могли бы существовать и расти в таких условиях.

Его обманули!

Слабый крик возник где-то в глубине его горла и наконец вырвался наружу болезненным воплем:

— Вы мерзкий лжец! А ведь я почти поверил... Будьте вы прокляты! Я хотел только одного — правды. И вы могли дать ее мне. Только вы. А вы предпочли лгать, лгать...

Его глаза вдруг широко раскрылись, потом сузились, превратившись в пылающие злобой щелки. Пальцы сжались в кулаки.

— Что же это я? Как я не понял, как не догадался! Ведь вы робот, робот, ненавистная машина, как все остальные. Это правда? Правда?

В отчаянии старик пытался исправить зло.

— Я... Я же говорил вам, чтобы вы не срывали розу, — бормотал он. — Я пытался сделать так, чтобы вы не догадались... чтобы вы не открыли...

— Чтобы я не открыл правду! — вскричал Джонстон и ударил кулаком по старому лицу.

Сторож, пошатнувшись, прижался спиной к стене. Джонстон настиг его и, молотя кулаками, продолжал выкрикивать:

— Машина! Ненавистная машина!

Старик упал на пол. Джонстон ударил его ногой по голове и продолжал бить по лицу, пока сквозь раздавленную протоплазму не проступили синтетические волокна. Тогда он выбежал из домика, пересек лужайку и углубился в длинную цветочную аллею, стремясь уйти как можно дальше.

Всклипывая, он начал обрывать кусты, страстно надеясь, что хоть один цветок окажется настоящим. Но все цветы умирали у него в руке. Все побеги, которые он отламывал от молодых деревьев, рассыпались в прах, когда он прикасался к ним. Он выкрикнул проклятие и вступил в единоборство с проволочными нитями, уходившими в землю. Он рвал их и наблюдал,

как они корчатся, извиваются, словно змеи, на его ладони. Смотрел на свои руки, исцарапанные, ободранные в яростной спешке. Смотрел на кровь, которая полилась из его ран.

И разразился смехом.

Слабый рокот, похожий на отдаленный раскат грома, донесся сверху. Он запрокинул голову и увидел парящий аэролет. В нем сидели два человека и бесстрастно разглядывали его. Те же двое, которые подобрали его еще там, в городе.

Городские полицейские. Те, которые наблюдали за ним, шли по его следам, допустили, чтобы его прихоть дошла до естественного конца.

А теперь прилетели, чтобы отвезти его обратно. Обратно — в ужасную, затягивающуюся петлю города, того города, который сделали люди, надевшие на весь мир стальную смирительную рубашку толщиной в сок три километра.

В город, где нет ничего настоящего и где роботы так тесно соприкасаются с людьми, а люди так тесно соприкасаются с роботами, что стало невозможно отличить их друг от друга.

— Неужели вы не понимаете? — простонал он. — Ведь, может быть, я — последний живой человек, который еще остался на земле!

Они продолжали внимательно смотреть на него. Аэролет пошел на посадку.

Джонстон смотрел, как он приближается. Стоя на коленях среди цветов, которые он принял за настоящие и которые оказались такими же искусственными,

как и оставленный им мир, он опустил голову и стал смотреть на яркие пятна крови на своих руках.

Вот это было *настоящее*. Его собственная кровь. Кровь, которая течет в его жилах. Единственное, что отличает его от машин. Единственный признак человека, который они так и не сумели скопировать.

И он принял решение. Нет, он никогда не вернется в город. Лучше смерть, чем невыносимое прозябание в этой гнусной тюрьме.

Он вырвал из земли куст, схватил скорчившиеся проволочные усики и начал беспощадно раздирать себе вены на запястье, пока кровь не хлынула сильной, яркой струей.

Аэролет накренился и пролетел последние несколько метров. Дверца открылась, и два человека осторожно приблизились к нему. Один держал в руке какой-то длинный узкий инструмент.

Джонстон не обратил на это внимания. Он ощущал слабость и головокружение. Он поднял свою кровоточащую руку.

— Вы видите *это*? — крикнул он. — Я могу сделать то, на что вы неспособны, проклятые машины! Я могу умереть. *Умереть!*

Они ничего не ответили и продолжали стоять немного поодаль, глядя на него. Он удивился их терпению, отсутствию какого-либо интереса с их стороны и подумал, что, быть может, им вообще недоступно понятие смерти.

И только тогда, когда кровь перестала литься и земля поглотила последнюю каплю драгоценной жидкости, он понял, почему они так терпеливы. Он посмотрел на свою израненную руку и хотел сделать так, чтобы кровь полилась опять, но больше ни одна капля не

вылилась из его разодранного запястья. Вены его были пусты, они уже сплющились.

И все-таки он еще жил. В глубине его черепа еще вибрировало сознание. Оно не нуждалось во внешней оболочке, которая существовала только для того, чтобы вводить в заблуждение его самого и его собратьев людей. Это был самый усовершенствованный образчик эволюции — результат развития кибернетики. Это был разум, существующий независимо от своего синтетического тела.

Никаких слез не хватило бы, чтобы выплакать горе Джонстона. Казалось, его усталое тело уже разваливается на части. Он упал ничком на предательскую землю и, зарывшись лицом в фальшивую траву, зарыдал над исчезновением всего, что было *настоящим*.

И так и не услышал приближения полицейских, не ощутил вспышки узкого пучка ионов, которые, пронзив грудную клетку, оборвали его лишнюю смысловую жизнь.

КЭЛЛАХЭН И ЕГО ЧЕРЕПАШКИ

— Если бы я только знала, — сказала Аманта, — если бы кто-нибудь меня предупредил... если б у моей матери хватило здравого смысла предостеречь меня...

— О чем это ты? — предчувствуя недоброе, спросил Кэллахэн.

— ...я бы сто раз подумала, прежде чем выйти замуж за сумасшедшего изобретателя, — вот о чем! — ответила Аманта, собирая разбросанные по полу обрывки бумаг из перевернутой корзинки; поставив корзинку на место, она снова кинула их туда.

— На что похожа эта комната? На что похож весь дом, если уж на то пошло?! Почему ты не держишь их в лаборатории, хотела бы я знать? Здесь им не место! Ну? — Она сердито сверкнула черными глазами.

— Я не изобретатель, — возразил Кэллахэн, направляясь к книжному шкафу, где маленький трехколесный аппаратик хлопотал возле нижней полки, стараясь вытащить книгу. Кэллахэн повернул его «лицом» к комнате. — Я исследователь-кибернетик. Изобретатели...

— Изобретатель... кибернетик... Ты просто сумасшедший, вот ты кто!

Аманта впилась взглядом в кроху на колесиках, чуть побольше роликового конька. Судя по всему, в тот момент он раздумывал, что бы ему такое еще учинить. Он водил по сторонам своими фотоэлектрическими телеглазами со сканирующим устройством и шевелил шарнирными «руками» с захватами на концах. Затем, видимо придя к какому-то решению, подкатился к розетке в плинтусе и включился в нее, чтоб подзарядиться. Аманта с раздражением обернулась, услышав, как в комнату с тихим пощелкиванием вкатился еще один крошечный робот. Подъехав к первому, он стал терпеливо ждать своей очереди. Подзарядившись, первый выкатился за дверь и двинулся направо по коридору.

— Я тебе покажу! — воскликнула Аманта и бросилась за ним. — Только сунься ко мне в кабинет!

Выйдя вслед за женой, Кэллахэн увидел, что она стоит в оборонительной позе — спиной к двери в кабинет, лицом к аппаратику, у которого был очень разочарованный вид.

— Достаточно того, что они залезают в чулан и прячут мои туфли! — сказала она. — Но чтобы я позволила хоть одной из этих... этих черепашек забраться ко мне! Ни за что! Зарубите это себе на носу.

«Черепашка», казалось, поняла ее, хотя у нее и не было слухового устройства; повернувшись на 180 градусов, она, пощелкивая, укатила по направлению к лаборатории.

В большом одноэтажном доме Кэллахэна на окраине поселка в северной части штата Нью-Йорк неприкосновенной считалась одна комната — кабинет Аманты,

в котором она писала. В рассказах ее — главным образом о детях — не было и намека на сентиментальность. Скорее их отличала насмешливость и даже легкий сарказм, чем, возможно, и объяснялась их популярность среди юных читателей.

Когда черепашка скрылась в лаборатории, Аманта взглянула прямо в глаза Кэллахэну. Этот взгляд хоть кого привел бы в смятение: отец Аманты был ирландец, а мать — французская цыганка. Кэллахэн полагал, что с ирландской половиной он еще совладеет, но в отношении цыганской он не был так уверен.

— Кэллахэн, — начала она. — Пора решить этот вопрос раз и навсегда. Когда ты занялся этим... этим своим проектом, мы договорились, что я буду работать в кабинете, а ты в лаборатории; ты — в своей мастерской, а я — в своей. А что выходит? Черепашки шныряют по всему дому. Ты помнишь, что они сделали с моими чулками? Не эта, трехколесная, а та, что на четырех роликах.

— Ее больше нет, — ответил Кэллахэн. — Она устроила себе короткое замыкание и сожгла всю схему. И неужели так трудно закрывать дверь в спальню?

— Они забираются и на кухню и открывают дверцу духовки. На что будет похоже суфле, если каждую минуту открывать духовку?! На ней нет замка, а закрывать дверь в кухню я не желаю, — мне не уследить за жарким, если я не буду слышать из кабинета, как оно пахнет.

— Почему бы тебе не пользоваться программным устройством плиты?

— Вся эта автоматика на кухне — ерунда! Попробовать жаркое она не может. Одно из двух: или ты

держи своих чертенят в лаборатории, мири ром *, или внуши им, что можно и чего нельзя. Пусть бегают в саду — сегодня такой чудесный день.

— В последний раз, когда я выпустил их в сад, — заметил Кэллахэн, — одна из них удрала на шоссе и попала под грузовик. И я вовсе не хочу им ничего внушать. Я хочу, чтобы у них была полная свобода выбора. Мне надо, чтобы их цепи в графитогеле ** испытывали все те воздействия внешней сре...

— Надеюсь, ты как положено похоронил бедную малютку? — спросила Аманта.

— Я ее вообще не хоронил, — сказал Кэллахэн. — Пойми ты наконец, — они не зверюшки, а механизмы с гибкой запоминающей схемой и управлением с обратной связью. И они очень любознательны.

— Хм! — усомнилась Аманта. — Я бы скорее сказала — нахальны: повсюду суют свой нос.

— Это ведь не пустое любопытство. Они получают первоначальный импульс от датчика случайных чисел, затем приобретают опыт. Те ассоциативные связи в графитогеле, которые оказываются наиболее удачными, запечатлеваются наподобие печатной схемы, а если возникает необходимость, связи перестраиваются по-новому. В том-то и штука, что я хочу отойти от механизма с запрограммированным набором команд, хочу, чтобы они учились на собственных ошибках. Так сказать, естественный отбор.

— Теория Дарвина — к черту отстающих; ты это имеешь в виду? — спросила Аманта.

* Мири ром (цыг.) — дорогой муж. — Здесь и далее примечания переводчика.

** Графитогель — вещество, содержащее графит в коллоидальном состоянии.

В кухне что-то грохнуло, и, бросив на Кэллахэна свирепый взгляд, Аманта поспешила туда узнать, в чем дело. Кэллахэн за ней. Возле мусорного ведра стояла черепашка и, казалось, без всякой определенной цели нажимала и опускала педаль, при помощи которой открывалась крышка. Телеглаза следовали за ней вверх и вниз, одна из «рук» отбивала такт.

— Это еще зачем? — сказала Аманта, наклоняясь, чтобы прекратить стук.

— Не тронь ее, она хочет установить взаимосвязь между движениями педали и крышки и, когда увидит, что это ничему ее не научит и ни к чему не приведет, бросит свое занятие.

— И это все, что интересуется бесенка?

— Все; да еще она не забывает подзарядиться вовремя — надо же было им хоть что-нибудь дать для начала. Ну и, конечно, пришлось заложить в них пару запретов, чтобы они не устроили нам пожара. Вот почему они удирают, как только откроют дверцу духовки. По сути дела, Аманта, они совершенно примитивны.

Примитивная по своей сути черепашка перестала хлопать крышкой и боднула мусорное ведро, но оно было слишком тяжелым, чтобы сдвинуть его с места. Боднув ведро еще раз, она отправилась в угол и там затихла.

— Ты совсем рехнулся, — вздохнула Аманта. — Лучше бы ты продолжал заниматься вычислительными машинами. Они по крайней мере не путаются под ногами.

— В том-то вся и штука, — начал Кэллахэн, усевшись на край кухонного стола, словно собирался читать лекцию. — Вычислительная машина восседает себе на своем толстом заду и не извлекает никакого опы-

та из собственной деятельности. Ее пичкают информацией, верно, но это же совсем не то! Все большие вычислительные машины не передвигаются, а главное, ничего не делают. Если бы они могли передвигаться и у них было хоть какое-нибудь подобие цели, вот как у черепашек — подзарядиться, они бы думали, а не просто вычисляли. Мышление возникает тогда, когда мы начинаем отвечать действием на воздействие внешней среды.

— Роскошно звучит! — воскликнула Аманта. — Тебе надо было заняться сочинительством, Кэллахэн. Без шуток.

— Мне надо заняться работой, — сказал Кэллахэн, вставая со стола.

— Тогда сперва почистись. Весь твой толстый... ты весь в муке.

Войдя в лабораторию, Кэллахэн увидел, что две черепашки устроили состязание — кто кого столкнет с места. Занятно! Это какая-то новая фаза! Скоро одна из них признала себя побежденной и уступила другой дорогу. Кэллахэн решил, что это чистая случайность. Вряд ли им знакомо чувство соперничества; все зависело от того, насколько устойчива, насколько, так сказать, жизнеспособна была энграмма*, возникшая в их почти аморфном «мозгу». Конечно, в мозгу живого существа с самого начала существует целая система нейронов, синапсов и связующих нервных волокон, и повторяющиеся действия приводят к образованию полезных стереотипов, но у черепашек с их недифференцированной массой «мозга» из полупроводящего

* Энграмма — след восприятия в памяти.

графитогеля этот процесс скорее напоминал упорядочение поляризованных частиц в магнитном поле.

— Понимаешь, — разъяснил он как-то Аманте, — я хочу дать маленькой вычислительной машине цель... и руки и ноги в придачу. Или по крайней мере колеса.

— Ты, видно, совсем рехнулся, — ответила ему тогда Аманта.

Кэллахэн принялся за работу: он пытался снять у черепашки энцефалограмму. Последнее время становилось все труднее и труднее заставить их стоять спокойно. Они все больше раздражались, и ему не раз приходила мысль, что их реакция похожа на обиду и возмущение. Если случалось, что черепашка сама хоть минуту пребывала в бездействии, электроэнцефалограф отмечал только основную альфа-пульсацию — типичную в таких случаях кривую, однако стоило насильно ограничить ее свободу, черепашка начинала, как выражалась Аманта, «беситься»...

Время шло, но все попытки Кэллахэна кончались неудачей. В пять часов он подошел к электрощитку и отключил линию, питающую все нижние розетки, сделанные для черепашек. К другим розеткам, предназначенным для торшеро́в, нельзя было подключиться без специальной штепсельной вилки; к тому же они были присоединены к отдельной сети. К этим предосторожностям пришлось прибегнуть, когда черепашки стали чересчур предприимчивыми, иначе они не дали бы никому сомкнуть глаз. Теперь же, когда выключали ток, они не могли пополнить запас энергии и вели себя спокойно, пока утром их снова не заряжали.

За обедом Кэллахэн сказал:

— Знаешь, Аманта, как бы они не стали связывать мою персону с прекращением электропитания. Когда

я включаю их утром для подзарядки, они еще ничего не воспринимают, так что и не ставят мне этого в заслугу. У них вырабатывается односторонний взгляд на вещи. Надеюсь, у них не разовьются агрессивные стереотипы.

— Смотри в оба, не то они тебя драбнут*.

Поразмыслив, Кэллахэн решил, что это означает «отравят» — правда, он не был силен в цыганском джибэ**.

— Сегодня утром, когда ты была у себя, звонил Андервуд, — заметил он. — Вот уж болван...

— Не спорю, — отозвалась Аманта. — А что ему нужно?

— Ничего, просто хотел напомнить мне о завтрашнем симпозиуме. Поскольку я основной докладчик, буду делать сообщение о своих экспериментах, маловероятно, чтобы я об этом забыл... Да, еще он бормотал что-то невнятное насчет дендритовых волокон — он из тех скептиков, которые слишком много знают. Видно, он не понимает, что графит...

— Ой, — прервала его Аманта, — пошли скорее, мы пропустим телевизор.

— А что сегодня? Только бы не ковбойский фильм. Осточертели мне все эти ковбои и индейцы.

— Да нет, сегодня нас угостят полицейскими и взломщиками.

Следуя за ней в гостиную, Кэллахэн был так занят мыслями о предстоящем симпозиуме, что не заметил крошечной фигурки, юркнувшей за угол в дальнем конце коридора. И хорошо, что не заметил, — это

* Драбнут (*искаж. цыг.*) — прикончат.

** Джибэ (*цыг.*) — диалект.

начисто лишило бы его спокойствия. Ведь предполагалось, что все черепашки уже давным-давно спят.

Проснувшись на следующее утро, Кэллахэн увидел, что жена уже одета. У нее что-то не ладилось с дверной ручкой.

— Странно, — нахмурившись, проговорила она. — Дверь заперта... причем снаружи.

Он встал с постели и повернул ручку. Дверь не открывалась.

— Черт побери! — воскликнул он.

— Я предупреждала тебя. Они уже нас запирают.

— Но ведь им не добраться до замка. — Он подошел к окну. — К тому же я отключил нижние розетки...

Он вылез в окно, вошел в дом через парадную дверь и выпустил Аманту из спальни. Оба молчали. И тут с легким пощелкиванием в комнату вкатилась черепашка.

— Значит, ты все-таки забыл выключить линию, Кэллахэн.

— Нет, не забыл, черт побери! Можешь убедиться своими глазами.

Они пошли в лабораторию, и он открыл дверцу электрощитка.

— Видишь! Я говорил тебе, что нижняя линия отключена. Да и как бы они смогли добраться до замочной скважины?

— Как? — сказала она. — А вот как.

Он обернулся и увидел у рабочего стола пирамиду, неумело сложенную из наваленных на полу книг.

— Будь я про... — он замер от удивления.

— Слушай, милый, а как они умудрились подняться? Ведь они на колесиках.

— Шины из губчатой резины, — ответил он с отсутствующим видом. — Но ведь их запас энергии должен был истощиться еще вчера... Фью! — он указал пальцем на стену, возле которой стоял рабочий стол. В ней была розетка, питаемая от верхней линии. Подставка с пробирками, стоящая рядом с ней, была опрокинута.

— В жизни своей не видел ничего подобного! Но дверь в спальню!.. Там не было никаких книг.

— Может, они утащили их обратно, — предположила Аманта.

Они вошли в гостиную. По всему полу были разбросаны книги. Кэллахэн и Аманта молча наблюдали, как черепашка поворачивала их так и этак, пока наконец не втащила одну книгу на другую. Но тут она заметила ногу Кэллахэна, повернулась и на полной скорости помчалась в холл.

— Она испугалась тебя, Кэллахэн, — заявила Аманта. — И ничего удивительного, ты так орал.

— Я не орал! К тому же у них нет слухового устройства.

Аманта тряхнула головой.

— А по-моему, ты ее обидел.

— Да брось ты, Аманта, все это чистая случайность. Приобретение опыта на собственных ошибках.

— А по-моему, она действовала вполне разумно.

Кэллахэн пошел в спальню, оделся, собрал безжизненных черепашек, валявшихся по всему дому, — подпитаться ухитрилась только одна из них — и включил каждую на несколько минут в штепсельную розетку над рабочим столом. Затем выпустил их на весь день

на волю и снова включил нижнюю линию. И только тут он вспомнил, что не посмотрел, какая из черепашек сказала такой смышленной... вернее, такой удачливой. Он пошел к Аманте спросить, — может, она заметила номер: у каждой из них был свой номер на привинченной сверху пластинке.

— Какая? — переспросила Аманта. — Ясно, Тринадцатая. Кто же еще! Ловчей среди них не сыщешь.

— Черт-те что! — бросил Кэллахэн и вернулся в лабораторию. Он отнес на место книги и битых два часа возился с проводкой, чтобы вместе с нижней линией можно было отключать и те розетки, до которых теперь стали добираться черепашки. Он подумывал было повесить замок на электрощит, но решил, что они вряд ли догадаются о назначении рубильника... во всяком случае, надеялся на это. Выйдя в холл, Кэллахэн встретил Питера — одиннадцатилетнего сына их соседки, вдовы Джессики Браун. Глаза его горели любопытством, и Кэллахэн поспешил увести его подальше от лаборатории. Мать Питера несколько дней назад заходила к ним и видела одну из черепашек. Видно, Питеру стало об этом известно.

— Послушайте, мистер Кэллахэн, мама говорит, у вас есть модель паровоза, которая сама ездит по...

Не успел он договорить, как в комнату вкатились два крошечных робота и наперегонки помчались к ближайшей розетке.

— Ой, смотрите-ка, целых две! А что они делают?

Черепашки оспаривали друг у друга право на электроэнергию, и Питер опустился на четвереньки, чтобы получше их разглядеть: одна из них пришла к финишу первой и теперь подзаряжалась. Питер был зачарован. Подпитавшись, черепашка покатилась по

ковру к двери. Питер протянул к ней руку, но та сделала крюк и кинулась наутек в распахнутую стеклянную дверь.

— Проклятье! — воскликнул Кэллахэн и погнался за ней.

— Да она прямо как живая! — в восторге закричал Питер, выбегая за Кэллахэном на террасу. — Вы заметили, как ловко она увернулась? А как она увидела мою руку, мистер Кэллахэн?

— Фотоэлектрические телеглаза... Они не живые, Питер, просто ведут себя, как живые... А, черт!

Черепашка уже пересекла лужайку и стояла на цементной площадке перед плавательным бассейном. Кэллахэн пустился бегом, но опоздал — черепашка, не колеблясь ни секунды, перевадила через край и с легким плеском исчезла в воде. Подбежав, они увидели, что она лежит недвижимо на голубом кафельном дне.

— Вот здорово! Она утопилась!

— Нет, просто устроила себе короткое замыкание... когда она высохнет, все будет в порядке.

— Вот здорово! А вы ее не вытащите? Можно, я выну ее, а, мистер Кэллахэн? — Питер уже стаскивал тенниску.

— Конечно, — ответил Кэллахэн; в этот миг в окне появилась Аманта.

— Ты пережег пробки! — крикнула она. — Моя пишущая машинка не работает!

— Ничего подобного, — сердито буркнул Кэллахэн и поспешил в дом. Входя, он слышал, как Питер нырнул в бассейн. Открыв дверцу электроцитка, он обнаружил, что одна из пробок, от задней секции, перегорела, — в комнате пахло горелым маслом. После недолгих поисков он нашел причину: в углу, за

коробками лежала черепашка и из нее валил дым. Кэллахэн, как это ни странно, почувствовал облегчение, увидев, что это не Тринадцатая. Видимо, она нашла два тонких гвоздя и засунула их под корпус розетки: ток высокого напряжения прошел через ее «руки»-захваты, и в графитогеле произошло короткое замыкание.

Он поднял ее с пола... но тут же выронил: черепашка была горячей. Ну, что ж, их осталось еще семь штук. Первые шесть экземпляров были пробными и уже давно пошли на слом. Всем последним моделям была «задана» реакция на малейшее ослабление тока в аккумуляторах, поэтому они сами искали розетку и подзаряжались. Кэллахэн решил, что лучше всего снабдить их маленькими аккумуляторами, чтобы им приходилось почаще заряжаться. Это было аналогично поискам пищи, и Кэллахэн надеялся, что такой порядок приведет к своего рода естественному отбору — не между отдельными черепашками, нет, а между энграммами в их «мозгу».

Энграммы возникали в результате устойчивых изменений, которые деятельность черепашек вызывала в «коре» их «мозга», и были своеобразной формой памяти. Черепашка, сталкиваясь с задачами, которые ставит перед ней окружающая среда (а задача, как утверждал Р. В. Джерард, говоря о мозге живого существа, стимулирует развитие мозга, поднимает его до того уровня, на котором он способен решить ее), неизбежно будет развиваться.

Мысли Кэллахэна были прерваны Питером. Мокрый с головы до ног, в одних трусах, он вошел в лабораторию и протянул Кэллахэну черепашку, такую же мокрую, как он сам.

— Думаете, она поправится, мистер Кэллахэн?

— Обязательно, Питер. Большое тебе спасибо. А сейчас беги домой и переоденься.

Он положил «утопленницу» на рабочий стол. Пришла Аманта — сказать, что снова появился ток. Кэллахэн решил взять на себя вину за перегоревшую пробку.

Через некоторое время после того, как Питер ушел домой, спасенная черепашка стала производить импульсивные движения — это высохали ее сервоцепи, — и Кэллахэн поставил ее на пол. Окончательно высохнув, она направилась в гостиную — Кэллахэн и Аманта за ней — и снова попыталась проникнуть в сад. Но на этот раз дверь была закрыта.

— Давай сделаем опыт, — предложил Кэллахэн и, подняв черепашку, поставил ее на стол. Она подкатила к краю и резко затормозила, уставившись телеглазами в пустоту.

— Видишь! Одного урока оказалось достаточно. Поразительно!

— Да это же Тринадцатая, — сказала Аманта. — Говорю тебе, Кэллахэн, она умница!

На этот раз Кэллахэн был склонен присоединиться к ее мнению.

— На какой час назначен симпозиум? — спросила Аманта.

— На семь, но сперва будет обед. Болтовня, верно, затянется до бесконечности, так что я переночую в гостинице. Вернусь завтра к ленчу... Не забудь отключить нижние розетки.

— Не забуду. А ты иди укладывайся, раз тебе еще искать номер. Отсюда четыре часа езды — надо выехать часа в два, не позже.

— Верно. Для демонстрации возьму с собой Тринадцатую.

— Смотри только, чтобы она там не напроказила.

У Кэллахэна был специальный чемодан для перевозки черепашек, достаточно просторный, чтобы они могли там двигаться, не начиная «беситься». Наступило время отъезда, но Тринадцатая словно сквозь землю провалилась.

— Может, она забралась за книги? — спросила Аманта после безрезультатных поисков.

— Там слишком мало места. Ужасно неприятно, но задерживаться дольше я не могу. Придется взять вместо нее Девятую. Вот проклятье! Хотел показать, как Тринадцатая останавливается на краю стола.

— Может, она рассказала Девятой и та тоже постережется?

— Чепуха, Аманта! Они не могут общаться.

— Ладно, буду глядеть в оба. Авось, Тринадцатая выдаст себя.

Кэллахэн кивнул и пошел искать Девятую. Исчезновение черепашки, и какой! — его звезды — было беспрецедентным. До сих пор еще никто из них не прятался.

Он подумал было, не выбралась ли Тринадцатая из дома, но двери и ставни были плотно закрыты. Странно!

Уже собравшись в путь, Кэллахэн сказал Аманте:

— На твоём месте я бы пораньше выключил рубильник. Пожалуй, прямо сразу — не то придется целый день не спускать с них глаз. Если ты отключишь линию сейчас, к четверем они уgomонятся, и ты хоть немного отдохнешь.

— Так я и сделаю, — сказала она, поцеловав его на прощание.

Кэллахэн пошел в гараж, чтобы вывести двухместную автомашину, которой они пользовались для дальних поездок. Но машина почему-то не заводилась. У него уже не было времени проверять аккумулятор и электропроводку, поэтому он решил взять джип. Через десять минут он совершенно забыл обо всем этом.

Симпозиум был в полном разгаре. Сообщение Кэллахэна об успехах, достигнутых им в экспериментах, было встречено с энтузиазмом... всеми, кроме Андервуда. Он каждую минуту прерывал Кэллахэна, задавая вопросы, и, судя по всему, просто не мог себе представить реагирующий на внешние раздражители, самоорганизующийся, так сказать, создающий самого себя мозг. Держался он так, словно Кэллахэн скрывал от присутствующих самую важную информацию. Наконец наступил кульминационный момент. Кэллахэн сделал знак служителю, и тот, внеся в комнату чемодан, осторожно опустил его на пол. Внутри чемодана слышалась какая-то возня.

Служителю было явно не по себе. Но, раз тут собрались ученые, можно было ожидать чего угодно. Кэллахэн поблагодарил его, вынул Девятую черепашку и поставил на стол.

— Вот, джентльмены, одна из них, — сказал он. — Это не самая развитая, но все же...

— Как это вышло, что вы не привезли самую лучшую? — прервал его Андервуд.

— Я хотел, но... э... не нашел ее.

— Не нашли?!

— Понимаете, она... она спряталась.

Андервуд фыркнул.

— А эта, разумеется, не сможет подкрепить ваши фантастические утверждения... Спряталась!

— Оставьте, Андервуд, — заметил кто-то из ученых. — Давайте посмотрим, что она умеет делать.

Он протянул руку. Девятая осмотрела ее своими телеглазами, затем, чуть отпрянув назад, стремительно покатила по столу, но, приблизившись к краю, резко затормозила.

— А, черт побери! — восхищенно воскликнул ученый. Кэллахэн не мог не разделить его восхищения... Неужто Аманта была права?

— Я полагаю, для всякого, кто знаком с фотоэлектрической «кошкой» доктора Монктона, играющей с фосфоресцирующей «мышью», нет ничего нового и удивительного в том, что мы сейчас видели, — заметил Андервуд.

— Да, но край стола не фосфоресцирует, — возразил ученый.

— В детстве, — с достоинством произнес Андервуд, — у меня была механическая игрушка, которая никогда не падала на пол. У нее были «усики» на дне, и, когда игрушка оказывалась на краю стола или стула, они опускались и она автоматически поворачивала обратно.

— Но у этой ведь нет «усиков», — сказал Кэллахэн. — Она научилась распознавать «образ» пустого пространства. Вот смотрите.

Он опустил Девятую на пол и попросил всех присутствующих встать в круг, так чтобы их ноги образовали сплошную стену и только в одном месте оставался узкий проход.

Обследовав телеглазами ограду из ног, Девятая, по-видимому, удостоверилась, что пробраться сквозь нее невозможно, но тут углядела проход и кинулась к нему. Однако, прежде чем выскочить, она сделала крюк в сторону и развязала шнурок на ботинке Андервуда, а затем бросилась наутек через проход. Ученые рассмеялись, и один из них сказал: — Смышсленная бестия. — Но Андервуд, видимо, не разделял его взгляда.

— Что она сделала? — заметил Андервуд, завязывая шнурок. — Зарегистрировала более светлый участок и двинулась в соответствующем направлении. Обыкновенный фототропизм.

Однако о шнурках он умолчал.

— Вы так полагаете? Ну что ж, попробуем еще что-нибудь, — проговорил Кэллахэн и нагнулся за черепашкой. Девятая медленно катилась вдоль плитуса, и Кэллахэн понял, что ее энергия на исходе и она ищет розетку. Он объяснил это всем присутствующим, и те стали внимательно за ней наблюдать. Вот она обнаружила розетку и попыталась вытащить вставленный в нее шнур, но вилка застряла. Дернув несколько раз и не добившись успеха, она покатила под стол, где лежал оброненный кем-то нож. Судя по всему, черепашка еще раньше его заприметила. Взяв нож, она тут же вернулась к розетке и, использовав его в качестве рычага, вытащила вилку. Затем спокойноенько подключилась сама. Даже на Андервуда это произвело впечатление. У самого же Кэллахэна возникло смутное беспокойство...

Он очень устал и, добравшись наконец до гостиницы, свалился как мертвый и проспал до полудня. Встав, он тут же позвонил домой — надо было предупредить

Аманту, что он запоздает, — но к телефону никто не подошел. Что за черт, куда это она запропастилась? Ведь он обещал вернуться к ленчу, она должна быть в это время дома.

Обратный путь он проделал на максимальной скорости и добрался до дому за три часа с небольшим. Оставив машину перед входом, он подошел к двери: заперто! Он крикнул, нажал кнопку звонка — никто не появился. Тут до него донесся еле слышный голос жены. Чтобы попасть в дом, Кэллахэну пришлось выдать стекло. Очутившись внутри, он явственно различил голос Аманты, доносящийся откуда-то из задних комнат. Он побежал по коридору к лаборатории, — голос шел оттуда, но был как-то странно приглушен. Тоже заперто! Кэллахэн рванул дверь и сломал замок. Входя, он споткнулся о кипу книг, лежавшую на полу. Теперь ее голос доносился откуда-то сверху.

- Выпусти меня отсюда, Кэллахэн.
- Ради бога, Аманта, где ты?
- На чердаке. Меня заперли.
- Но у нас нет никакого чердака.
- Так или иначе, а я на чердаке.

Его вдруг осенило: под крышей было пустое пространство, с вентиляционными башенками с двух сторон; попасть туда можно было через люк в потолке лаборатории, находившийся прямо над рабочим столом. Только тут он заметил, что на столе стояла упаковочная клеть, а на ней — стул. Дверца люка была на пружинной защелке, вот почему Аманта оказалась взаперти.

— Потерпи минутку! — крикнул он и влез на стол. Он уже поднял было ногу на стул, но тут увидел, что одна ножка висит в воздухе. Поставив стул как сле-

дует, он забрался на него и открыл люк. Аманта была вся в пыли и паутине. Глаза ее горели зловещим огнем.

— Ну, подожди! — воскликнула она. — Пусть только эта Тринадцатая попадется мне в руки! Я ей дам как следует! Колесика на колесике не оставлю!

— погоди, успокойся, Аманта, расскажи толком, что случилось. Что ты там делала наверху, ради всего святого?

— Меня заманили, вот что, — негодуяще ответила она. — По доброте сердечной я хотела помочь этой лживой механической твари, а она, оказывается, дурачила меня. Говорю тебе, Кэллахэн, она стала у них заводилой. Поверь моему слову.

— Послушай, расскажи по порядку. Ты выключила нижнюю линию, как мы договорились?

— Ну, по правде сказать, мне было не по душе это делать. Они так хорошо играли! Просто рука не поднималась отправлять их спать в такую рань.

— А ты вообще выключила линию питания?

— Дай мне отдышаться. Я кричала целую вечность, и хоть бы кто услышал. Верно, Брауны уехали куда-то. Так вот, линию-то я отключила, но они питаются тишком где-то в другом месте. Все началось, когда они нашли ножовку. Тринадцатая выпилила в полу дыру, и они целый день шлялись в подполье. — Аманта показала на отверстие с неровными краями, зиявшее возле двери. — Они сделали по дыре в каждой комнате, и двери им теперь не помеха. И научились взбираться наверх — подтягиваются, зацепившись за что-нибудь куском проволоки. Вот как я оказалась взаперти.

— погоди, ты же сказала, что тебя заманили?

— Да, заманили. Тринадцатая неведомо как забралась туда наверх и начала шнырять взад-вперед. Я захожу сюда посмотреть, в чем дело, — может, ей не выбраться самой, устраиваю все это сооружение и лезу туда, чтобы вызволить ее. А она пронесится мимо, прыгает на стул и — хлоп! — я заперта.

— Хорошо, что ты не смогла спуститься вслед за ней, — заметил Кэллахэн. — Одна ножка стула висела в воздухе, ты бы свалилась на пол. — Он ткнул пальцем в пол и тут только увидел на том самом месте, куда бы упала Аманта, доньшко от разбитой бутылки с неровными острыми краями.

— Ты говоришь, Тринадцатая прыгнула на стул?

Она кивнула, не отрывая глаз от разбитой бутылки.

— Каждая из них весит больше семи фунтов, и, если бы у стула была сдвинута ножка, когда Тринадцатая на него свалилась, она бы перевернула его. Он был сдвинут потом, специально.

Наступило молчание. Кэллахэн встряхнул головой — все это не укладывалось в сознании! Эксперимент удался даже слишком хорошо. Черепашки развивались с такой быстротой, что это сделало бы честь и человеку. Кэллахэн огляделся: ни одной из них не было видно.

— Куда они все подевались, черт побери? — поинтересовался он.

— Сидят в подполье и совещаются, что предпринять.

— Ты знаешь, Аманта...

— Ничего я не знаю. В голове у меня — полная пустота.

— ...вот откуда они берут энергию! Подключаются — кто их знает как — к бронированному электро-

кабелю, который проходит под полом, и теперь ничего с ними не сделаешь, разве что придется выключить главный рубильник.

— А как же со светом?

— Если я выключу ток сейчас, часа через два запас энергии у них иссякнет. А нам до вечера свет не нужен.

— Пойду съем яйцо и выпью виски, — сказала Аманта. — Я смертельно устала... А как они могли пронюхать о бронированном кабеле, Кэллахэн?

— Должно быть, посредством электромагнитной индукции...

Осмотревшись, он обнаружил, что исчезли многие вещи: плоскогубцы, кусачки, катушки с гибким проводом, а также ножовка и бурав. Раздался легкий шорох, и в отверстии показались телеглаза. Увидев Кэллахэна, черепашка отпрянула, и он услышал, как она шлепнулась на цементное основание подполья. Кэллахэн подошел к электрощиту и выключил главный рубильник. Аманта отправилась на кухню. Несколько минут спустя из сада донесся ее голос:

— Кэллахэн!

— Взгляни-ка, — проговорила она, когда Кэллахэн подошел к ней. Он увидел холмик свежевырытой земли, а рядом — уходящую вглубь узкую дыру, похожую на норку суслика. Однако раньше в их местах суслики не водились.

— Они научились рыть, — заметила Аманта. — Вот чертенята!

— Ты понимаешь, что это значит? Они доберутся до главного кабеля, который идет под мостовой. Линия сейчас уже не на столбах, все спущено под землю, и теперь выключай не выключай рубильник — один толк!

Для них сейчас время — это главное; если в течение двух часов они не доберутся до кабеля, запасы энергии у них истощатся. В противном случае... — он взглянул на часы. — Десять минут пятого. К семи мы будем знать, чем это кончится.

— Я думаю, тебе следовало бы спуститься в подполье и выяснить отношения, — посоветовала Аманта. — Туда можно попасть через дверцу в чулане... Да, кстати, почему ты взял вчера джип?

— Не работает аккумулятор... Хорошо, что ты напомнила, пойду проверю, в чем дело.

Он пошел в гараж, но проверить аккумулятор не смог, потому что его в машине не оказалось. Кэллахэн вернулся и рассказал об этом Аманте.

— Они утащили аккумулятор под дом, это ясно. Видимо, они нашли способ подключаться в обход своих трансформаторов и заряжаются прямо от аккумулятора... его напряжение как раз годится для них. Я их застукаю на месте!

Он взял электрический фонарик и пошел в чулан, где была дверь в подполье. Дверь не открывалась. Кэллахэн принес отвертку и снял дверь с петель — за ней была баррикада из деревянных брусков. В подполье Кэллахэн нашел автомобильный аккумулятор и кое-какие из пропавших инструментов, но самих черепашек и след простыл. В одном месте из фундамента они вынули шлакоблок, выскребли известку, которая его скрепляла, и возле образовавшейся дыры тоже лежала кучка земли. В то время как Кэллахэн осматривал все это, из дыры вылетело еще несколько комьев земли, чуть не угодив ему в лицо. Показались телеглаза... но черепашка тут же повернула обратно и скрылась в туннеле.

— Они там выкопали недурной туннельчик, — сказал Кэллахэн, выбираясь из чулана. В руках у него были аккумулятор и ножовка. — Я думаю, без этих предметов они хотя бы на сегодняшнюю ночь оставят нас в покое. Вряд ли они уже успели нащупать главный кабель — им хватало аккумулятора. Я сейчас их там закупорю.

Он пошел в гараж, принес тринадцатикилограммовую известковую плиту, предназначавшуюся для дорожки, и положил ее на дыру, сделанную черепашками в полу гостиной. Затем таким же способом закрыл все остальные дыры. Поднять тринадцать килограммов крошечным роботам будет не под силу.

На следующий день было жарко и облачно. Когда Аманта пошла на кухню готовить завтрак, она обнаружила, что выключен холодильник и не действует прибор для поджаривания гренков.

— У нас не горит свет, — объявила она Кэллахэну, когда он вышел на кухню.

— Все ясно, — ответил Кэллахэн. — Они перерезали наш основной кабель. Теперь энергии у них хоть отбавляй. Придется позвонить в управление компании... — Он пошел к телефону. Ему обещали срочно выслать монтера. Кэллахэн спустился в подполье, но не увидел там ни одной черепашки. «Должно быть, они все еще в туннеле, — подумал он. — Интересно, быстро они роют?»

После завтрака пришел Питер.

— Хелло! — весело сказал он. — А у нас не горит свет! Я проверил пробки, там все в порядке.

— У вас тоже?

— Да. Мама звонила в управление, но пока еще никто не приехал. А знаете, мистер Кэллахэн, я видел одну из ваших машинок возле дороги! Когда она заметила меня, то спряталась... в норке суслика. Совсем свежая нора — рядом кучка сырой земли. А еще одна у нас на лужайке. Я и не знал, мистер Кэллахэн, что здесь водятся суслики.

— Я тоже.

Кэллахэн услышал в холле шаги Аманты. Бормоча под нос проклятия, она щелкала подряд одним выключателем за другим, но свет не загорался.

— Когда, они сказали, придет монтер? — сердито спросила Аманта, появляясь в дверях. — О! — она увидела Питера. — Сэришан *, Питер, мири пэл! ** Йо тэсало *** к своей ди **** как хороший чэввик *****.

Когда Аманта была в расстроенных чувствах, она переходила на цыганский язык. Питеру это очень нравилось, хотя он не улавливал ничего, кроме отдельных звуков.

— Верно, черепашки все еще сидят в своем туннеле и рэкерят ***** , как...

— Я тебе уже тысячу раз повторял — разговаривать они не могут.

— Туннель? — Глаза Питера зажглись любопытством.

— Тебе в него не пролезть. Его сделали эти малыши на колесах. Ну, теперь беги домой.

* Сэришан (искаж. цыг.) — скорей.

** Мири пэл (искаж. цыг.) — дружочек.

*** Йо тэсало (искаж. цыг.) — иди.

**** Ди (искаж. цыг.) — матери.

***** Чэввик (искаж. цыг.) — мальчик.

***** Рэкерят (искаж. цыг.) — говорят, совещаются.

— А вот и монтер, — объявил Кэллахэн. — Беги, беги, Питер.

Питер неохотно вышел из холла. Они видели, как он пересек лужайку и остановился поболтать с монтером, приехавшим на грузовике.

Некоторое время спустя, после безуспешных попыток найти повреждение, монтер объявил Кэллахэну:

— Придется прислать сюда бригаду и разрыть мостовую. У ваших соседей такая же неприятность. Дело не в главном кабеле, иначе весь этот сектор вышел бы из строя. Не могу понять, что случилось. Послушайте, — он посмотрел на Кэллахэна, словно раздумывая, стоит ли продолжать, — парнишка говорит, у вас есть какая-то машина, которая прокапывает ходы... может, она все это и натворила? — У него был сердитый вид; еще бы, компании нанесли урон. — Мне надо ехать. Вы там поосторожнее с этой вашей машинкой. Бригада будет попозже. Придется копать — до ближайшего люка шестьдесят метров.

Неодобрительно покачав головой, он пошел к грузовику. Через секунду мотор зафыркал и грузовик помчался по дороге.

Кэллахэн вернулся в лабораторию. Работа не клеилась. Черепашки так и не появились; затишье казалось куда более зловещим, чем их прежняя бурная деятельность. Где-то вдалеке гремел гром, но гроза не начиналась. После ленча подъехал грузовик, и бригада стала раскапывать мостовую. Когда Кэллахэн вышел посмотреть, как у них идут дела, они уже выкопали длинную траншею вдоль главного кабеля напротив их дома и дома Браунов.

— Попробуйте зажечь свет, мистер, — предложил старший из монтеров. — Мы нашли повреждение.

Неподалеку от главного кабеля было короткое замыкание... кажется, будто там поработали крысы. — Он осуждающе посмотрел на Кэллахэна. — Джоунс говорит, у вас есть какая-то машина, которая копает землю... это что — машина для очистки канализационных труб? Где это видано — копать под тротуаром!

— Да нет, он не понял. Соседский мальчишка сказал ему...

— Эй, Уиллис! — один из рабочих задумчиво смотрел на портативный вольтметр. — Напряжение все еще слишком низкое. Видно, где-то тут еще одно замыкание. Только не то, что было в соседнем доме, там уже все в порядке.

— Тут кругом крысиные норы, — вставил второй рабочий.

— Это не крысы, — возразил первый, — крысиные были бы меньше.

Кэллахэн предоставил им обсуждать эту проблему, а сам пошел в дом и включил свет. Лампочки горели тусклым красноватым светом, — видимо, где-то поблизости происходила сильная утечка тока.

— Этого напряжения хватит для холодильника? — спросила Аманта.

— Сомневаюсь!

— Послушай, давай захватим кое-что из вещей и проведем недельку в Нью-Йорке. Это будет отдых и для нас и для черепашек. Может, они немного обрадуются...

— Я не могу уехать и оставить их на свободе, Аманта. Чтобы они воровали энергию, сколько влезет, черт их побери?!

После обеда, во время которого обсуждался этот вопрос, Кэллахэн включил транзисторный приемник—

для телевизора напряжение было слишком низким. Известия то и дело прерывались треском — где-то вдали шла гроза. Когда стали передавать местные новости, выяснилось, что в поселке произошла мелкая, но совершенно необъяснимая кража.

Во время перерыва кто-то забрался в большой магазин скобяных товаров на Мейн-стрит и унес оттуда кое-какие изделия. Однако хозяин магазина утверждает, что взлома не было и замок не тронут. А единственный ключ был у него в кармане. Местная полиция не знает, что и думать... История эта была изображена диктором в забавном свете. Кэллахэн взглянул на Аманту... она, по-видимому, тоже считала это забавным.

— Ты должен признать, что они зря времени не теряют, — заметила она.

— Но черепашки тут совершенно ни при чем. Это невозможно. Мейн-стрит в четырех кварталах отсюда.

Лампа — они оставили одну лампу гореть, чтобы знать, как идут дела, — мигнула и загорелась ярким светом.

— Слава богу, исправили наконец, — обрадовалась Аманта. — Пойду включу холодильник.

Она встала и пошла к двери. — Тринадцатая! — вдруг закричала она. — Ой, удрала! В лабораторию...

Кэллахэн бросился в погоню, удивляясь, каким образом Тринадцатой удалось сдвинуть тяжелую плиту, но было уже поздно. Черепашка как сквозь землю провалилась. А попала она в дом очень просто — проделала в полу комнаты новую дыру. Они достали себе другую ножовку.

Кэллахэн вернулся в гостиную. Единственное, что им оставалось, — это смотреть телевизор.

Несколько дней Кэллахэн не видел крохотных роботов. От мысли накрыть их, раскопав ходы, он отказался: события, вернее черепашки, зашли уже слишком далеко. Он устроил для них в подвале ловушку — вмонтировал возле входа в туннель розетку, до которой им было рукой подать, и провел от нее в спальню сигнальный звонок. Перед самым входом он приладил дверцу — нечто вроде спускной решетки в крепостных воротах, — которая должна была отрезать черепашкам путь к отступлению. В первую ночь звонок молчал, и наутро Кэллахэн спустился в подполье, чтобы проверить капкан. Под решетку была подставлена подпорка, а сигнальный шнур отъединен от розетки.

— Я начинаю волноваться, — признался он Аманте. — Уж больно они стали смышлены. Если полиция докопается до этого дела, меня еще притянут за порчу кабеля и кражу в скобяном магазине.

— А ты не можешь от них отречься? Они ведь тебе не деги. Дай объявление в газетах: черепашки-де покинули мой кров.

— Это не поможет. Бросить их так — все равно что бросить свою машину на верху холма: тормоза отказывают, машина катится вниз и кого-нибудь убивает.

— Право же, они слишком слабы, чтобы причинить людям вред.

— Да, порознь, но если начнут действовать скопом!.. А вдруг им взбредет в голову прикончить нас?

В тот самый день по радио сообщили о втором налете: грабители унесли инструменты для работы по металлу, но, к великому удивлению полиции, не притронулись к кассе. А под полом выставочного зала нашли туннель, правда такой узкий, что никакой чело-

век не смог бы в него пролезть. Все были в полном недоумении.

— И зачем только я сделал эти проклятые штуковины! — сказал Кэллахэн Аманте.

— Наверно, то же говорил Франкенштейн *, — отозвалась она.

Всю ночь Кэллахэна мучили кошмары. Незадолго до рассвета он проснулся весь в поту и обнаружил, что не в состоянии пошевелиться. Что ему мешает, он не видел, так как не мог зажечь свет. Он позвал Аманту.

— Меня спеленали, как мумию, размотай меня, — тут же откликнулась она.

Уже давно наступил рассвет, а Кэллахэн все еще не мог освободиться. Его можно было сравнить с Гулливером в плену у лилипутов: кровать и он вместе с ней были туго обмотаны десятками метров веревки. Наконец, тяжело дыша, он выбрался на волю и освободил Аманту. Его мозг сверлило какое-то туманное воспоминание, какой-то шум, который он слышал сквозь сон. Он направился напрямик в лабораторию. Там царил полный разгром: все имеющее отношение к производству черепашек исчезло, в том числе весь запас графитогеля.

Днем местная радиостанция сообщила, что на пустыре был замечен «механический предмет», который тащил гаечный ключ, и какой-то быстроногий мальчишка успел его схватить. Что это такое, никто не знал. Вскоре после того, как его поймали, «предмет» перестал двигаться и был отдан механику из гаража,

* Герой одноименного романа Мэри Шелли, создавший искусственного человека — чудовище, которое мстит ему за свое одиночество и уродство и убивает его. — *Прим. ред.*

чтобы тот его развинтил и посмотрел, как он сделан. Механик в нем ничего не понял. Ему были знакомы только сервомоторы и фотоэлектрическое сканирующее устройство. «Механизм» отдали в отдел находок.

Кэллахэн взвесил в уме все «за» и «против» и решил, что заявлять свои права, пожалуй, не стоит. Если он будет держать язык за зубами, никто не догадается, что «механизм» имеет к нему какое-нибудь отношение. Но Кэллахэн упустил из виду Питера. Сразу же после передачи Питер влетел к ним.

— Ой, мистер Кэллахэн, — закричал он, — по радио говорят, что в поселке нашли вашу машинку! Она в полиции... вы разве не идете за ней?

— Ясно, иду, — буркнул Кэллахэн.

В отделении его уже ждали. Джоунс, монтер, сопоставив факты, заявился в полицию и выложил чуть видоизмененную версию того, что рассказал ему Питер. К великому облегчению Кэллахэна, в полиции никак не связали этого с происшедшими в поселке кражами. Джоунс заговорил было о замыканиях на линии, но этим никто не заинтересовался. По-видимому, черепашки научились незаметно воровать энергию. И тут вдруг Кэллахэн увидел, что у черепашки, безжизненно лежавшей на столе сержанта, нет пластинки с номером. Он наклонился, чтобы рассмотреть ее лучше, и волосы у него стали дыбом: у робота не было отверстий для винтиков, крепящих пластинку!

Этот робот вышел не из его рук...

Пробормотав «спасибо», Кэллахэн оставил пятидолларовую бумажку для юного героя и поехал домой. Мысли его были в полном смятении.

Аманта встретила его в холле.

— Тринадцатая, да? — поинтересовалась она.

Он покачал головой и рассказал ей, как обстоит дело. Затем они пошли в лабораторию, и Кэллахэн разобрал механизм. Он почти ничем не отличался от тех, которые были сделаны его руками. Аманта глядела на него, широко раскрыв глаза.

— Ты считаешь, они сами сделали это, Кэллахэн? — спросила она.

— Не знаю, что и думать...

— Вот теперь самое время убраться в Нью-Йорк.

— Мы не имеем права. Это слишком серьезно. Я должен сообщить... я должен предупредить людей. Один бог знает, что нас ждет!

Он протянул руку, чтобы зажечь верхний свет и лучше рассмотреть черепашку... и упал замертво.

Когда он пришел в себя, над ним, склонившись, стояла Аманта. Лицо ее было белым как мел. По правой руке у него бегали мурашки, пальцы были сильно обожжены.

— Что это, Кэллахэн, милый?

— Что? Шестьсот вольт, судя по всему. — Взглянув вверх, он увидел, что по потолку идет провод, подсоединенный к выключателю от верхнего света.

— Похоже на открытое объявление войны, — произнес Кэллахэн.

Раздались шаги, и в дверях показался Питер.

— Что случилось, мистер Кэллахэн?

— Ничего, споткнулся и упал, вот и все, — проговорил Кэллахэн, поднимаясь с пола.

— А-а... Я хотел вам сказать: я видел еще две свежие норы. Одна на выгоне позади дома, а другая в лесу. Вы ходили за своей машинкой, мистер Кэллахэн?

— Да, — сказал Кэллахэн. Все это было очень интересно. — Спасибо, Питер. А теперь беги, ладно? Мне нужно поработать.

Нужно-то ему было совсем другое, и он вовсе не хотел, чтобы Питер увязался следом за ним: мало того, что он будет мешать, мальчику может грозить опасность. А ему еще надо убедить Аманту остаться, это тоже будет нелегко.

— Ладно, просто я подумал, пойду расскажу вам, — ответил Питер и медленно вышел из комнаты.

Кэллахэн посмотрел, как он пересекает лужайку, затем повернулся к Аманте и произнес, словно между прочим:

— Пожалуй, пойду прогуляюсь да заодно взгляну на эти новые ходы.

Но Аманту не так легко было обмануть.

— Пошли, — сказала она.

Кэллахэн принялся было возражать, но увидел, что это бесполезно.

— Ладно, только не отходи от меня ни на шаг.

— Ни на полшага — мы поедем на джипе.

— Зачем, ради всего святого?

— Позади дома Джессики Браун есть заброшенная дорога в лес, там вполне можно проехать. К тому же в лесу сплошные заросли ежевики, я погублю чулки.

Кэллахэн взглянул на часы.

— Уже темнеет, — заметил он, — и вот-вот начнется гроза. Пойду завтра... да и тебе, пожалуй, пора братья за обед.

— Обед готов, стоит на небольшом огне в духовке, — ответила она. — Пошли, пошли, мне самой любопытно, нет ли еще туннелей. Бьюсь об заклад, их фабрика в лесу.

Кэллахэн пожал плечами. Все это походило на сказку о Белоснежке и семерых электронных гномиках... только их теперь было, верно, не семь, а куда больше.

Они покатали по проселочной дороге и свернули в лес по ухабистой, но вполне проходимой для джипа широкой тропе, извивавшейся между деревьями. Проехав немного, Кэллахэн остановил машину: он прикинул в уме, что сейчас они на одной линии со своим домом. Выйдя из машины, они действительно почти сразу увидели холмик свежей земли и рядом ход шириной в четверть метра, а чуть подальше в лес — еще один.

— А это что такое? — вдруг спросила Аманта.

Она указала на что-то темное впереди, и Кэллахэн увидел еще одну кучку земли, вернее, не кучку, а целую кучу, которая вполне могла бы заполнить кузов небольшого грузовика.

Приблизившись, они обнаружили идущий вглубь туннель с неровными краями, метров двух в поперечнике. Кэллахэн заглянул внутрь; ход шел вниз под небольшим углом — он был выкопан на склоне холма — и терялся в темноте. Вокруг в беспорядке лежало около десятка черепашек — некоторые без номеров. Все они были расплющены в лепешку.

— Вот так так! — воскликнул Кэллахэн. — Кто-то нас опередил! Кто, черт по...

— Бедные маленькие лепешечки! — проговорила Аманта.

Кэллахэн огляделся. По лесу шел широкий след — молодая поросль была примята к земле, ветки на деревьях по обеим сторонам сломаны.

— Кто-то проехал здесь на тракторе и разрыл их убежище, — произнес Кэллахэн. — Кто бы это мог быть, черт побери?

— Почему ты думаешь, Кэллахэн, что рыли сверху? А мне кажется, что рыли изнутри.

Кэллахэн всмотрелся. Похоже, что Аманта права, землю явно выбрасывали изнутри наружу...

Аманта толкнула его локтем.

— Что бы это ни было, вылезло оно совсем недавно, — сказала она. — Я видела, как распрямилась ветка. Смотри, смотри! — и она указала на таинственный след.

Они подошли ближе. Кэллахэн заметил червяка, который спешил спрятаться в свежевскопанной земле. Ему снова вспомнились слова Аманты о Франкенштейне. Убив своего создателя, чудовище создало другое чудовище, убившее его самого. А что если?..

— Ой, не нравится мне это! — проговорила Аманта.

— А мне, думаешь, нравится?

— Да нет, я не о том. Не нравится мне, куда оно пошло. Этот путь ведет к нашему дому. — Она снова протянула руку. — Как ты думаешь, Кэллахэн, если бы все они сцепились в клубок, они оставили бы такой след?

— Вряд ли. И, уж во всяком случае, они вылезали бы из своей норы поодиночке и не стали бы прорывать такой огромный ход. Поезжай домой одна, Аманта. Я пойду по следу, посмотрю, куда он приведет.

— Я с тобой, — заявила Аманта. — Плевать на чулки!

Когда они дошли до выгона между лесом и домом, след пропал, — на вытоптанной земле ничего не было видно. Уже почти стемнело, и заходящее солнце было

скрыто тяжелыми грозowymi тучами. Вдруг вдали, возле самого их дома, что-то мелькнуло и юркнуло за угол.

— Ты видел? — воскликнула Аманта. — Значит, они не все убиты.

— Я знаю. Только у двух из уби... из раздавленных черепашек были номера... Но куда делось оно?

— Ой, мое жаркое! Мне надо было подлить в соус вина.

— Теперь это неважно. Куда оно скрылось?

— Спряталось за гараж... сразу же, как заметило нас.

— Я говорю о... об этой штуке, которая раздавила черепашек.

— Может, она сделала это нечаянно?

— Хорошо, если так!

— Ты оставил джип в лесу, а с минуты на минуту начнется гроза.

— К черту джип! Пойдем.

Они пересекли поле и подошли к дому со стороны кухни. Когда они вошли, внутри все было спокойно. Аманта вынула жаркое из духовки и влила в него стакан бургундского.

— Не думаю, чтобы эта машина заходила сюда, — заметила она, ставя жаркое обратно. — Что ей здесь делать? Это не ее дом.

Кэллахэн глядел в открытую дверь.

— Аманта! Иди скорее... ты была права, они на самом деле общаются.

Она подошла к нему и увидела, как четыре черепашки, катившиеся гуськом, вдруг остановились, когда к ним подъехала пятая. Через несколько секунд

четыре черепашки двинулись дальше, а пятая исчезла в норе.

— Я не видела, чтобы она делала какие-нибудь знаки — махала или еще что-нибудь, — сказала Аманта.

— Индукция, — пояснил Кэллахэн.

Раздался удар грома.

— Пойди закрой окна, ладно? — попросила Аманта. — А мне надо забрать записную книжку, я оставила ее на крыльце.

— Лучше бы ты не... — начал Кэллахэн, но она уже вышла. Он направился по коридору к гостиной и готов был шагнуть внутрь, но остановился, увидев, что жалюзи спущены, а телевизор включен — комната озарена тусклым голубоватым светом. Он подумал, что к ним, возможно, зашел Питер, чтобы посмотреть передачу, и окликнул его, но никто не отозвался. Стоя на пороге, он обвел комнату глазами — казалось, все в порядке, однако чувство предосторожности подсказывало ему, что надо зажечь свет. Он протянул было руку, но тут заметил в полутьме возле выключателя какой-то предмет и стал внимательно вглядываться, не дотрагиваясь до него.

Прикрепленный к стене куском изоляционной ленты, чернел конец электрического провода, тянувшегося по полу от телевизора. Два оголенных конца провода торчали прямо перед выключателем. Кэллахэн вспомнил, что трансформатор телевизора дает на выходе ток в пятнадцать тысяч вольт, и отпрянул назад. Номер с выключателем был повторен в усовершенствованном варианте.

В холле зазвонил телефон. Он взял трубку. Это была Джессика Браун.

— Вы не видели Питера? — спросила она.

— Нет.

— Если увидите, скажите ему, пожалуйста, чтобы немедленно шел домой. Вот-вот начнется гроза.

Он повесил трубку. Что это Аманта так задержалась — сколько нужно времени, чтобы принести блокнот? Он выглянул в парадную дверь — Аманта шла к дому по лужайке, держа в руках несколько писем. Он вспомнил, что утром они забыли вынуть почту. Увидев его в дверях, Аманта радостно улыбнулась и замахала письмом.

— Знаешь, — крикнула она, — мою книгу взяли в... — И вдруг она исчезла, провалилась под землю. На том месте, где она только что стояла, осталась зияющая дыра. Кэллахэн кинулся вперед, но тут что-то тонкое и холодное зацепило его за шею и потащило обратно в дом. На голову его обрушился удар, и он потерял сознание.

Первое чувство, охватившее Кэллахэна, когда он очнулся, была злость, злость на самого себя. Он лежал в маленькой комнатке перед чуланом, из которого шел ход в подполье. Дверь в чулан была открыта, так же как и обе другие двери; одна из них вела в холл, другая — в лабораторию: он видел угол рабочего стола и электроцит над ним. Гром гремел не переставая, в воздухе носился запах подгоревшего жаркого.

Кэллахэн поднялся на ноги и с удивлением обнаружил, что голова у него не болит; восстановив в памяти все, что произошло, он решил, что, видимо, сам ударился головой о косяк входной двери. Штука, которая втащила его в дом, не хотела его ударить. Если он не ошибался в своих предположениях, она бросила

его здесь, приняв за мертвого или решив, что у него кончилась энергия в аккумуляторе.

Окончательно придя в себя, он вспомнил об Аманте и кинулся в холл, но, еще не успев добежать до двери, услышал, как она зовет его: — Кэллахэн, Кэллахэн! — В голосе ее звучало страдание.

Он выглянул в дверь, и кровь застыла у него в жилах. Аманта лежала в дальнем конце холла, на полу, лицом вниз, ноги и руки, вывернутые за спину, были закручены куском электрического провода. А между ним и Амантой стояло оно, сделанное черепашками по собственному образу и подобию, но с некоторыми усовершенствованиями.

У него были не две, а четыре «руки», и ему не грозила голодная смерть: от розетки в стене к нему тянулся провод, намотанный на катушку, прикрепленную к боковой пластине. Катушка не давала проводу запутаться. Но главное, что поразило Кэллахэна, когда он увидел его воочию, — это размер чудовища: оно было не меньше двух метров в длину. Ему сделали еще один телеглаз, направленный назад, и этот телеглаз засек Кэллахэна, как только он появился на пороге. Робот-гигант тут же повернулся и двинулся к нему. Кэллахэн увидел, что он держит перед собой голый конец толстого изолированного кабеля, тянувшегося по всему полу до двери в гостиную, и — в этом не было никакого сомнения — к телевизору с его пятнадцатью тысячами вольт. Одно прикосновение к этому кабелю означало смерть.

Он кинулся обратно в комнату; оттуда была дверь в лабораторию, а из лаборатории — в холл, к Аманте, но, подбежав к лаборатории, он увидел, что чудовище опередило его. Предстояла нелегкая борьба. Возможно,

оно обладало не меньшим разумом, чем сам Кэллахэн. Оно снова стало приближаться, но, когда Кэллахэн отпрынул в сторону, чтобы не быть убитым током, оно повернуло обратно, словно знало — и оно действительно знало это, решил Кэллахэн, — что, если Кэллахэн первым доберется до Аманты и освободит ее, оба они убегут через парадную дверь. Выглянув в холл, Кэллахэн увидел, что чудовище снова стоит между ним и Амантой. Вот если бы ему успеть добраться до электрического щитка, он бы выключил рубильник и подача тока прекратилась бы. Он осторожно попятился обратно и побежал в лабораторию, но опоздал. Чудовище было уже там. Это смахивало на шахматный пат: если он кинется на выручку к Аманте, он будет убит, она тоже; взять чудовище измором он не мог, у того был неистощимый запас энергии, а Кэллахэн в конце концов выдохнется; если он убежит, оставив Аманту, она наверняка будет убита.

Он подумал о телефоне, но телефон был позади робота-гиганта и его смертоносного оружия. Кричать тоже не имело смысла: гром гремел не переставая, и крик Кэллахэна не услышали бы, даже если кто-нибудь и проходил бы мимо.

Но почему чудовище до сих пор не умертвило Аманту? Неужели оно понимало, что, если Аманта умрет, ничто не удержит Кэллахэна от попытки к бегству, что его только и останавливает угроза ее смерти?! Это казалось невероятным, но иначе нельзя было объяснить его поведение. Эта штука мыслила так же логично, как он сам.

Аманта ухитрилась перевернуться на спину и сейчас полусидела, следя за каждым движением гиганта. Она была бледна как смерть.

— Выбирайся через черный ход, Кэллахэн! — крикнула она. — Поскорей, не то он тебя прикончит.

Неподалеку в землю ударила молния, и шум дождя усилился. Голубоватый свет, лившийся от телевизора, на мгновение померк, и Кэллахэн взмолился в душе, чтобы прекратилась подача тока. Но надежда его тут же погасла: он вспомнил, что теперь все провода идут под землей.

— Лежи спокойно, Аманта, — крикнул он, — я что-нибудь придумаю!

— Думай быстрее, мири ром! Я упала в пещеру, и малыши связали меня, прежде чем я успела сообразить, что к чему. Потом этот тип перенес меня сюда через подполье. Что он такое держит?

— Это... — начал было Кэллахэн, но тут же спохватился. Зачем пугать ее еще больше?

Робот снова медленно покотился к нему. Кэллахэн вбежал в комнату и тут же выскочил снова. Однако это не обмануло робота — он продолжал приближаться. Кэллахэн опять повернул назад, но на этот раз кинулся в другую дверь... и увидел, что робот поджидает его у электроцита. Двойной ложный ход! Слишком элементарно! На эту удочку его нельзя было поймать. Кэллахэн подумал, что тут могла бы помочь теория игр, но что именно, какой ее раздел? Возможно, чудовище знало ее или разработало бы тут же без малейшего колебания. Интересно, существует такая вещь, как тройной ложный ход?

Он повернул и побежал к двери в холл, но тут же вернулся обратно: робот не сдвинулся с места. Кэллахэн был в отчаянии: это чудовище разгадывало все его хитрости. Да и что такое, в конце концов, тройной ложный ход, как не три одинарных хода? Все это на-

поминало игру в чет-нечет с суперрациональным существом.

Он уже немного устал и лишь мельком подумал: куда это попрятались черепашки? Теперь они казались такими безобидными... однако они-то и соорудили это чудовище рационального мышления.

Если бы удалось создать между собой и им хотя бы временную преграду, он бы добрался до Аманты или до рубильника — и то и другое одинаково подошло бы. Но единственная дверь с замком вела в спальню, а как закрыть другие двери? В той комнате, где он находился, вся мебель состояла из одного стула на тонких ножках. А если Кэллахэн попробует добраться до каких-нибудь тяжелых предметов в холле, чудовище опередит его, мало того, разгадает его маневр.

Может быть, он найдет что-нибудь в кухне... но к чему? Чудовище просто вернется и будет сторожить рубильник и Аманту. А если попробовать пробраться в гостиную... не для того, чтобы спрятаться, конечно, — там он еще скорее попадет в ловушку и робот убьет его, прежде чем он успеет выскочить в окно, — нет, просто вбежать на минутку и выдернуть кабель из телевизора. Стоит попробовать. Тут он сообразил, что все его рассуждения о ловушке — совершенная чушь, ему вовсе не надо выскакивать в окно, достаточно выключить телевизор, и робот уже не сможет его убить. Но кто знает, в порядке ли у телевизора выключатель.

Предприятие было слишком рискованным... пожалуй, все же лучше попробовать вытащить кабель, а если из этого ничего не выйдет, он по крайней мере не окажется в ловушке — они просто вернутся в исходное положение.

Пока он раздумывал, чудовище скрылось из виду — оно было на полпути между Амантой и электрощитком, — и Кэллахэн на цыпочках вышел в холл. Слышать его робот не мог, но, вероятно, ощущал вибрацию пола. Кэллахэн подождал, и через секунду из дальней двери в холл показался телеглаз. Ясное дело, чудовище должно было ходить дозором, чтобы прервать подступы к обоим охраняемым объектам.

Кэллахэн был ближе к двери в гостиную, чем робот, но достаточно ли велика эта разница? Что ж, все-таки он рискнет.

Кэллахэн решил, что один ложный ход — это как раз то, что ему нужно для начала, и, спрятавшись на минуту за дверь, тут же выскочил в холл. Телеглаз исчез, и Кэллахэн помчался к кабелю. В ту секунду, как он к нему подбежал, из-за угла показался робот. Кэллахэн схватил кабель и потянул, пятясь назад. Но кабель не поддавался: чудовище приняло соответствующие меры. Кэллахэн бросил кабель — они снова стояли на той же мертвой точке.

Дождь лил как из ведра, то и дело раздавались оглушительные раскаты грома, молния слепила глаза. Аманта сидела, глядя в пространство. Кэллахэн подумал, что первый раз в жизни она действительно испугалась. Должно быть, глядя на его маневры, она догадалась, что кабель как раз и не дает Кэллахэну подойти к ней. Как найти выход из этой жуткой шахматной партии? У него в уме стал понемногу вырисовываться план, но где взять время, чтобы привести его в исполнение, когда тебе противостоят безупречная логика и рациональный ум?!

Рациональный? Может, здесь-то и была ахиллесова пята чудовища? Что-нибудь абсолютно иррациональное как раз и поставит его в тупик!

Кэллахэн мысленно проверил свой план: может, что и выйдет, если хоть немного повезет, надо только придумать, как направить чудовище на ложный след. Если сделать что-нибудь слишком уж иррациональное, оно просто сочтет это дурацкой выходкой и не обратит на нее внимания. Из кухни донесся едкий чад сгоревшего жаркого. Что бы такое там сотворить — нелепое, но не слишком, а то он не добьется нужного эффекта. Все равно надо будет потом пройти через кухню, иначе ему не осуществить свою конечную цель. Но что, что? Взгляд Кэллахэна остановился на двери в чулан. Сквозь нее виднелась дверца в подполье. И вдруг его осенило. Да, это именно то, что нужно!

Выглянув из комнаты, он скрылся с глаз робота и, тут же юркнув обратно, бесшумно закрыл дверцу в чулан, затем снова выбежал в холл, с силой захлопнув за собой дверь, чтобы вибрация наверняка донеслась до робота. Промчавшись через холл, он влетел на кухню, схватил на бегу тяжелый секач и выскочил в сад.

Он отчаянно рисковал; убедиться в успехе он не мог — медлить нельзя было ни секунды. Весь расчет был построен на том, что робот будет озадачен, увидев закрытую дверцу чулана. Он рассудит, что Кэллахэн форменный идиот, раз спрятался в таком месте, где поймать его проще простого, но ему все же придется выяснять, в чем дело, а на это уйдет время.

Снаружи, возле кухонной двери, проходил провод заземления, спускавшийся по стене от громоотвода, установленного на телевизионной антенне. Одним уда-

ром секача Кэллахэн перерубил его и в ту же секунду вернулся в дом. Он обнаружил, что чудовище даже не потрудились открыть дверь в чулан... и все же, по-видимому, задержалось перед ней, чтобы установить значение этого нелепого явления, и теперь партия была снова в той же ничейной позиции.

Нет, не в той же. У Кэллахэна появилась надежда, пусть слабая: а вдруг молния ударит в антенну. Она уже ударяла и раньше, но не причиняла вреда благодаря заземлению. Так как антенна была высокая, возможно, это повторится. Он не припомнит такой грозы, — а вдруг случится то, чего он ждет... а вдруг! В конце концов, во время каждой грозы в Нью-Йорке молния попадает в Эмпайр-Стейт-Билдинг, и не один, а много раз. Вовсе не обязательно, чтобы это было видно невооруженным глазом: это просто может быть огромная волна напряжения, от которой подскакивает стрелка на шкале соответствующих приборов.

— Нет, — думал Кэллахэн, — я осел... игра не стояла свеч. Я буду все ждать и ждать, гроза утихнет, я постепенно выбьюсь из сил... и тут наступит конец.

С дальнего конца холла донеслись странные заунывные звуки. Кэллахэн узнал голос жены. Он подошел к двери. Аманта сидела, подняв лицо и закрыв глаза, — казалось, она совершенно ушла в себя и все, что вокруг, для нее больше не существует. Она нараспев бормотала что-то. Кэллахэн узнал цыганский джибэ и подумал, уж не молится ли она... но ведь у цыган, кажется, нет молитв.

Темнело, ноги у него подкашивались от усталости и напряжения, и вот тут оно и случилось.

Раздалось шипение, послышалось громкое «щелк», и весь дом в блеске и грохоте заходил ходуном —

видимо, молния попала прямо в антенну. В гостиной погас голубоватый свет — перегорел телевизор, часть электророзряда пробила изоляцию кабеля, и от робота-гиганта посыпались искры. Он застыл на месте и выронил кабель. Из него повалил дым.

В гостиной разгоралось красное марево — удар молнии вызвал пожар, но Кэллахэн прежде всего кинулся к Аманте и размотал шнур, стягивавший ее. Робот не двигался с места, и, оставив Аманту растирать затекшие ноги и руки, Кэллахэн побежал на кухню, набрал ведро воды и поспешил в гостиную.

Пока горел лишь один корпус телевизора, Кэллахэн выдернул штепсель и загасил пламя.

Некоторое время спустя они с Амантой сидели в кухне и пили виски с содовой. Сгоревшее жаркое было выброшено в мусоропровод, окна открыты, чтобы выветрился чад. У них немного кружилась голова.

— У меня оставалась лишь крошечная надежда, — говорил он, — но ведь молния может иметь разную силу, иногда это настолько незначительный электрический разряд, что большинство людей просто его не замечают... Во время грозы молнии ударяют очень часто, особенно если на ровном месте торчит какая-нибудь мачта, вроде нашей телевизионной антенны. Но мы получили полную порцию, вернее, не мы, а машина. Думаю, его теперь не починишь. Что скрывать, — чуть смущенно продолжал он, — я тоже начал молиться, после того как перерубил заземление.

— Да, — произнесла Аманта, — я догадалась, что ты придумал. А только я не молилась, милый.

— А что же ты напсвала?

Она лукаво взглянула на него, затем пожала плечами и улыбнулась.

— А, вот ты о чем? Это что-то вроде заклинания. Меня выучила ему мать — оно призывает молнии на голову врага... Ну, я слишком зарэкерилась *. — Она быстро встала с места. — Тут и за сто лет не управишься с этой духовкой. Ты бы вытащил этого типа из холла, Кэллахэн.

Он глядел на нее с рассеянным видом. Затем встряхнул головой.

— Послушай, совсем из ума вон. Где все черепашки? Я ни одной из них ни разу не видел. Ведь их еще оставалось несколько, когда...

— Они все там, внизу в этой пещере... под лужайкой. Там и Питер...

— О господи! — воскликнул Кэллахэн, кинувшись к двери. — Побегу ему на помощь...

— Успокойся, — остановила его Аманта. — Всю грязную работу они предоставили этой машине. Они сидят кружком и смотрят.

— На что смотрят, ради всего святого?

— Как Питер и Тринадцатая сражаются в шашки. Когда меня связывали и тащили оттуда — они проделали это так быстро, что я и пикнуть не успела, — Питер даже головы не повернул, — он ничего не видел, кроме шашек. И нечего удивляться — Тринадцатая, конечно, выигрывает!

* Зарэкерилась (*искаж. цыг.*) — заговорила.

ПОРОЧНЫЙ КРУГ

Тор был первым роботом, не потерявшим рассудка. Впрочем, лучше бы он последовал примеру своих предшественников.

Труднее всего, конечно, создать достаточно сложную мыслящую машину, и в то же время не слишком сложную. Робот Болдер IV удовлетворял этому требованию, но не прошло и трех месяцев, как начал вести себя загадочно: отвечал невпопад и почти все время тупо глядел в пространство. Когда он действительно стал опасен для окружающих, Компания решила принять свои меры. Разумеется, невозможно было уничтожить робота, сделанного из дюралоя: Болдера IV похоронили в цементе. Прежде чем цементная масса застыла, пришлось бросить в нее и Марса II.

Роботы действовали, это бесспорно. Но только ограниченное время. Потом у них в мозгу что-то портилось и они выходили из строя. Компания даже не могла использовать их детали: размягчить затвердевший сплав из пластиков было невозможно и при помощи автогена. И вот двадцать восемь обезумевших роботов

покоились в цементных ямах, напоминавших главному инженеру Харнаану о Рэдингской тюрьме.

— И безыменны их могилы! — торжественно воскликнул Харнаан, растянувшись в своем кабинете на диване и выпуская кольца дыма.

Харнаан был высокий человек с усталыми глазами, вечно нахмуренный. И это не удивительно в эпоху гигантских трестов, всегда готовых перегрызть друг другу горло ради экономического господства. Борьба трестов кое-чем даже напоминала времена феодальных распрей. Если какая-нибудь компания терпела поражение, победительница присоединяла ее к себе и — «горе побежденным!»

Ван Дамм, которого скорее всего можно было назвать инженером аварийной службы, кусал ногти, сидя на краю стола. Он был похож на гнома — низенький, темнокожий, с умным морщинистым лицом, таким же бесстрастным, как у робота Тора, который неподвижно стоял у стены.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Ван Дамм, взглянув на робота. — Твой мозг еще не испортился?

— Мозг у меня в полном порядке, — ответил Тор. — Готов решить любую задачу.

Харнаан повернулся на живот.

— О'кэй. Тогда реши вот такую: Лаксингэмская компания увела у нас доктора Сэдлера вместе с его формулой увеличения предела прочности на разрыв для заменителя железа. Этот негодяй держался за нас, потому что здесь ему больше платили. Они надбавили ему, и он перекинулся в Лаксингэм.

Тор кивнул.

— У него был здесь контракт?

— Четырнадцать-Х-семь. Обычный контракт металлургов. Практически нерасторжимый.

— Суд станет на нашу сторону. Но лаксингэмские хирурги, специалисты по пластическим операциям, поспешат изменить внешность Сэдлера и отпечатки его пальцев. Дело будет тянуться... два года. За это время Лаксингэм выжмет все, что возможно, из его формулы увеличения предела прочности на разрыв для заменителя железа.

Ван Дамм состроил страшную гримасу.

— Реши эту задачу, Тор.

Он бросил беглый взгляд на Харнаана. Оба они знали, что должно сейчас произойти. Они не зря возлагали надежды на Тора.

— Придется применить силу, — сказал Тор. — Вам нужна формула. Робот не отвечает перед законом — так было до сих пор. Я побываю в Лаксингэме.

Не успел Харнаан неохотно процедить: «О'кэй», как Тора уже и след простыл. Главный инженер нахмурился.

— Да, я знаю, — кивнул Ван Дамм. — Он просто войдет и стацтит формулу. А нас опять привлекут к ответственности за то, что мы выпускаем машины, которыми невозможно управлять.

— Разве грубая сила — это лучшее логическое решение?

— Вероятно, самое простое. Тору нет надобности изобретать сложные методы, не противоречащие законам. Ведь это неразрушимый робот. Он просто войдет в Лаксингэм и возьмет формулу. Если суд признает Тора опасным, мы можем похоронить его в цементе и

сделать новых роботов. У него ведь нет своего «я», вы же знаете. Для него это не имеет значения.

— Мы ожидали большего, — проворчал Харнаан. — Мыслящая машина должна придумать многое.

— Тор может придумать многое. Пока что он не потерял рассудка, как другие. Он решал любую задачу, какую бы мы ему ни предлагали, даже эту кривую тенденций развития, которая поставила в тупик всех остальных.

Харнаан кивнул.

— Да. Он предсказал, что выберут Сноумэни... это выручило компанию из беды. Он способен думать, это бесспорно. Держу пари, что нет такой задачи, которую он не смог бы решить. И все-таки Тор недостаточно изобретателен.

— Если представится случай... — Ван Дамм вдруг отклонился от темы. — Ведь у нас монополия на роботов. А это уже кое-что. Пожалуй, пришло время поставить на конвейер новых роботов типа Тора.

— Лучше немного подождем. Посмотрим, потеряет ли Тор рассудок. Пока что он самый сложный из всех, какие у нас были.

Видеотелефон, стоявший на столе, вдруг ожил. Понеслись крики и ругань.

— Харнаан! Ах, ты, вшивый негодяй! Бесчестный убийца! Ты...

— Я записываю ваши слова, Блейк! — крикнул инженер, вставая. — Не пройдет и часа, как против вас будет возбуждено обвинение в клевете.

— Возбуждай и будь проклят! — завопил Блейк из Лаксингэмской компании. — Я сам приду и разобью твою обезьянью челюсть! Клянусь богом, я сожгу тебя и наплюю на твой пепел!

— Теперь он угрожает убить меня, — громко сказал Харнаан Ван Дамму. — Счастье, что я записываю все это на пленку.

Багровое лицо Блейка на экране стало размываться. Однако прежде, чем оно окончательно исчезло, на его месте появилось другое — гладко выбритая, вежливая физиономия Йэйла, начальника полицейского участка. Йэйл, видимо, был озабочен.

— Послушайте, мистер Харнаан, — печально произнес он, — так не годится. Давайте рассуждать здраво, идет? В конце концов, я тут блюститель закона...

— Гм! — вполголоса хмыкнул Харнаан.

— ...и не могу допускать членовредительства. Может быть, ваш робот лишился рассудка? — с надеждой спросил он.

— Робот? — повторил Харнаан с удивлением. — Я не понимаю. О каком роботе вы говорите?

Йэйл вздохнул.

— О Торе. Конечно, о Торе. О ком же еще? Теперь я понял, вы ничего об этом не знаете. — Он даже осмелился сказать это слегка саркастическим тоном. — Тор явился в Лаксингэм и все там перевернул вверх дном.

— Неужели?

— Ну да. Он прямо прошел в здание. Охрана пыталась его задержать, но он просто всех растолкал и продолжал идти. На него направили струю огнемета, но это его не остановило. В Лаксингэме достали все защитное оружие, какое только было в арсенале, а этот ваш дьявольский робот все шел и шел. Он схватил Блейка за шиворот, заставил его отпереть дверь лаборатории и отобрал формулу у одного из сотрудников.

— Удивительно, — заметил пораженный Харнаан. — Кстати, кто этот сотрудник? Его фамилия не Сэдлер?

— Не знаю... подождите минутку. Да, Сэдлер.

— Так ведь Сэдлер работает на нас, — объяснил инженер. — У нас с ним железный контракт. Любая формула, какую бы он ни вывел, принадлежит нам.

Йэйл вытер платком блестящие от пота щеки.

— Мистер Харнаан, прошу вас! — проговорил он в отчаянии. — Подумайте только, каково мое положение! По закону я обязан что-то предпринять. Вы не должны позволять своему роботу совершать подобные насилия. Это слишком... слишком...

— Бьет в глаза? — подсказал Харнаан. — Так я же вам объяснил, что все это для меня новость. Я проверю и позвоню вам. Между прочим, я возбуждаю обвинение против Блейка. Клевета и угроза убийства.

— О господи, — вздохнул Йэйл и отключил аппарат.

Ван Дамм и Харнаан обменялись восхищенными взглядами.

— Прекрасно, — захихикал похожий на гнома инженер аварийной службы. — Это порочный круг. Блейк не станет бомбардировать нас — и у нас и у них слишком сильная противовоздушная оборона. Так что дело пойдет в суд. В суд!

Он криво усмехнулся.

Харнаан снова улегся на диван.

— Лучшее, что мы когда-либо сделали, — это наше решение бросить все силы на таких роботов. Через десять лет Компания будет господствовать над всем миром. И над другими мирами тоже. Мы сможем

запускать космические корабли, управляемые роботами.

Дверь отворилась, и появился Тор. Вид у него был обычный. Он положил на стол тонкую металлическую пластинку.

— Формула увеличения предела прочности на разрыв для заменителя железа.

— У тебя нет повреждений?

— Нет, это невозможно.

Тор подошел к картотеке, вынул оттуда конверт и снова исчез. Харнаан встал и начал рассматривать пластинку.

— Да. Это она. — Он опустил ее в щель движущейся ленты. — Иногда все разрешается совсем просто. Пожалуй, на сегодня я кончил. Послушайте! А что это Тор сейчас замышляет?

Ван Дамм посмотрел на него.

— А?

— Зачем он полез в картотеку? Что у него на уме? — Харнаан порылся в регистраторе. — Какая-то статья по электронике — не знаю, зачем она ему понадобилась. Наверное, собирается заняться какими-то самостоятельными исследованиями.

— Возможно, — сказал Ван Дамм. — Пойдем посмотрим.

Они спустились на лифте в подвальный этаж, в мастерскую робота, но там никого не было. Харнаан включил телевизор.

— Проверка. Где Тор?

— Одну минуту, сэр... В седьмой литейной. Соединить вас с мастером?

— Да. Айвер? Чем занимается Тор?

Айвер почесал затылок.

— Ну и дьявол! Он вбежал сюда, схватил таблицу пределов прочности на разрыв и снова выбежал. Подождите минутку. Вот он опять здесь.

— Дайте мне поговорить с ним, — попросил Харнаан.

— Пожалуйста... — Резко очерченное лицо Айвера исчезло, но тут же вновь появилось — Не успел. Он взял кусок синтоплата и вышел.

— Гм-гм, — промычал Ван Дамм. — Вы не думаете...

— Что он лишился рассудка, как и остальные? — проворчал Харнаан. — Они себя так не вели. Но, впрочем, все возможно.

Как раз в эту минуту появился Тор. В своих резиновых руках он держал кучу всевозможных предметов. Не замечая Харнаана и Ван Дамма, он положил все это на скамью и начал раскладывать, работая быстро и точно.

— Он в своем уме, — заметил Харнаан. — Лампочка горит.

Во лбу Тора светился красный сигнальный огонек — он зажигался, когда робот был занят решением задачи. Это новое усовершенствование позволяло проверить, не лишился ли робот рассудка. Если бы огонек мигал, это означало бы, что нужно кое о чем позаботиться — приготовить свежую порцию цемента, чтобы устроить мотилу для обезумевшего робота.

— Тор! — грубо обратился к нему Ван Дамм.

Робот не ответил.

— Должно быть, трудная задача. — Харнаан нахмурился. — Интересно, что это такое?

— Любопытно, что навело его на эту мысль, — сказал инженер аварийной службы. — Наверняка какие-

то недавние события. Может, он занимается усовершенствованием процесса производства заменителя железа?

— Возможно. Гм-гм...

Несколько минут они смотрели, как трудится робот, но ни о чем не могли догадаться. В конце концов, вернувшись в кабинет Харнаана, они выпили по рюмке, рассуждая о том, что мог затеять Тор. Ван Дамм стоял на своем, считая, что это, вероятно, усовершенствование процесса производства заменителя железа, а Харнаан не соглашался с ним, но не мог придумать ничего более правдоподобного.

Они все еще спорили, когда увидели в телевизоре, что в подвальном помещении произошел взрыв.

— Атомная энергия! — одним прыжком вскочив с дивана, крикнул Харнаан. Он бросился к лифту; Ван Дамм поспешил за ним. В подвале кучка людей собралась у двери в мастерскую Тора.

Харнаан пробился к ней и, переступив порог, вошел в облако цементной пыли. Когда оно рассеялось, он увидел у своих ног разбросанные куски сплава. Это были остатки Тора. Робота, по-видимому, уже нельзя было отремонтировать.

— Забавно, — пробормотал Харнаан. — Взрыв был не очень сильный. Но если он разрушил Тора, то должен был разрушить и весь завод, во всяком случае подвал. Ведь дюралой почти расплавился.

Ван Дамм не ответил. Харнаан взглянул на него и увидел, что инженер аварийной службы смотрит на какой-то прибор, парящий в пыльном воздухе на расстоянии нескольких метров от них.

Несомненно, это был прибор. Харнаан узнал некоторые детали из тех, что Тор принес в свою мастер-

скую. Но разгадать, что это за агрегат и для какой цели он предназначен, было нелегко. Он походил на игрушку, составленную каким-то странным ребенком из деталей набора «Конструктор».

Это было нечто вроде цилиндра длиной сантиметров шестьдесят, диаметром — тридцать, с линзой, движущимися частями и проволочной катушкой. Прибор гудел.

Вот и все, что можно было о нем сказать.

— Что это за штука, черт побери? — спросил Харнаан.

Ван Дамм осторожно отступил к обломкам двери. Он отдал отрывистые торопливые приказания. Стенные панели плотно сдвинулись, и человек в синей форменной куртке поспешно подошел к инженеру аварийной службы.

— Все задержаны, начальник.

— Хорошо, — сказал Ван Дамм. — Загипнотизируйте этих ребят.

Он кивнул в сторону рабочих. Их было человек двадцать. Они беспокойно задвигались.

— Хотим знать причину, сэр! — крикнул кто-то из них.

Ван Дамм улыбнулся.

— Причина ясна. Вы видели, что осталось от Тора. Если распространится слух, что один из наших неразрушимых роботов может быть разрушен, другие компании начнут нам пакостить. Помните, что произошло со стальными роботами, которых мы выпускали? Их портили. Вот почему мы стали производить роботов из дюралоя. Это единственный практически применимый тип. Мы только уберем из вашего мозга представление о том, что Тор сгорел. Тогда ни Лаксингэм, ни другие:

компании не смогут получить этой информации, даже если применят к вам действие скополамина.

Удовлетворенные его ответом, рабочие стали выходить один за другим. Харнаан по-прежнему смотрел на прибор непонимающим взглядом.

— На нем нет выключателя, — заметил он. — Интересно, что приводит его в движение?

— Может быть, мысль, — предположил Ван Дамм. — Но будьте осторожны. Нельзя запускать прибор, пока мы не узнаем его назначения.

— Что ж, логично, — кивнул Харнаан и вдруг изменился в лице.

— Я только сейчас начинаю понимать, зачем создана эта машина. Предполагалось, что Тор неразрушим.

— Нет ничего абсолютно неразрушимого.

— Знаю. Но дюралой... гм-м-м. Посмотрите, там линза. Может быть, она здесь для того, чтобы фокусировать какие-то мощные лучи, разрушающие атомную структуру сплавов? Нет. Ведь от Тора-то остался дюралой! Значит, не в этом дело. А все-таки... Берегись!

Он пригнулся и быстро отскочил в сторону, потому что прибор, висевший в воздухе, начал медленно вращаться.

Ван Дамм нырнул в дверь.

— Вы привели его в действие! Уйдем отсюда!

Но он опоздал. Прибор пронесся у него над головой, выдернув на лету клоч седых волос, и стукнулся о металлическую перегородку, разделявшую помещения подвала. Харнаан и Ван Дамм стояли в проеме двери, которая вела в мастерскую робота, и смотрели, как прибор медленно прогрызал себе путь сквозь твердую сталь.

И вот он исчез.

Харнаан взглянул на телевизор, стоявший позади него. Экран был разбит взрывной волной. Главный инженер вздрогнул.

— Нам лучше пойти вслед за ним. Не думаете ли вы...

Он осекся.

Ван Дамм испытующе посмотрел на него.

— Что?

— Нет, ничего. Пожалуй... Но... Я думаю о механической мутации.

— Вы сошли с ума, как наши роботы, — убежденно заявил Ван Дамм. — Механическая чушь!

— А все же подумайте! Когда жизнь достигает какого-то кульминационного пункта, происходит мутация. Это биологический закон. Предположите, что Тор создал робота еще более совершенного, чем он сам, и... и...

— Эта штука, — сказал Ван Дамм, указывая на дыру в стене, — может быть чем угодно, но только не роботом. Это машина. И машина мыслящая. Но она обладает силой, огромной силой. Наше дело — выяснить, как применять эту силу. — Он помолчал.

— Могли бы мы записать мысли Тора?

Харнаан покачал головой.

— Не выйдет. Его мозг сгорел. Я это проверил.

— А роботы не оставляют записей. Но ведь можем же мы как-то выяснить назначение этого прибора.

— Пока что мы знаем, что он прожигает отверстия в стали, — заметил Харнаан.

— И останавливает часы, — добавил Ван Дамм, посмотрев на свой ручной хронометр. — Мы должны

поставить себя на место робота и понять, что ему могло прийти в голову.

Харнаан взглянул на инженера аварийной службы и поспешно вышел в соседнюю комнату. Там не было никаких признаков машины. Но дыра в потолке объясняла все, что здесь произошло.

Они поднялись по лестнице и на экране телевизора, стоявшего в холле, увидели, что прибор висит неподвижно в одном из цехов. Он оставался в том же положении, когда Ван Дамм и Харнаан вошли в цех. Пятьдесят металлических станков были выстроены в ряд; рабочие с удивлением смотрели на плавающий в воздухе предмет.

Подошел мастер.

— Что это такое? — спросил он. — Новая выдумка Лаксингэма? Может быть, бомба?

— Как она действует?

— Никак. Только станки не работают.

Ван Дамм взял длинный шест с металлическим наконечником и приблизился к загадочной машине. Она медленно поплыла прочь. Загнав ее в угол, он ткнул в нее шестом — никакого результата. Тон гудения не изменился.

— Теперь попробуйте включить станки, — предложил Харнаан.

Они по-прежнему не работали. Но прибор, будто почуввав, что может завоевать новые миры, скользнул к двери, прожег себе путь сквозь нее и исчез.

Теперь он вырвался из большого здания. С балкона, выступавшего над высокой, как утес, стеной, Харнаан и Ван Дамм могли, глядя вверх, видеть, как прибор плавно поднимается к небу. Он исчез где-то в вышине;

на голову им полетели осколки флексигласа. Они едва успели спрятаться.

— Он навверху, — кратко сказал Харнаан. — Чует мое сердце, что в кабинете Туилла.

Все было ясно. Джозеф Туилл был одним из совладельцев Компании, богоподобным существом, пребывавшим в разреженной атмосфере, в самых высоких башнях.

Встревоженная охрана впустила их в служебные апартаменты Туилла. Как и предполагал Харнаан, случилось самое худшее. Загадочно гудящий прибор опустился на стол к магнату. Сам Туилл, оцепенев от ужаса, скорчился в своем кресле и тупо уставился на машину. Он то вздрагивал и бледнел как полотно, то снова приходил в себя с интервалами примерно в три минуты.

Ван Дамм выхватил пистолет.

— Дайте мне ацетиленовый резак! — крикнул он и решительно направился к прибору, который поплыл к Туиллу. Инженер аварийной службы, быстро повернувшись, выстрелил. Он промахнулся. Прибор поднялся вверх, помедлил, а потом пошел вниз сквозь письменный стол со всеми его ящиками, сквозь ковер и пол — и исчез. Гудение постепенно утихло.

Туилл вытер лицо.

— Что это было? — выговорил он. — Лаксингэм? Я думал..

Ван Дамм посмотрел на Харнаана. Тот перевел дух и сообщил шефу все, что они знали.

— Теперь мы уничтожим его, — закончил он. — Ацетиленовый резак быстро его расплавит — ведь это не дюралой.

Туилл снова напустил на себя важный вид.

— Стойте, — приказал он, когда Харнаан уже повернулся к двери. — Не уничтожайте его без надобности. Может, это все равно что взорвать алмазные россыпи. Эта штука, должно быть, стоящая, даже если это оружие.

— Она вам не причинила вреда? — спросил Ван Дамм.

— Собственно говоря, нет. Сердце у меня то сжималось и замирало, то опять начинало биться правильно.

— На меня она так не действовала, — заметил Харнаан.

— Нет? Может, и придется ее уничтожить, но помните — только в случае крайней необходимости. Тор был толковым роботом. Если мы узнаем назначение этой штуки...

Выйдя из кабинета, Ван Дамм и Харнаан посмотрели друг на друга. Разумеется, Туилл был совершенно прав. Если бы только можно было изучить возможности этого прибора! Вероятно, они неограниченны. По внешнему виду ничего нельзя было сказать. Он прожег металлическую стену, но это можно было сделать с помощью ацетилена или термита. Его неуловимое излучение подействовало на сердце Туилла. Но это тоже ни о чем не говорило. Не был же прибор создан только для того, чтобы испортить Туиллу самочувствие.

Прибором никто не управлял, но это не значило, что им нельзя было управлять. И все-таки только Тор мог сказать, для чего он так поспешно построил эту машину.

— Попробуем проследить, какие она дает побочные эффекты; может быть, это позволит установить ее назначение, — предложил Харнаан.

Ван Дамм возился в холле с телевизором.

— Подождите минутку. Я хочу выяснить...

Он резко заговорил в микрофон. Потом охнул с искренним огорчением.

Все часы на заводе остановились. Все точные инструменты пришли в негодность. Если верить показаниям сейсмографа, происходило сильное землетрясение. Если верить барометру, бушевал ураган. А если судить по действию атомного ускорителя, вся материя стала до невозможности инертной.

— Планк, — наугад сказал Харнаан, хватаясь за соломинку. — Коэффициент невероятности. Он переворачивает законы вероятности.

— Возьмите себя в руки, — посоветовал Ван Дамм. — Вы скоро начнете считать по пальцам. Мы имеем дело с логичной, лишенной эмоций наукой. Стоит только найти ключ, и все станет ясным как дважды два.

— Но мы не знаем всех возможностей робота. Он мог создать что угодно... нечто выходящее за пределы нашего понимания.

— Вряд ли, — с присущим ему здравым смыслом заметил Ван Дамм. — До сих пор с точки зрения современной науки прибор не совершил ничего невозможного.

Телевизор истерически застрекотал. На глазах у них все сотрудники Исследовательского отдела В-14 превратились в скелеты, а потом и вовсе исчезли. Разумеется, там побывал прибор.

— X-лучи, — произнес Ван Дамм немного хриплым голосом. — Я все-таки схожу за резаком. Так мне будет спокойнее.

Пока они доставали это оружие, оказалось, что исчезнувшие сотрудники появились снова, причем

загадочный эксперимент несколько им не повредил. Тем временем прибор посетил Отдел личного состава, до истерики испугал секретаршу, засветил пленки и привел в состояние невесомости огромный сейф, так что тот повис на потолке, среди кусков раздавленного пластика.

— Теперь он уничтожает силу тяжести, — с горечью констатировал Харнаан. — Попробуйте свести воедино все, что нам о нем известно. До сих пор мы знали, что прибор уничтожает силу тяжести, делает людей невидимыми, выключает электроэнергию и вызывает у Туилла сердечные приступы. Все говорит только о том, что это машина разрушения.

— Она ведет себя все хуже и хуже, — согласился Ван Дамм. — Но нужно еще поймать ее, прежде чем мы сможем направить шланг на эту проклятую штуковину.

Он пошел было к лифту, но передумал и включил ближайший телевизор. Новости были отнюдь не обнадеживающие. Прибор забрался в продуктовый склад, и там скисло все молоко.

— Хотел бы я напустить его на Лаксингэм, — заметил Харнаан. — Ну и натворил бы он там делишек... Бог свидетель, нам-то он изо всех сил старается навредить! Если бы мы только знали, как им управлять!

— Телепатическим способом, — во второй раз подсказал Ван Дамм. — Но нам нельзя пробовать. Судя по тому, что он уже натворил, он расщепит на нейтроны весь округ, если мы... ха-ха!.. попытаемся управлять им.

— Может быть, только робот способен им управлять, — произнес Харнаан и вдруг, просяив, щелкнул пальцами.

— Ну, что?

— Нам нужен второй робот, построенный по образцу Тора. Он совсем готов, закончен, и в его электронную память вложена целая библиотека. Остается только снабдить его энергией. Да, вот это идея. Мы не можем представить себе назначение этого прибора, но другой робот, такой же, как Тор, сможет. Ведь он обладает совершенной логикой, не так ли?

— Даже с некоторым избытком, — нерешительно сказал Ван Дамм. — А вдруг он направит прибор на нас? А что, если этот агрегат создан для того, чтобы превратить роботов в господствующую расу?

— Теперь вы рассуждаете так, будто сами спятили, — съязвил Харнаан.

Он передал по телевизору какие-то распоряжения и, улыбаясь, отошел от него. Через пятнадцать минут должен был явиться Тор II в состоянии рабочей готовности, мыслящий и способный разрешать любые задачи.

Однако эти четверть часа прошли в тревоге и волнениях. Прибор, словно подстрекаемый каким-то демоном, стремился забраться в каждый отдел гигантского предприятия. Он превратил ценную партию золотых слитков в почти ничего не стоящий свинец. Он аккуратно, полосками снял одежду с важного клиента в верхней башне. Потом снова пустил в ход все часы, но только в обратную сторону. И еще раз нанес визит несчастному мистеру Туиллу, вызвав у него новый сердечный приступ, после чего от босса стало исходить неясное красноватое сияние, которое окончательно исчезло только через месяц после этого происшествия.

За эти пятнадцать минут нервы у всех были взвинчены еще больше, чем в последний раз, когда бомбар-

дировщики Лаксингэма кружили над башнями Компании. Туилл пытался что-то объяснить своим компаньонам в Нью-Йорке и Чикаго и выкрикивал проклятия. Техники и аварийные монтеры налетали друг на друга в холлах. Над зданием парил вертолет, готовый сбить прибор, как только тот попытается ускользнуть. Акционеры Компании молили небеса, чтобы прибор в конце концов оставил их в покое.

А загадочный нервирующий прибор, который всегда появлялся неожиданно, весело плыл своей дорогой, пока что причинив не так уж много вреда, если не считать того, что он дезорганизовал всю Компанию. Пока подготавливали Тора II, Харнаан грыз ногти. Затем он помог быстро смонтировать робота и вместе с ним спустился в лифте, чтобы присоединиться к Ван Дамму, который запасся резаком и ожидал Харнаана на одном из нижних этажей, где в последний раз видели прибор.

Ван Дамм окинул робота испытующим взглядом.

— Ему заданы условия и он может действовать?

— Да, — кивнул Харнаан. — Ты знаешь, чего мы хотим, Тор II, не так ли?

— Да, — ответил робот. — Но, не видя аппарата, я не могу определить его назначение.

— Спору нет, — проворчал Ван Дамм, когда мимо него с визгом пронеслась какая-то блондинка. — Наверное, он в этой конторе.

Ван Дамм пошел впереди. Из конторы, конечно, все убежали, а прибор, слабо жужжа, висел в воздухе посреди комнаты. Тор II прошел вслед за Харнааном и остановился, пристально разглядывая загадочную машину.

— Он живой? — тихо спросил Харнаан.

— Нет.

— Его назначение?

— Подождите. Он создан для того, чтобы решить определенную задачу... Это несомненно. Но я не знаю, решит ли он задачу, для которой он был создан. Есть только один способ получить ответ.

Тора II шагнул вперед. Прибор плавал, и линза была нацелена на робота. Какой-то инстинкт предостерег Харнаана. Он услышал, как гудение усилилось, и в тот же миг бросился к Ван Дамму. Оба они повалились под стол, причем портативный резак, выскользнув из рук инженера аварийной службы, тяжело стукнулся о стену и ушиб ногу Харнаана.

Но он почти не почувствовал боли, так как был поглощен более важными событиями. От прибора протянулся яркий розовый луч и осветил Тору II. В то же время гудение усилилось и перешло в пронзительный, действующий на нервы вой. Он длился недолго — затем раздался взрыв, который ослепил и оглушил обоих людей. На них обрушился стол.

Харнаан надрывно закашлялся и что-то пробормотал. Он почувствовал, что остался жив, и даже слегка удивился этому. Поднимаясь, он успел заметить, как Ван Дамм выскочил вперед, держа в руке резак и направляя воющее пламя на прибор, который не сделал никакой попытки ускользнуть. Он накалился докрасна и затем начал плавиться. Капли металла потекли на пол. Прибор, или, вернее, то, что от него осталось, упал с глухим стуком, теперь уже безвредный и лишенный смысла.

Ван Дамм отвел шланг. Тихое гудение прекратилось.

— Опасная штука, — сказал он, глядя на Харнаана блуждающим взглядом. — Успел как раз вовремя. Вы ранены?

— Как раз вовремя! — повторил Харнаан, указывая на робота. — Взгляните сюда!

Ван Дамм увидел Тора II, которого постигла та же участь, что и Тора I. Разбитый, расплавленный робот лежал возле двери.

Харнаан провел рукой по щеке и посмотрел на почерневший металл. Он прислонился к столу; постепенно лицо его прояснилось, и он улыбнулся. Ван Дамм в изумлении глядел на него.

— Какого черта...

Но Харнааном овладел почти истерический смех.

— Он... он выполнил свое назначение, — наконец выговорил главный инженер. — Какой... какой удар для Компании! Прибор сработал!

Ван Дамм схватил его за плечо и начал трясти. Харнаан успокоился, хотя губы его все еще кривились в улыбке.

— О'кэй, — произнес он наконец. — Я... я ничего не мог с собой поделать. Очень уж забавно!

— Что? — спросил Ван Дамм. — Если вы видите здесь что-то забавное...

Харнаан перевел дух.

— Этот... ну, этот порочный круг. Разве вы еще не догадались, зачем был создан прибор?

— Лучи смерти или что-нибудь в этом роде?

— Вы упустили из виду то, что сказал Тор II: есть только один способ узнать, может ли прибор сделать то, ради чего он был создан.

— Ну, так какой же это способ?

Харнаан фыркнул.

— Логика. Рассуждайте логически. Помните первых роботов, которых мы изготовляли? Их всех портили, и потому мы стали выпускать роботов из дюралоя, которых по идее нельзя было разрушить. А роботы создавались для того, чтобы решать задачи, — в этом был смысл их существования. Все шло хорошо до тех пор, пока они не теряли рассудка.

— Я это знаю, — нетерпеливо произнес Ван Дамм. — Но при чем тут прибор?

— Они теряли рассудок, — сказал Харнаан, — когда перед ними вставала неразрешимая задача. Это элементарная психология. Перед Тором встала та же задача, но он разрешил ее.

По лицу Ван Дамма стало видно, что он постепенно начинает догадываться.

— Неразрушимый он или нет!

— Ну, конечно! Рано или поздно все роботы задумывались над задачей, неизбежно встававшей перед ними: как они сами могут быть разрушены. Мы конструировали их таким образом, чтобы они в большей или меньшей степени могли думать самопроизвольно. Это был единственный способ сделать их хорошими мыслящими машинами. Перед роботами, похороненными в цементе, вставала задача: каким образом разрушить самих себя; не в силах ее решить, они теряли рассудок. Тор I оказался умнее. Он нашел ответ. Но у него был единственный способ проверить правильность решения — на себе самом!

— Но... Тор II...

— То же самое. Он знал, что прибор подействовал на Тора I, но не знал, подействует ли он на него самого. Роботы обладают холодной логикой. У них нет инстинкта самосохранения. Тор II просто испытал

прибор, чтобы посмотреть, сможет ли он решить ту же задачу. — Харнаан перевел дух. — Прибор решил ее.

— Что мы скажем Туиллу? — безучастно спросил Ван Дамм.

— Что мы можем ему сказать? Правду, — что мы зашли в тупик. Единственные роботы, которых нам стоит производить, — это мыслящие машины из дюралоя, а они будут уничтожать самих себя, как только начнут задавать себе вопрос, в самом ли деле их нельзя разрушить. Каждый из выпущенных нами роботов дойдет до последнего испытания — саморазрушения. Если мы сделаем их не такими разумными, их нельзя будет применять. Если мы перестанем применять дюралой, Лаксингэм или другая компания начнет их портить. Роботы, конечно, замечательная вещь, но они рождаются со стремлением к самоубийству. Ван Дамм, я боюсь, нам придется сказать Туиллу, что Компания зашла в тупик.

— Так в этом и состояло истинное назначение прибора, а? — пробормотал инженер аварийной службы. — А все остальные его проделки — это лишь побочные явления, результаты действия неуправляемой машины?

— Да...

Харнаан направился к двери, обойдя полурасплавленные останки робота. Он с грустью взглянул на свое погибшее создание и вздохнул.

— Когда-нибудь, возможно, мы и найдем выход. Но сейчас, по-видимому, получился порочный круг. Нам не следовало называть его Тором, — добавил Харнаан, выходя в холл. — Я думаю, правильнее было бы назвать его Ахиллом.

«ГЕНИЙ» НЕ МОЖЕТ ОШИБАТЬСЯ

Марк Суон остановился у кабинета Бергстейна и насмешливо взглянул на покрытую пластиком дверь.

На ее гладкой поверхности не было ни таблички с фамилией, выведенной золотыми буквами, ни даже надписи «Вход воспрещен».

Имена сотрудников разведки сохранялись в строжайшей тайне. И раз на двери не было указано фамилии Бергстейна, считалось, что ни одной уборщице не удастся разузнать ничего такого, что помогло бы Меркаптану одержать победу в войне против Земли. А поскольку в отделе «Земля» при Службе безопасности правая рука никогда не знала, что творит левая, там полагали, что утечка секретных сведений невозможна.

Невозможна?.. Как бы не так!

Марк постучал в «засекреченную» дверь и вошел.

— А, Марк, — обрадовался Бергстейн. — Вы пришли вовремя. Через две минуты нам надо быть в лаборатории.

— Я не пойду, — возразил Марк.

Бергстейн удивленно посмотрел на него.

Марк протянул ему конверт.

— Я хочу передать это Д. Пожалуйста, поставьте штемпель с указанием времени: пусть шеф знает, что я написал ему до испытания Кэрра.

— Вы не должны этого делать! — воскликнул Бергстейн.

— Мало ли чего я не должен делать... Например, говорить вам, что я написал. Но, как только вы поставите штемпель, я скажу.

Немного поколебавшись, Бергстейн вложил письмо в небольшой аппарат. Через секунду оно выскочило обратно в виде плотного пакета; в левом верхнем углу была поставлена печать, дата и время подачи документа.

— В этом конверте — мой рапорт об отставке, — пояснил Марк. — И не отговаривайте меня. А еще я пишу, что дестабилизатор на Военно-морской верфи был установлен не Кэрром и что ни один из тех семнадцати человек, которых нам приказали проверить, в этом не замешан.

Бергстейн хотел что-то возразить, однако передумал и, улыбнувшись, произнес только:

— Зелен виноград.

— Что вы хотите этим сказать?

— Видите ли, Марк... Я не поручусь за достоверность своих сведений, но... Ходили всякие слухи... Два года назад, когда С. вышел в отставку, вы, говорят, рассчитывали стать вместо него начальником Службы безопасности, не правда ли? Но вас обошел Д., а вы были поставлены во главе отдела контрразведки. Через полгода вас сняли и эту должность получил я... Теперь вы мой подчиненный.

— Ну и что? — мрачно спросил Марк.

— Зелен виноград, — повторил Бергстейн. Марк понял, что разговор окончен, и направился к выходу.

— Обождите минутку, — резко окликнул его Бергстейн. — Пока вы еще служите в контрразведке, и я — ваш начальник.

Он нажал кнопку звонка.

— Вот что, Марк. Сейчас я пошлю ваше письмо Д., а затем мы вместе с вами отправимся в лабораторию. Испытание докажет, что дестабилизатор был установлен Кэрром, после чего Д. непременно вызовет вас к себе... И тогда вы вряд ли сможете оставаться в разведке... Правда, я совершенно не представляю себе, как будет оформлен ваш уход — отставка или увольнение ввиду непригодности... А теперь пошли в лабораторию!

— Не могу я видеть, как ни в чем не повинного человека мучают на аппарате для дознания!

— Говорю вам раз навсегда, Марк, что Кэrr — диверсант. А сейчас вы пойдете со мной. Это — приказ.

Вошел курьер. Бергстейн вручил ему пакет и велел немедленно передать его Д. Затем он поднялся. Марк, пожав плечами, последовал за начальником.

В лаборатории все было уже приготовлено для допроса. Кэрра усадили на высокое металлическое сиденье, напомилавшее электрический стул. Подле него стояли несколько техников и врач. Марк подумал о том, как нелепо присутствие врача при подобной процедуре, но потом вспомнил, что когда-то врачам полагалось присутствовать и при дуэлях.

Бергстейн кивнул старшему технику. Тот сделал знак одному из своих помощников, который включил рубильник. Кэрр истошно закричал. В помещении слегка запахло паленым: видимо, в аппарате что-то

испортилось, но исправлять было уже поздно. Старший техник снова подал знак помощнику, и тот перевел рычаги.

Кэрр больше не кричал. Теперь — по ходу дознания — он мог, вернее, должен был говорить. При этом аппарат не позволял ему ни кричать, ни лгать.

— Это вы установили дестабилизатор на Военно-морской верфи? — начал допрос Бергстейн.

Несмотря на то что Марк был уверен в невиновности испытуемого, он все же думал, что тот ответит: «Да». Но Кэрр твердо заявил: «Нет». Услышав это, Бергстейн пошатнулся, словно от удара.

— Была ли у вас определенная цель, когда вы установили дестабилизатор на Военно-морской верфи? — настаивал Бергстейн.

— Нет.

— Вы — шпион?

— Нет.

— Получали ли вы когда-нибудь деньги с Меркаптана или от меркаптанских агентов? — продолжал допрашивать Бергстейн.

— Нет.

Бергстейн махнул рукой. Старший техник повторил его жест. Помощник снова передвинул рычаги, и Кэрр, потеряв сознание, повалился набок.

— Может быть, еще очнется, — неуверенно сказал врач. Но, нагнувшись над испытуемым и сорвав с него контакты, покачал головой.

— Нет, пожалуй, не выживет... Несколько дней — каталептическое состояние*, а потом — конец...

* Каталепсия — болезненное состояние, при котором тело человека как бы застывает в определенном положении. — *Прим. перев.*

Бергстейн молчал. А Марк не испытывал ни малейшего удовлетворения от того, что оказался прав.

— Пойду и напьюсь, — заявил он.

Сидя один в своем любимом баре, Марк поглощал бесчисленные коктейли с виски, ничуть не беспокоясь о том, что будет, когда он совершенно опьянеет.

К счастью, Кэrr, оказывается, был развратником и мошенником. Спустя несколько часов после испытания Марк уже понимал: в конце концов он сумеет убедить себя в том, что Кэrr — небольшая потеря для человечества и, если не заслуживал смертной казни за диверсию, несомненно, заслужил за что-нибудь другое.

Однако Марк никак не мог отделаться от мысли, что в его отделе — КР * — казнили ни в чем не повинного человека, еще одного в длинном перечне жертв КР за последние два года. Правда, Марк сделал все возможное, чтобы не допустить казни (и это в какой-то степени служило ему утешением), но все же он не испытывал ни малейшего желания веселиться.

Что же творилось в разведке? «Гений» не мог ошибаться. При С. «Гений» функционировал нормально, с чего бы он мог разладиться при Д.? И не в Д. тут дело. Раньше Д. был сослуживцем Марка. Прежде, когда он еще не был начальником Службы безопасности, его называли полным именем. Ни Марк, ни С. не любили этого человека, но вряд ли разведка превратилась в застенки только из-за назначения Д. на высокий пост... Однако, поскольку Д. стоял во главе разведывательной службы, он и отвечал за все допущенные ошибки. Несом-

* Контрразведки. — *Прим. перев.*

ненно, ему можно было поставить в вину неумелость, но сам по себе этот недостаток все же не объяснял, почему вся разведка стала работать из рук вон плохо.

И Бергстейна тоже, конечно, нельзя было винить: КР являлась лишь одним из отделов разведки, который нес ответственность только за действия подведомственных ему олухов. Кроме того, Бергстейн вообще был тут ни при чем, так как по делу Кэрра «Гений» дал указание (разумеется, через Д.) выявить, кто из семнадцати посетителей верфи установил там дестабилизатор. Бергстейн и Марк допросили всех людей по списку, вместе и порознь, и Кэрр оказался им обоим самым подозрительным. Поэтому, когда «Гений» заявил, что это сделал один из семнадцати посетителей верфи, и задал вопрос, кого из семнадцати могли подкупить для совершения диверсионного акта, Бергстейн и Марк в один голос назвали Кэрра. Но Бергстейн считал, что диверсантом мог быть только Кэрр. Марк в своих рассуждениях шел дальше и понял, что *Кэрр мог это сделать, но не сделал.*

Марк подал в отставку потому, что работа в КР не просто разочаровала его, а потеряла для него всякий смысл. Ему ничего не сообщили о деле на Военно-морской верфи, кроме того, что один из семнадцати посетителей — диверсант; а в дальнейшем, к своему удовлетворению, он убедился, что и это не соответствовало действительности.

Он не имел ни малейшего представления о том, как поступают с агентами разведывательной службы, которые подают в отставку. Вероятно, ему будут чинить всякие препятствия?..

Но тут размышления Марка были прерваны появлением «радужной девушки».

Любая война, даже межзвездная, порождает у людей такое нервное напряжение, которое подчас находит разрядку во всякого рода острых развлечениях, даже в разврате. Война с Меркаптаном привела к появлению «радужных девушек».

Для всех прочих посетителей бара эта девушка была просто миленькой блондинкой в темном платье, окруженной каким-то слабым мерцанием, похожим на огромный, переливающийся всеми цветами радуги мыльный пузырь. А клиентам, которых она себе наметила (в данном случае Марку), она показывалась в течение десяти секунд в темной одежде, затем на пять секунд — прикрытой лишь кружевным бельем и, наконец, на одну секунду — совершенно обнаженной. Этот цикл повторялся бесконечно — по крайней мере до тех пор, пока девушка не убеждалась, что все безуспешно. Тогда она начинала испытывать свои чары на другой жертве.

Встав за спиной Марка, она тихо спросила:

— Можно провести с вами вечер?

— Пожалуйста, — ответил он.

Она под села к его столику.

— Меня зовут Стар, — представилась она все тем же мягким, вкрадчивым голосом.

Как правило, «радужные девушки» выбирают себе такие эффектные профессиональные имена, как Стар*, Заря, Глория**, Венера и т. п.

— Можете называть меня Марком, — сказал он. — Что будете пить?

* Стар (англ.) — звезда. — *Прим. перев.*

** Глория (лат.) — слава. — *Прим. перев.*

— Апельсиновый сок, пожалуйста... Не хотите ли поболтать со мной?

— Охотно! — воскликнул Марк. — Мне очень хочется излить душу. Вы, вероятно, привыкли к подобным вещам?

Хотя Марк выпил немало, он заметил растерянность в ее искрящихся зеленых глазах.

— Я служу в контрразведке, — продолжал Марк, — и только что позволил казнить человека за преступление, которого тот не совершал... А впрочем, может быть, и не совсем так. Просто я попытался помешать этому и не сумел. Поэтому и подал в отставку.

Теперь девушка даже не старалась скрыть своего замешательства.

— Что за чепуху вы несете, Марк? Да если бы вы действительно были сотрудником разведки, вы никогда бы не признались в этом первой встречной девушке, особенно...

Она запнулась, но Марк быстро закончил фразу:

— Особенно — «радужной девушке», не так ли? А почему бы и нет? Ведь ваша обязанность — удовлетворять потребности клиентов, да? Наверно, вы часто разрешали им плакать у себя на плече? Так вот, в настоящий момент и у меня есть такая потребность.

Марк заказал апельсиновый сок и еще один коктейль с виски. Когда он снова обернулся к Стар, она уже выключила аппаратуру радужного пузыря и мерцание, окружавшее ее, исчезло. Она стала обыкновенной хорошенькой девушкой в темном платье.

— Зачем вы так сделали? Мне это нисколько не мешало, — мягко сказал Марк. — Может, вы боитесь, что более близкое знакомство приведет к взаимному недовольству?

Стар сначала нахмурилась, а потом, видимо, решила подыграть ему:

— Ладно, Марк, валяйте, поплачьтесь у меня на плече!

Тогда он рассказал ей, как на Военно-морской верфи кто-то установил дестабилизатор, отчего вся расположенная поблизости электроаппаратура стала давать неверные показания. Искажения были настолько незначительны, что прошло немало времени, прежде чем командование верфи заметило какие-то помехи. Только через две недели дестабилизатор был обнаружен и обезврежен. Пришлось делать заново всю работу, произведенную на верфи за время действия дестабилизатора, и несколько раз проверять показания, пока их не признали удовлетворительными. На это ушел целый месяц.

То была скрытая форма диверсии, гораздо более действенная, чем какой-нибудь примитивный взрыв в доках. Ибо в условиях современного затяжного межзвездного конфликта живая сила и оружие значат гораздо меньше, чем абсолютная точность аппаратуры.

— Мне поручили выяснить, кто из семнадцати человек, посетивших Военно-морскую верфь, установил дестабилизатор, — продолжал Марк. — И я пришел к выводу, что никто из них к этому не причастен. Но одного из посетителей, Кэрра, все же подвергли допросу на аппарате для дознания. И вот сейчас он уже на пороге смерти, хотя и ни в чем не повинен.

Едва Марк умолк, как Стар, подчиняясь привычному шаблону, обязывавшему ее говорить те слова, которых от нее ждали клиенты, перестала удивляться, смущаться и сомневаться — словом, перестала чувствовать то, чего ей не полагалось.

— Это вас так волнует? — спросила она.

— Конечно! Я хочу рассказать вам о подоплеке этой истории... Но, может быть, лучше пойдем к вам?

Она заколебалась, видимо сомневаясь, стоит ли продолжать игру.

— Не думайте, я не пьян! — успокоил ее Марк. — Во всяком случае — не очень. Пошли. Ладно?

И вот Марк снова стоял перед закрытой дверью, насмешливо глядя на нее, но теперь это была дверь в спальню Стар.

Едва они переступили порог этой квартиры, как Марк начал выкладывать все о Службе безопасности. Но девушка извинилась, сказав, что хочет переодеться в домашнее платье. Марк понял, на что она рассчитывает.

Может быть, ему следовало бы разыграть Стар, внушив ей уверенность в том, что она сумеет вытянуть из него какие-нибудь секретные сведения. Конечно, у нее возникли подозрения, когда он сразу начал изливать душу...

А девушка нарочно оставила гостя на некоторое время в одиночестве; видимо, хотела дать ему возможность протрезвиться, одуматься, взять себя в руки, хотя он и не нуждался в этом, так как не был пьян.

Марка, никогда не имевшего дела с «радужными девушками», интересовало, в каком виде она появится теперь. Он отнюдь не был разочарован. Домашнее платье выглядело гораздо более соблазнительным, чем нагота. Девушка надела бело-желто-розовый пеньюар, доходивший до щиколоток и настолько прозрачный,

что даже в тех местах, где ткань собиралась в складки, явственно просвечивало тело.

— Нравится? — нежно спросила Стар.

Она пыталась перевести беседу в привычные для нее рамки, но Марк не допустил этого.

— Очень. Но я еще не кончил плакаться вам в жилетку. Идите сюда и сядьте рядом, хорошо?.. Впрочем, я не настаиваю... Так вот, чтобы вы лучше поняли сложившуюся у нас обстановку, я сначала расскажу вам о моем прежнем начальнике С. Он вышел в отставку два года назад. При нем разведка здорово работала и...

— Марк, неужели вам не приходит в голову, что я могу быть агентом Меркаптана?

— Ни на секунду!.. Послушайте-ка, Стар, что, если вы снимете эту штуку? Без нее вы будете смущать меня гораздо меньше.

Девушка все еще стояла на пороге спальни. Вид у нее был недовольный.

— Ведь мне уже доводилось видеть вас без платья, — добавил Марк.

— Вы имеете в виду — в баре?

— Нет. Гораздо раньше. Тринадцать лет назад, когда вам было всего шесть лет.

— Ах, вот оно что, — невозмутимо произнесла Стар. — А я уж подумала, не догадались ли вы о чем-нибудь. Но мне и в голову не пришло, что вы узнаете меня... — Она подошла и села рядом с Марком. — Ведь я была совсем-совсем маленькой, когда мы виделись в последний раз... Да и вам было тогда не больше двадцати.

— Все равно рано или поздно я узнал бы тебя, Паула. Только это могло случиться гораздо позже...

— Неужели я такая плохая актриса?

— Не в этом дело. Даже не пытайся вытянуть что-нибудь из работника Службы безопасности. Д. должен был предвидеть, что из этого ничего не получится. Ведь моя специальность — вынюхивать измену и изобличать подозрительных людей.

Некоторое время Марк и Паула сидели молча. Марк напомнил ей, как тринадцать лет назад, когда он занимал в разведке должность немногим выше курьера, его послали с поручением на дом к С. В саду он увидел хорошенькую, белокурую, совершенно голенькую девушку, которая сразу спросила его, не страдает ли он сексуальной психопатией. Если да, то она скорее побежит что-нибудь на себя накинуть; а если нет, значит, ей нечего бояться... Но, может быть, он тоже любит загорать голышом?

— Отец до сих пор часто говорит о вас, Марк, — заметила Паула. — Знаете что? Раз уж нам нет смысла продолжать игру, я пойду и надену более пристойное платье.

— Тринадцать лет назад ты этого не сделала.

— Тогда это не имело значения.

— А теперь, когда ты стала «радужной девушкой», имеет?

— Поймите, Марк, что иногда мне, как агенту Службы безопасности, приходится выступать в этой роли. Но я никогда не довожу ее до конца. Этого нет в контракте.

Марк усмехнулся.

— Значит, ты держишь кусок сахара перед мордой пса, но не даешь ему попробовать?

Девушка показала язык, затем встала и направилась в спальню, но Марк вскочил и, схватив ее за руку, притянул к себе.

— Для чего же ты надевала этот пеньюар?

— Не догадываетесь? Я получила задание проверить вас, и это ужасно угнетало меня... Я не хотела, чтобы вы...

— Не хотела, чтоб я сам сунул голову в петлю? И дала мне возможность одуматься? Ах, Паула, если ты будешь так работать, то никогда не станешь хорошим агентом.

— Марк, ведь вы — особый случай! После ухода моего отца вы должны были стать начальником Службы безопасности. Отец считает, что сделали большую ошибку, назначив не вас, а Д.

— А когда ты начала работать агентом?

— Около года назад... Отец был против этого.

— Я думаю! Знает ли он, что ты выступаешь в роли «радужной девушки»?

— Конечно, нет.

— Что же ты напишешь про меня в рапорте?

— Что я могу написать, кроме того, что вы узнали меня? Значит, ничего не получилось.

— Скажи мне еще одно: когда именно ты получила это задание?

Она немного поколебалась, а затем ответила:

— За несколько минут перед тем, как я «подцепила» вас.

— Значит, уже после того, как Д. получил мое заявление об отставке, — задумчиво произнес Марк.

Когда он обнял ее, Паула неловко отодвинулась. Девушке было не по себе. Она действовала по приказу свыше и старательно играла свою роль. Но теперь ее служебные обязанности и личная жизнь переплелись самым невероятным образом. Ох, как трудно держать мужчину на должном расстоянии, когда она сама

только что старалась казаться проституткой высшего класса.

Марк встал.

— Я решил вести себя, как джентльмен, — заявил он. — Это не оскорбит тебя?

— О нет! — с благодарностью воскликнула Стар.

Однако, едва гость ушел, как девушка бросилась к зеркалу и, нахмутив брови, стала себя разглядывать. Ее огорчило, что он так легко расстался с ней.

Когда на следующее утро Марка вызвали к Д., он не удивился.

Начальников Службы безопасности всегда называли только первой буквой фамилии, но, к сожалению, в разведке существовал предел засекречивания. Не всегда же эти люди были большими начальниками; когда-то они работали рядовыми сотрудниками, и, пока их не повышали в должности или не переводили куда-нибудь, чтобы отделаться от них, все сослуживцы знали их полное имя.

Марк работал вместе с Д., когда тот еще не был начальником, и оба они подчинялись С.

Д. был рыхлый, с виду простодушный человек лет тридцати пяти. Он не испытывал к Марку дружеских чувств и не находил нужным скрывать это.

— Я получил вчера ваше письмо, — начал он сухо. — Почему, если вы были так уверены в невинности Кэрра, вы своевременно не приняли меры?

— Это сложный вопрос, — сказал Марк. — И, прежде чем я на него отвечу, подумайте: не лучше ли вам не задавать его?

— Допустим, — устало согласился Д. — Беру свои слова обратно. Не сомневаюсь, что вы уже не раз говорили об этом Бергстейну и всячески подчеркивали, что полгода назад я повысил в должности его, а не вас... И теперь вы решили подать в отставку?

— Я хочу уйти не только из-за случая на Военно-морской верфи, — пояснил Марк.

— Это мне известно. Знаю я и то, что Стар ничего не удалось вытянуть из вас... Послушайте, Марк... Я всегда недолюбливал вас и охотно представил к повышению Бергстейна, сделав его вашим начальником, — думал, что работа КР после этого улучшится... Но вы не должны уходить в отставку, для вас есть работа здесь.

И он показал на дверь, ведущую в помещение за кабинетом.

— Разрешите идти? — спросил Марк.

— Да, пройдите туда. А если захотите поговорить со мной, я буду у себя. Только вряд ли этот разговор доставит мне удовольствие.

Марк неторопливо встал. Ему хотелось оттянуть время, подробнее расспросить Д. Но тот недвусмысленно дал понять, что не намерен объясняться с ним.

Пока Марк шел к двери, в его мозгу промелькнули разные предположения: что ожидает его в комнате за кабинетом? Может быть, газовая камера? Или его просто прикончат парни из Службы безопасности? А вдруг там Стар?

Но, войдя туда, Марк увидел только письменный стол, на котором лежала толстая папка с бумагами. Рядом с ней — графин с водой. Возле стола — стул. Больше там ничего не было. Даже телефона. Марк сел и раскрыл папку.

Через несколько секунд он вскочил, как ужаленный, и отшвырнул папку, словно это было раскаленное железо.

Когда-то, в незапамятные времена, Секретная служба была действительно секретной — настолько секретной, что ни один сотрудник не знал, чем занимается другой. Одни шпионы шпионили за другими, те в свою очередь шпионили за третьими, и в конце концов никто толком не понимал, чего ищет, а если бы кто-то что-то и нашел, то не понял бы, к чему все это.

Нередко возникали совершенно комедийные ситуации, когда А. выслеживал Б., Б. выслеживал В., а В. выслеживал Г., который выслеживал А. Это было бы смешно, если бы зачастую люди не жертвовали жизнью, пытаясь засечь телефонные разговоры каких-нибудь пустомель или засекретить информацию, опубликованную в технических журналах.

Появление электронного мозга коренным образом изменило это положение. Ибо «Гений» знал все. И «Гений» не болтал.

«Гением» называлась огромная электронно-вычислительная машина. В ячейках ее памяти, занимавших тысячи кубических метров, хранились все сверхсекретные материалы, касавшиеся современной цивилизации, причем аппарат поглощал эту информацию, но никогда не выдавал ее обратно. «Гений» был счетно-решающим устройством, а не справочной библиотекой. Он мог руководить операциями всей Службы безопасности, но давал только указания, а не информацию.

Однако последнее слово оставалось не за «Гением»: в конце концов это была только машина. Окончательное решение принимал начальник Службы безопас

ности. Правда, в девяти случаях из десяти он просто ставил печать на директивы, полученные от «Гения»; но, если они оказывались неприемлемыми, начальник должен был выявить ошибку и принять надлежащие меры.

Марк вспомнил один такой случай, когда «Гений» потребовал расстрела двадцати пяти человек, включая президента Соединенных Штатов. Эта директива представляла логическое заключение; основанное на анализе конкретной обстановки. Прежде всего надо было думать о войне с Меркаптаном, а контрразведка установила, что по крайней мере трое из этих двадцати пяти работали на врага. В любой момент они могли причинить огромный вред, и стоило расстрелять их всех, чтобы не тратить время на изобличение трех предателей или на доказательство того, что их действительно трое, а не больше. Это было бы единственно правильное решение.

Но С., тогдашний начальник Службы безопасности, понимал, что подобная операция, пусть даже оправданная обстоятельствами, породила бы больше проблем, нежели разрешила. Он предпочитал более гуманные меры.

А «Гению», разумеется, все это было безразлично, он никогда ни на что не реагировал.

«Гений» не сердился, когда начальник обращался к нему с таким вопросом: «Ты дал наилучший вариант решения. Но по причинам, которых тебе не понять, мы не можем воспользоваться им. Дай другой вариант».

Поскольку «Гений» хранил всю информацию внутри себя, Службе безопасности пришлось завести собственную картотеку. Но теперь ее можно было не показывать без особой надобности; больше никогда не воз-

никало путаницы или дублирования операций, проводимых различными отделами или сотрудниками, ибо «Гений» был в курсе всех дел и осуществлял координацию всех действий разведки.

Одновременно с заданием агент получал все необходимые сведения: ему не разрешалось самому копаться в сверхсекретных материалах. Но вместе с тем агентам не приходилось работать вслепую, так как начальники отделов передавали им все указания «Гения».

Эта система функционировала безотказно, пока два года назад начальником Службы безопасности вместо С. не был назначен Д.

Внимательно просмотрев документы, лежавшие в папке, Марк пришел к определенным выводам.

Прежде всего он понял, что Д. вовсе не собирается его уволить или разрешить уйти в отставку. Напротив, он ждет, чтобы Марк указал ему, в чем он, Д., поступил неправильно. И только поэтому ознакомил Марка со столь секретными материалами.

Было ли это проявлением доверия или отчаяния? Д. ничего не утаил от своего подчиненного. В папке лежали документы, отражающие всю печальную историю действий разведки за последние два года: сначала результаты были весьма значительны, затем — более или менее удовлетворительны, а под конец — совершенно плачевны.

Марк откинулся на стуле, закурил папиросу и пустил к потолку колечко дыма. Он не мог не признать, что Д. выказал немалое мужество, обратившись к неприятному для него человеку (который мог занимать его место!) с просьбой: «Просмотрите эти материалы и

скажите, почему я запарол работу. В чем была моя ошибка?»

«...Почему прежде Д. понизил меня в должности, поставив под начало Бергстейна, а теперь, спустя полгода, оказывает такое доверие?» — недоумевал Марк.

Но, знакомясь дальше с бумагами, находившимися в папке, он вскоре нашел ответ и на этот вопрос — свое личное дело.

Д. понизил Марка в должности потому, что полгода назад КР работала лучше других отделов разведки, но все же недостаточно хорошо. Однако с тех пор положение все ухудшалось, и в конце концов КР превратилась в самый отсталый отдел.

Между тем личное дело Марка Суона свидетельствовало, что все его действия были правильны: во всяком случае, он ошибался реже других. Не раз он с честью выходил из самых сложных ситуаций. Неоднократно ему случалось указывать начальству на ошибочность той или иной операции КР, и всякий раз он оказывался прав.

Вероятно, Д. нелегко было обратиться за помощью к Марку, но иного выхода он не видел. Какое бы решение ни принимал Д., оно оказывалось неправильным. А тот, кто мог бы хорошо руководить Службой безопасности, продолжал оставаться в тени.

Человеческие чувства не были чужды Марку, и потому он удовлетворенно ухмыльнулся.

Д. дал Пауле поручение проверить благонадежность Марка; он сделал последнюю отчаянную попытку обнаружить в своем подчиненном нечто такое, что исключило бы возможность обратиться к нему за советом. Но Стар лаконично отрапортовала: «Ничего не вышло. Он сразу раскусил меня».

Устремив взгляд в потолок, Марк подвел итоги.

Во-первых, кризис оказался куда более серьезным, чем можно было предположить. Понимая, что кризис нарастает, Д. делал тщетные усилия предотвратить его. По существу, за последнее время не поступало никаких сведений о Меркаптане. Шпионы и диверсанты оставались неопознанными, их действия — нераскрытыми. Арестовывали невинных людей, а преступники разгуливали на свободе. Все отделы работали из рук вон плохо.

Во-вторых, Д. прекрасно понимал, что при существующем положении наиболее слабым звеном в разведке, по-видимому, является он сам. Он делал все возможное, чтобы наладить ее работу, кроме одного — передачи своих полномочий другому человеку. Об этом он не думал.

В-третьих, поскольку Служба безопасности не могла ни прекратить свое существование, ни обратиться за помощью к кому-нибудь постороннему, приходилось делать вид, что все обстоит благополучно, и мириться с тем, что работа шла все хуже и хуже.

Обдумывая все это, Марк вспомнил случай на Военно-морской верфи и стал снова перелистывать бумаги, чтобы найти документы, относящиеся к этому делу.

Он внимательно прочел рапорты, затем открыл дверь в кабинет Д. Тот поднял голову от стола, искоса взглянул на Марка и глухо спросил:

— Ну, что вы скажете?

Марк решил не выкладывать всех своих соображений. Он только заметил:

— Мне кажется, вам следовало сделать одну попытку, но вы ее не сделали.

— Что именно?

— Выключить «Гения» и принимать решения самостоятельно.

— Но это невозможно!.. Немыслимо!.. Что бы там ни было, «Гений» не может ошибаться. Я сам ежедневно контролирую правильность его работы, давая ему комплекс математических и логических задач.

— Может быть, «Гений» и годен для решения математических и логических задач, но не годен для работы в разведке.

— Но ведь до сих пор он справлялся с этой работой.

— А теперь не справляется.

— Если это все, что вы можете мне предложить... — холодно начал Д., но осекся, вспомнив, как часто события подтверждали правоту Марка.

— Нет, еще не все, — возразил Марк. — Я хотел бы знать, раз уж вы нашли нужным ввести меня в курс дел: чего вы от меня ждете и какие даете полномочия?

Сделав над собой явное усилие, Д. с трудом произнес:

— Предоставляю вам полную свободу действий.

— В таком случае мне надо поговорить с С.

— Как раз этого вы не должны делать. С. в отставке. Он больше не сотрудник разведки.

Марк усмехнулся.

— Старику известно столько государственных тайн, что ничего не случится, если он узнает еще одну. Ведь вы же не станете отрицать, что при нем разведка работала совсем не плохо?

— Пожалуй, — неохотно согласился Д., и Марк догадался, о чем тот подумал: Д. никогда не был высокого мнения о методах работы С. и, став начальником Службы безопасности, льстил себя надеждой, что при нем разведка будет работать значительно лучше,

чем прежде. Теперь он вынужден был сознаться, что, видимо, С. неплохо справлялся со своими обязанностями.

— Ладно, поступайте, как находите нужным, — раздраженно произнес Д., не подымая глаз от разложенных на столе бумаг.

— И еще одно, — продолжал Марк. — Если вы считаете, что с «Гением» все в порядке, как тогда объяснить случай на Военно-морской верфи?

— А что тут объяснять?

— Сейчас я выяснил, что дестабилизатор был обнаружен в кожухе одной из машин, после того как она прошла очередную проверку. Знай я это раньше...

— Если вы предполагаете, что его поместили туда техники, обслуживавшие машину, вы ошибаетесь, — не без злорадства прервал Д. — Их там всего трое, и они работают на верфи под надзором представителя Службы безопасности.

— Вот именно.

— Что вы хотите этим сказать?

— Командованию Военно-морской верфи было известно, что во время очередной проверки машины дестабилизатора в ней не было. Поэтому, когда приступили к поискам, туда никто не заглядывал. В конце концов его обнаружили там, где меньше всего ожидали найти. Вы считаете, что это случайность? По моему — нет. *Дестабилизатор положил в машину тот, кто знал, что там его искать не станут...* Между тем «Гений», располагавший всеми этими данными, определил, что дестабилизатор установлен кем-то из семнадцати посетителей верфи, то есть одним из тех, кто, по всей вероятности, даже понятия не имел, что эта машина недавно прошла очередную проверку...

— Но разве не мог один из них получить приказ поместить дестабилизатор в машину?

— Разумеется. Но приказ исходил от настоящего диверсанта — кого-то из служащих Военно-морской верфи. А «Гений» этого не учел.

— Я тоже не подумал об этом, — тихо произнес Д. Марк поднялся и, глядя начальнику в глаза, сказал:

— Да. Вы тоже не подумали об этом.

Марк мог тотчас же пойти к С., но отложил свое посещение до следующего дня, потому что это была суббота и он надеялся застать Паулу дома. Вообще же уик-энд — неподходящее время для расследований, проводимых Службой безопасности. Рабочее напряжение к концу недели спадает, бдительность ослабевает и у сотрудников пропадает желание обсуждать текущие дела, а тем более неудачи и злоключения прошедшей недели. Человек, который в среду охотно выложил бы свои горести сочувствующему слушателю, в субботу от всего отмахнется и переведет разговор на другую тему.

Расчет Марка оказался точным. Паула была в плавательном бассейне. Увидев Марка, она вылезла из воды, отряхнулась и сняла резиновую шапочку.

— Когда я последний раз приходил сюда, ты была без купального костюма, — напомнил ей Марк.

— Не надо больше говорить о том, где и когда вы видели меня без костюма, — засмеялась Паула. — Вы пришли по делу?

— Мне хотелось бы поговорить с твоим отцом.

— А-а, — протянула девушка с таким разочарованным видом, что Марк снова подумал: «Вряд ли из нее получится хороший агент... Уж слишком она непосред-

стенна — разве что со временем приучится скрывать свои чувства...»

— И, конечно, я хотел повидать тебя, — вежливо добавил он.

— Отец дома.

— Мне некуда торопиться.

— Вы, значит, не работаете?

— Почему ты так решила?

— Так... — Паула запнулась и умолкла.

Марк засмеялся:

— Ни твой отец, ни я никогда не принадлежали к сверхосторожным сотрудникам разведки, подобным Д. Я не боюсь обсуждать некоторые вопросы с тобой, и тебе незачем остерегаться меня. Я ни на секунду не допускаю мысли, что ты подкуплена Меркаптаном.

— А вас самого кто-нибудь пытался подкупить?

— Конечно. Дважды. Обоих расстреляли.

— Это были предатели или меркаптанцы?

— Разведывательная служба Меркаптана никогда не пользуется собственными шпионами. Она предпочитает подкупать жителей Земли. К сожалению, это легко удается.

Она расстелила полотенце и уселась на него.

— Почему же, Марк? Почему люди так просто становятся предателями?

— Да ведь это такая война, которая ведется на колоссальном расстоянии, почти теоретически. Мы никогда не видели воздушного боя наших космических кораблей, потому что единственные меркаптанские звездолеты, которые когда-либо отваживались проникнуть в солнечную систему, — это разведчики. Они появляются и исчезают, как тени. В сущности, это вообще нельзя считать войной. Кажется, ни один житель Зем-

ли не был убит, даже вблизи от Меркаптана. Такой конфликт больше похож на игру в шахматы, чем на настоящую войну.

— Понимаю. Это не та война, в которой участвует весь народ... Нет ощущения опасности, никого не убивают... И люди не видят причины, почему бы им не подработать, если подвернулся легкий заработок. Так?

— Совершенно верно.

— Значит, вот почему у разведки всегда столько дел... Марк, о чем вы думаете?

— О том, что я неправильно вел себя в тот вечер, когда встретил тебя в баре. Если бы я проявил тогда должную настойчивость, мы были бы уже женаты.

— Вы так считаете? — невозмутимо ответила она. — Но ведь я же тогда предупредила вас, что... я... не...

— И все же, судя по твоему поведению, я мог бы действовать смелее.

— Пожалуй, — к немалому его удивлению, согласилась Паула. — Но ведь я вела себя так только потому, что это были вы.

— Что это значит?

— Вы сами сказали, что моего отца нельзя считать сверхосторожным человеком... И я много слышала о вас... А когда я была маленькой, вы были моим героем.

— А теперь, когда ты выросла, все изменилось?

— Отец говорит, что, если выстроить перед вами двадцать человек, которых вы никогда прежде не видели, вы сразу определите, кто из них шпион.

Марк усмехнулся.

— Ну, это, конечно, преувеличение. Но, если учесть то, о чем мы сейчас говорили, изобличать шпионов не так уж трудно.

— Почему?

— Да потому, что в этой войне большинство шпионов — просто любители, полушпионы, полудиверсанты. Не то что настоящие, профессиональные шпионы прежних времен, когда войны велись на коротких дистанциях... Им не хватает выдержки, они недостаточно осторожны и слишком открыто тратят полученные деньги.

Увидев С., который вышел из дома и приближался к ним, Марк неохотно прервал разговор с девушкой.

— Не уходи, — попросил он ее. — Я скоро вернусь.

Несмотря на преклонный возраст, С. был строен и держался очень прямо.

— Марк! — воскликнул он. — Что привело вас к нам?

— Неприятности, — ответил Марк, крепко пожмая ему руку. — Но, если бы я раньше был знаком с Паулой, мне не пришлось бы дожидаться неприятностей, чтобы навестить вас.

И он вкратце рассказал старику обо всем, что творилось в разведке.

С. был возмущен; его любимое учреждение в таком скверном состоянии, и никто до сих пор не обратился к нему за советом!

— Во всем виноват молодой Дрейтон, — заявил С. — Ладно, буду называть его Д. Я считал, что на мое место должны были назначить вас. Ведь Д. олух.

— Может быть, Д. отчасти и виноват, — осторожно возразил Марк. — Но дело не только в нем... Скажите, С., как по-вашему, можно ли оказать какое-либо влияние на «Гения»?

— Нет, никоим образом, — решительно произнес С. Но, когда Марк подробно рассказал о случае на Военно-морской верфи, он нахмурил брови и погрузился в раздумье.

— В мое время «Гений» никогда не сделал бы подобной ошибки, — спустя минуту сказал С. — Все это нужно хорошенько обсудить. Вам известно, Марк, почему я хотел, чтобы моим преемником были вы, а не Д.?

Марк отрицательно покачал головой.

— Вы и он во всем противоположны друг другу. Д. осторожен, предусмотрителен, настойчив. Вы небрежны, порой даже опрометчивы. Им руководит рассудок — вы действуете по наитию. А я, зная, что человеку, который сменит меня, придется работать с «Гением», предвидел, что Д. будет всецело полагаться на электронную машину и доверять только ей (и ведь так оно и есть!). А вы отвели бы «Гению» только вспомогательную роль. Иначе говоря, Д. чересчур надеется на «Гения», а вы недостаточно верили бы ему.

— Пожалуй, вы правы, — согласился Марк.

— Я предпочел бы вас потому, что вы человек гибкий. Не то что Д. Если б вы увидели, что для вас выгоднее более тесный контакт с «Гением», то сразу перестроили бы свою работу. И в любом случае не потерпели бы неудачи, потому что таким, как вы, это несвойственно. А Д. — типичный неудачник. Его действия всегда обречены на провал, если только рядом с ним нет человека, который направляет его на верный путь.

— Как бы то ни было, начальник Службы безопасности — Д., а не я, — улыбнулся Марк. — Но вернемся к «Гению». Допустим, что кто-то сумел на него воздействовать. Каким образом можно было бы это осуществить?

— Во всяком случае, не через техников, — ответил С. — Они не обслуживают вычислительную машину в одиночку. Это мог сделать лишь начальник какого-нибудь отдела. Ведь только они имеют постоянный доступ к «Гению».

— Все это маловероятно, — задумчиво сказал Марк. — И тем не менее кто-то вывел его из строя... Я надеюсь, мне удастся уговорить Д., чтобы он разрешил мне самому проверить машину.

— Это ровно ничего не изменит.

— Почему?

— Разве вы не знаете, что «Гений» не дает никакой информации?

— Конечно, знаю... Я ведь сам был раньше начальником отдела. Послушайте, С., вы лучше всех разбираетесь в «Гении». Как по-вашему, нельзя ли обмануть его и получить от него информацию под видом директивы?

— Нет, — твердо заявил С. — Если поставить перед «Гением» подобную задачу, он просто не сработает — не даст никакого заключения.

— Ну, ладно, значит, такая возможность отпадает... Но это еще ничего не доказывает — с машиной могли что-то сделать... Только я пока еще никак не соображу, что именно... Нельзя ли, скажем, повлиять на «Гения», поставив перед ним задачу таким образом, будто от него хотят получить какую-то информацию?

— Понимаю, к чему вы клоните. Но снова повторяю: дело не в этом. И, судя по тому, что вы мне рассказали, «Гений» ведь продолжает функционировать и давать вам директивы, только директивы эти неправильные.

— Значит, все сводится к тому, что материал, попавший когда-либо в ячейки памяти «Гения», уже не исчезает из них? И если кто-нибудь снабдит его ложными сведениями, они будут вечно храниться у него? И мы так и не сможем выяснить, в чем тут дело, потому что «Гений» никогда не выдаст нам эту ложную информацию?

— Не совсем так. «Гений» непрерывно производит уничтожение или пополнение некоторых устаревших данных. И, если при этом обнаруживается какое-нибудь несоответствие, он всегда сам задает вопросы.

— Следовательно, «Гения» нельзя намеренно вывести из строя, представив ему ложную информацию?

С. задумался.

— Вы считаете, что вы на верном пути, и надеетесь выяснить, что случилось с «Гением»? Что ж, может быть, вам это и удастся. Попробуйте... Конечно, имея дело с вычислительной машиной, всегда следует помнить, что она лишена глаз и ушей и не может знать того, чего вы ей не сообщите. И, помимо всего, будь вы даже экспертом-кибернетиком, вы всегда можете дать «Гению» ошибочную информацию или плохо сформулировать задание. И тогда он выдаст неправильное решение. Таким образом, можно получить невразумительный ответ даже без всякой преднамеренной попытки запутать электронный мозг.

— Значит, можно допустить, что «Гения» сбили с толку случайно? Тогда предположим, что он уже давно

неправильно зарегистрировал какой-то чрезвычайно важный факт... Разве нельзя допустить, что...

С. покачал головой.

— Наш «Гений» — не обычный электронный мозг. Он точно знает, какие факты можно считать невероятными или невозможными, и всегда сам производит перекрестную проверку. Попробуйте заставить его записать, то есть принять на веру какие-нибудь данные, не соответствующие истинному положению дел, — он закидает вас вопросами. Кроме того, учтите, Марк, что, хотя ни одна наша информация, сообщенная «Гению», не регистрируется, записи его вопросов и ответов сохраняются навечно. Я подчеркиваю: ответы «Гения» на наши вопросы, а не ответы сотрудников на вопросы «Гения».

— Ясно, — ответил Марк и продолжал разочарованным тоном: — Значит, нельзя продолжительное время снабжать «Гения» ложной информацией. Даже если он примет какие-либо данные безоговорочно, потом он все равно поставит дополнительные вопросы, и в конце концов ложные сведения будут уничтожены.

— Да, — задумчиво подтвердил С. — Вам, может быть, удастся один раз подsunуть «Гению» важный, но неправильный факт. И пройдет некоторое время, пока он выявит эту ложь. Но я просто не представляю себе, как «Гений» может зарегистрировать в ячейках памяти ложную информацию и выдать по этому поводу свое решение, а после не выявить и не исправить ошибки.

— Это надо хорошенько обдумать, — ответил Марк. Несколько минут они молчали.

— Знаете что? — внезапно воскликнул С. — Вы можете сделать одну простую вещь — проверьте благонадежность самих начальников отделов. Если кто-то из

них предатель, вы тотчас почувствуете это и сумеете разоблачить его. Но все же я считаю, что работа разведки не наладится до тех пор, пока оттуда не выкинут молодого Дрейтона.

Марк поблагодарил С. и поспешил к бассейну. Паулы уже не было, но она оставила записку:

«К сожалению, мне надо уходить. Можете ли вы встретиться со мной завтра, в два часа? Приходите прямо сюда, если, конечно, у вас будет желание...»

У Марка, конечно, было желание, и на следующий день он пришел ровно в два часа.

В понедельник утром Марк явился на работу в обычное время, хотя и не был уверен в своем служебном положении. Полагая, однако, что он уже не является заместителем Бергштейна, Марк прошел прямо к Д.

Весь стол был завален рапортами агентов и желтыми бланками — директивами «Гения». Д. оторвался от бумаг. У него было бледное, усталое лицо.

— Ну, как, были у С.? — спросил Д.

— Был.

— Что же он сказал?

Марк заколебался. Как ни странно, он больше не ощущал неприязни к Д. Больше всего он не любил начальника за его непоколебимую самоуверенность. А в последнее время она совсем не ощущалась. Решение Д. обратиться за помощью к человеку, которого он не любил, и вручить ему свою судьбу (как бы поздно это ни было сделано) свидетельствовало о смирении и величии души. Марк никогда и не подозревал, что у его шефа могут проявиться такие качества.

— Не старайтесь быть вежливым, — произнес Д. со

слабой улыбкой. — Вероятно, С. сказал, что работу разведки не наладить до тех пор, пока меня не выкинут?

Марк даже подскочил — настолько точно Д. воспроизвел слова их бывшего начальника, — но тут же вспомнил, как Паула вначале показалась ему слишком непосредственной, чтобы стать хорошим агентом разведки.

— Значит, он сказал именно так? — продолжал Д. — Что ж, возможно, он прав... Только теперь я понял, Марк, почему я всегда недолго любил вас и С. Ни вам, ни ему никогда не приходилось тратить время на то, чтобы найти правильное решение... Я считал, что вам обоим очень везло.

— Послушайте, Д., — Марк перевел разговор на другую тему. — С «Гением» что-то не в порядке, я уверен в этом. С. думает, что техники тут ни при чем. С вашего разрешения, я проверил бы благонадежность всех начальников отделов — единственных, кто имеет постоянный доступ к «Гению».

Д. махнул рукой.

— Пожалуйста. Делайте все, что находите нужным. А потом зайдите ко мне.

Марк не стал проверять Бергстейна. Если можно было подозревать кого-то из начальников отделов, то только такого, с кем он, Марк, никогда не имел дела, иначе он давно почувствовал бы что-то неладное. Поэтому он провел краткие беседы с теми, кого еще не знал, представившись им как новый помощник Д. и таинственно намекнув на ожидаемую в ближайшее время реорганизацию Службы безопасности.

Все это были только предварительные разговоры, чтобы получить некоторое представление о людях, намеченных для настоящей проверки. Но Марк никак не

мог сосредоточиться: его неотвязно преследовала мысль о Д.

Почему тот ни о чем не спросил его? Не поинтересовался, что именно он собирается делать и как долго намерен производить проверку?.. Д. сказал только: «Делайте все, что найдете нужным, а потом зайдите ко мне...»

И вот, не закончив разговора с начальниками отделов, Марк бросился в кабинет шефа. То, что он увидел, не было для него неожиданным.

Д. лежал ничком поперек письменного стола. В виске у него зияла рана, рука все еще сжимала револьвер.

Марк не кинулся к телефону. Правда, Служба безопасности имела собственное небольшое полицейское отделение, так что сюда не могла ввалиться орава полицейских, не связанных с разведкой. Но Марку хотелось хорошенько разобраться во всем самому, прежде чем передать дело в чужие руки.

Среди разбросанных на столе бумаг лежал отчет о происшествии на Военно-морской верфи, к которому были подшиты соответствующие директивы «Гения». Другой документ относился к событиям на Меркаптане, которые «Гений» расследовал, погубив при этом трех агентов Земли. Результаты расследования не представляли никакого интереса. В третьем протоколе речь шла о роспуске всего вашингтонского отделения Службы безопасности — по директивам «Гения». Впоследствии оказалось, что все подозреваемые «Гением» сотрудники Службы безопасности невиновны, а шпионом был один из охранников.

Другие материалы относились к различным инци-

дентам, по поводу которых «Гений» давал директивы, а Д. выполнял их. Потом выяснялось, что «Гений» ошибался. И все это были как раз такие случаи, когда начальник Службы безопасности мог и должен был усомниться в указаниях «Гения», а затем обязан был найти другое решение.

На столе лежал и рапорт Д., в котором он докладывал, что не сумел справиться с возложенными на него обязанностями. Из этого донесения Марк понял, почему шеф никак не реагировал на его заявление о том, что «Гений» дает неверные директивы. «Гений» действительно был не в порядке, но это отнюдь не снимало ответственности с Д.

И в конце концов Д., вероятно, понял, что неизменно правильные действия Марка Суона и С. объяснялись не только тем, что им обоим всегда везло...

Марк терпеливо ждал, пока три охранника придирчиво проверяли его удостоверение личности, а потом, пропустив, закрыли за ним двери.

Впервые за последние семь месяцев, с тех пор как Д. снял его с должности начальника отдела КР, сделав заместителем Бергстейна, Марк оказался наедине с «Гением».

Теперь Марк явился сюда как начальник Службы безопасности.

Буре, вызванной самоубийством Д., не дали разбушеваться. Когда С. спросили, что он думает обо всем этом, старик сразу напомнил, как, уходя в отставку, он рекомендовал на свое место Марка Суона и резко противился назначению на этот пост Д. Его слова были запротоколированы. Нашли документы, показывавшие, как плохо Д. руководил работой Службы безопасности

(в чем он вынужден был под конец признаться сам), а также материалы, подтверждавшие неизменную правильность действий или соображений Марка.

Назначение Марка Суона начальником Службы безопасности произвело ошеломляющее впечатление — в Вашингтоне все содрогнулись. Один фельдмаршал, в свое время поддерживавший кандидатуру Д., как человека более надежного и более уравновешенного, чем Марк, отныне получил возможность посвятить все свое время управлению фермой в Новой Англии.

Однако Марк не испытывал душевного подъема и отнюдь не злорадствовал. Он не страдал манией величия и предпочел бы работать под руководством С., вместо того чтобы самому нести всю ответственность.

Бесспорно, очень приятно получать со всех сторон потрясающие знаки доверия, но ему была хорошо известна и обратная сторона медали: если работа разведки не наладится, сразу же потребуют другого начальника.

Разглядывая серые панели управления и клавишное устройство «Гения», Марк внезапно подумал: а не враг ли перед ним?

После самоубийства Д. все сотрудники, так или иначе связанные с шефом, считали, что его поступок, несомненно, изобличал профессиональную несостоятельность, но что в самой разведке все обстояло благополучно.

Так думали все, кроме С.

Он сказал Марку:

— Вам выпала нелегкая задача, мой мальчик. Теперь волей-неволей придется последовать совету, который вы дали в свое время Д., — выключить «Гения» и командовать парадом самому.

Именно так и поступил Марк.

Он уселся перед клавиатурой аппарата и отстукал краткое сообщение: «Назначен новый начальник Службы безопасности. Отныне директивы должны направляться М.»

«Гений» принял это известие с полным равнодушием. Личности не имели для него никакого значения. Он не осведомился, что произошло с Д. и кто такой М.

Не сводя глаз с сигнальной панели, Марк припомнил свой разговор с С. Сейчас «Гений» принял его информацию, не задав ни единого вопроса. Чем это объяснить? Все директивы теперь нужно направлять М. Может быть, «Гению» уже передали какие-то сведения, предупредив, что их нельзя разглашать даже косвенно, в форме вопросов или указаний?.. Нет, ибо встроенный секретный экран «Гения» нельзя было изменить. «Гения» невозможно было заставить выдать информацию, которая не предназначалась для обнародования, или скрывать то, чего не следовало засекречивать.

«Гений» был машиной. Он обладал только одним инстинктом, если можно так назвать заложенный в его конструкции принцип целесообразности, — инстинктом наивысшей эффективности действия. Он стремился функционировать наилучшим образом, потому что таково было его устройство. Другой цели у него не было. И ничто другое не интересовало его.

Итак, Марк начал передавать информацию.

Информация. Закончено следствие по делу на Военно-морской верфи. Диверсант — флотский техник. Снят с должности.

Вопрос. Рекомендуются ли какие-нибудь изменения в организации отделения Службы безопасности на Военно-морской верфи?

Ответ был адресован начальнику Службы безопасности М.: «Нет».

Марк знал, что «Гений» больше никогда не коснется случая на Военно-морской верфи или сделает это косвенным образом в том случае, если представленная ему новая информация будет противоречить той, что содержалась в ячейках его памяти.

Марк напечатал снова:

Вопрос. Альберт Кемп, бывший начальник отдела кадров, погибший полтора года назад в автомобильной катастрофе, ныне подозревается в том, что был агентом Меркаптана. Твое заключение.

«Гений» развил бурную деятельность. Одновременно застрекотало четыре блока.

Получив однажды какую-нибудь информацию, «Гений» больше не требовал ее повторения. И теперь вычислитель автоматически раскладывал все полученные ранее от бывшего начальника отдела кадров вопросы и информацию, а также выданные тому директивы и запротоколированные результаты предпринятых им действий — под рубрикой «Кемп».

«Гений» рассматривал Кемпа только как рабочую единицу и определял, был ли тот эффективно функционировавшей единицей или нет, точно так же как это делает прибор, проверяющий качество транзисторов, — признает их годными или бракует.

«Гения» не тревожили вопросы о назначениях или увольнениях. Стоило человеку сделать маленькую ошибку, хотя бы даже в машинописном тексте, как «Гений» относил его к числу непроизводительных единиц, подлежащих отчислению.

Марк не спешил ознакомиться с ответом «Гения», ему хотелось еще раз все обдумать.

Он не подозревал какого-нибудь из начальников отделов. Но Кемп погиб вскоре после того, как «Гений» начал давать странные директивы... Могло ли случиться, что Кемп был подкуплен и работал по заданию Меркаптана... а затем его ликвидировал кто-то из вражеских агентов?

Четыре блока «Гения» щелкнули и остановились. Марк подошел к первому аппарату и прочел запись. Это оказался целый ряд вопросов, сводившихся к одному: какие основания имеются для того, чтобы подозревать Кемпа? «Гений» давал длинный перечень пунктов, по которым требовал специальной информации. Разведка на этот счет располагала скудными сведениями, и «Гений» знал это. Хотя он всегда мог дать какое-либо промежуточное решение, основанное только на имевшихся у него материалах, «Гений», видимо, считал бесполезным задать дополнительные вопросы, предполагая, что некоторые сведения не были представлены ему только потому, что не учли их значения. Он никому не доверял определять, насколько важно то или иное событие; ему были нужны все подробности.

Второй аппарат задал ряд вопросов, основанных на предположении, что Кемп был шпионом, то есть плохо функционировавшей рабочей единицей.

Просмотрев этот список, Марк отложил его, чтобы попозже тщательно изучить.

Все эти вопросы являлись примером того, как «Гений», не сообщая секретных данных прямо, мог дать их в косвенной форме: по этим пунктам когда-то представлял информацию сам Кемп. Теоретически допуская, что тот мог быть преступником, «Гений» проверял полученные от него сведения.

Но Марк сразу понял, что провести «Гения» было совсем не просто. Машина формулировала вопросы таким образом, чтобы нельзя было определить, какие сведения передал ей в свое время бывший начальник отдела кадров. «Гений» спросил:

Сколько агентов Службы безопасности работает в разведке?

Сообщите подробно результаты ежемесячной проверки личных дел сотрудников.

Перечислите неудавшиеся попытки подкупа работников разведки.

Назовите всех избличенных предателей, работавших в разведке.

Перечислите всех уволенных из Службы безопасности.

Сообщите подробно все, что известно о бывших сотрудниках разведки, находящихся в настоящее время в отставке.

Укажите все изменения в штатах за последние три года.

Все эти вопросы не давали никаких указаний на сведения, полученные когда-то от Кемпа. Это был способ проверки «Гением» ранее представленной информации, которая оставалась засекреченной.

Третий аппарат перечислил по кодовым номерам все задания Службы безопасности, выполнение которых было бы затруднено, если бы Кемп действительно работал на Меркаптан. Это являлось предварительной проверкой. «Гений» выдал краткий перечень операций, взятых в личных делах сотрудников, который можно было бы значительно расширить.

Четвертый аппарат коротко заявил, что Кемп не был диверсантом. Это и было промежуточное заклю-

чение, показывавшее, что перекрестная проверка не подтвердила виновности Кемпа, чего и следовало ожидать, потому что в противном случае «Гений» уже давно сделал бы окончательное заключение и проверил бы с помощью Д. все сведения, сообщенные Кемпом.

Марк не ответил ни на один вопрос «Гения». Это было не к спеху. Он погрузился в размышления, не сводя взгляда с гладких панелей машины.

Насколько он понимал, «Гений» работал безупречно. Он задал все вопросы, которые ему надлежало задать.

Может быть, он хотел усыпить бдительность нового начальника Службы безопасности, чтобы сначала завоевать его доверие, а затем погубить — так же, как погубил Д.?

Марк жил в ожидании неприятностей, однако ничего не произошло. Напряжение разрядилось, и постепенно во всех отделах крепла уверенность в том, что Служба безопасности теперь на верном пути. Марк поступал так: сначала принимал решение, затем сообщал его «Гению» и спрашивал его заключение. Почти всегда оно совпадало с мнением Марка, кроме тех редких случаев, когда любой электронно-вычислительный прибор дал бы только практически неприемлемый ответ.

К сожалению, такой метод работы нельзя было применять постоянно. Марку пришлось убедиться, что С. был прав, когда говорил: машина эта не роскошь, а необходимость. Координация всех действий разведки была не под силу не только одному человеку, но даже множеству людей.

Временно Марк ограничил деятельность разведки

такими операциями, которые можно было проверить. И мало-помалу работа стала налаживаться, подобно тому как стихает мятеж в городе, где вводится военное положение. Однако нельзя бесконечно применять суровые военные меры, поэтому и разведка не могла достичь максимальной эффективности без электронного мозга.

Таким образом, необходимо было выяснить, в чем заключалась неисправность «Гения», чтобы не получать в будущем ошибочных директив.

Марк вывел Паулу из числа оперативных работников и сделал ее своим секретарем. Теперь в разведке установилась еще более непринужденная атмосфера, нежели при С. Марк руководствовался принципом: подобрав каждому сотруднику подходящую должность, предоставить ему самостоятельность. Но те, кому это требовалось, всегда могли обратиться к нему за помощью.

Через шесть недель после того, как Марк получил новое назначение, он женился на Пауле. Пока она еще продолжала работать у него секретарем.

Однажды, видя, что Марк в течение целого часа сидит совершенно неподвижно, Паула заинтересовалась, о чем он думает.

— Я думаю о том, что следовало бы выгнать Бергштейна, — ответил Марк. — Но мне не хочется, чтобы это показалось сведением каких-то личных счетов. А ведь он типичный ставленник Д., негибкий, лишенный воображения тупица с логарифмической линейкой в одной руке и перечнем инструкций в другой...

Подумав немного, Паула снова заговорила:

— Не сделать ли ему сначала предупреждение? Показать, как плохо работает КР по сравнению с дру-

гими отделами, и намекнуть, что если КР не подтянется, его уволят?

— Видимо, так и придется сделать, — согласился Марк. — Вызови его, пожалуйста.

Когда Бергстейн явился, Марк попросил Паулу оставить их наедине. Он предпочел бы, чтобы она присутствовала при разговоре, но считал неудобным распекаать подчиненного при секретаре.

— Вот что, Бергстейн, — начал Марк. — Я не хочу причинять вам зла, чтобы не подумали, что у меня против вас зуб еще с тех пор, когда Д. сделал вас моим начальником... Но ведь в настоящее время КР — самый отсталый отдел.

— Знаю, — удрученно ответил Бергстейн.

— Знаете? — удивился Марк.

— Этого следовало ожидать, поскольку мне теперь не разрешается советоваться с «Гением».

Бергстейн больше ничего не мог сказать в свое оправдание.

— Другие начальники отделов тоже не советуются с «Гением», — возразил Марк. — Однако у них все в порядке.

— Может быть, в других отделах нет такой потребности в «Гении», как в контрразведке.

— Допустим, — сказал Марк. — Слушайте, Бергстейн, ведь вам известно, что «Гений» давал Д. неправильные директивы. И мы до сих пор не можем понять, почему это происходило. А пока не выясним, ему нельзя доверять. Д. всецело полагался на «Гения», и это его погубило.

— А разве нельзя приобрести другую электронную машину?

Марк усмехнулся.

— Сомневаюсь, поскольку за нашего «Гения» заплатили двадцать миллионов долларов. И никто не может доказать, что он неисправен... Вот как мы сделаем, Бергстейн. Вы дадите мне все вопросы, с которыми хотите обратиться к «Гению», а я перешлю вам его ответы. Я считаю необходимым поступить так не потому, что не доверяю вам, а потому, что «Гений» все еще под большим подозрением и я не хочу, чтобы сотрудники слепо следовали его указаниям. Если какая-нибудь директива «Гения» покажется мне странной, мы обсудим ее вместе с вами.

— Ладно, — Бергстейн встал и направился к выходу, но, немного поколебавшись, обернулся и сказал:

— М., вы вызвали меня, чтобы предупредить, не так ли? Позвольте и мне предостеречь вас... Вы обычно действуете по наитию. Я признаю этот метод. Но нельзя строить всю работу разведки на вашей личной, пусть даже безукоризненной интуиции. Среди нас есть тугодумы, осторожные и медлительные люди, которые верят только своим глазам. Нельзя отвергать и их методы работы... Д. был бы прекрасным начальником Службы безопасности, если б его не подвел «Гений».

— Вернитесь и сядьте! — приказал Марк. — Вы ведь хорошо знали Д.? Как вы считаете, почему он завалил работу?

— Может быть, потому что чересчур полагался на «Гения». Мне известно, однако, что и у Д. временами возникали сомнения. Но все же он утверждал, что «Гений» не может ошибаться.

— А я всегда принимаю любую его директиву с учетом того, что машина может быть неисправной, — задумчиво произнес Марк. — Хотя, если говорить со-

вершено откровенно, с тех пор как меня поставили во главе Службы безопасности, я ни разу не обнаружил ни малейших признаков неисправности «Гения»... Вы хотите пользоваться им? О'кэй, действуйте. А я буду судить по результатам. Если с помощью «Гения» вам удастся наладить работу контрразведки, — прекрасно. Если же нет...

— Ясно, — угрюмо отозвался Бергстейн. — Можете не договаривать...

После ухода Бергстейна Марка охватило какое-то смутное беспокойство. Он и сам не понимал, чем оно вызвано. Может быть, той же причиной: так и не установлено, что же произошло с «Гением». Марка не покидало ощущение, будто под него подложена бомба.

Но разведка нуждалась в «Гении». Рано или поздно Марку пришлось бы прибегнуть к нему независимо от того, будет ли выяснена причина «психоневроза» вычислительной машины и поправится она в конце концов или нет...

Неужели «Гений» поступит с Марком так же, как с Д.? Вернулась Паула, мельком взглянула на мужа и молча села за стол. Через некоторое время Марк очнулся.

— Паула, предположим, ты диверсант. Твоя задача — вывести из строя «Гения». Как бы ты это сделала?

— Думаю, что так же, как это было сделано на Военно-морской верфи. Бомбы я не применила бы. Ничего такого, что могло бы броситься в глаза. Я использовала бы дестабилизатор, вызывающий незаметные повреждения в течение длительного времени, и не стала бы устраивать аварию, которую легко обнаружить.

Марк кивнул головой. — Обычная тактика Меркаптана... Но как ты смогла бы испортить машину?

— Вот это тебе и придется установить...

— «Гений» никогда не делится полученной информацией, — пробормотал Марк. — Машина терпелива, ее ничто не интересует, кроме точной и бесперебойной работы... Она ничего не знает об отдельных личностях... о персонале разведки...

Он вскочил.

— Паула! — воскликнул он взволнованно. — Кажется, я понял! Как же это раньше мне не пришло в голову поставить себя на место агента Меркаптана!

— Что же ты понял?

— Что случилось с «Гением». И, если это действительно так, он снова будет работать безупречно.

— Ну, значит, можешь больше не терзаться, — заключила практичная Паула.

— А вдруг я ошибаюсь?

— Ты у меня почему-то никогда не ошибаешься!

Но у Марка не было настроения шутить. Он продолжал развивать свою мысль:

— Послушай-ка, Паула... Давай рассуждать так: время ровно ничего не значит для «Гения». Ему безразлично все, кроме эффективной работы. Он не разглашает полученную информацию и только задает вопросы. Если в разведку проник диверсант, — это мог быть только Кемп, бывший начальник отдела кадров... Когда я сказал «Гению», что Кемп под подозрением, он задал мне кучу вопросов. Сколько агентов Службы безопасности работает в разведке? Каковы результаты ежемесечной проверки благонадежности персонала? Сколько зарегистрировано безуспешных попыток подкупа сотрудников разведки? Сколько было выявлено предателей в разведке? Кто был уволен из разведки? Что известно о бывших работниках разведки,

находящихся в настоящее время в отставке? Какие изменения произошли в штатах за последние три года?..

— Довольно, Марк, пощади! — взмолилась Паула.

Марк взял ее за руку и повел к «Гению». В контрольно-пропускном пункте ему пришлось подписать три экземпляра специального пропуска для Паулы.

На одной из клавиатур он напечатал несколько слов и стал ждать.

«Гений» молчал — ни одного вопроса.

Паула хотела взглянуть, что написал Марк, но тот, не показав ей, вложил карточку в серую кассету и произнес:

— Теперь ты никогда не узнаешь, что тут написано, если только я сам не скажу тебе. И «Гений» тоже не скажет, потому что это секрет. Все, что сообщают «Гению», — секрет.

— Это было важное сообщение?

— Очень важное.

— И соответствовало действительности?

— Нет.

— Тогда почему же «Гений» не задал никаких вопросов?

— Потому что я добавил: «В настоящее время дополнительных сведений получить невозможно».

— Ясно, «Гений» понимает, что незачем задавать вопросы, если тот, кто представляет информацию, больше ничего не знает... Марк, а ты дал ему материал от своего имени?

— Нет, от имени Бергстейна.

— Не томи меня, Марк, скажи, что будет дальше?

— Дальше ты сделаешь запрос «Гению» от моего имени. Мы используем события на Военно-морской вер-

фи — поставим перед ним ту же задачу, но на другом материале.

— Для проверки?

— Да. И сделаем это от моего имени.

И он продиктовал длинное описание целиком вымышленного случая, в основных чертах аналогичного происшествию на Военно-морской верфи: будто бы в вашингтонском конференц-зале обнаружили бомбу замедленного действия. Марк подробно, описал все ее технические данные, а также меры, принятые специалистами по безопасности, причем указал, что конференц-зал посещала группа из пятнадцати человек.

Когда он перевел дыхание, Паула спросила:

— Все?

— Да, на этом можно закончить.

Паула обработала материал. И «Гений» сразу ответил:

«Начальнику Службы безопасности М.

Проверьте пятнадцать посетителей. Вероятное объяснение — диверсия вследствие подкупа».

— То же самое он ответил и на запрос о деле на Военно-морской верфи, — заметила Паула.

— Да, однако факты, представленные и тогда и теперь, показывают, что диверсант — кто-то из своих служащих... Судя по ответам «Гения», можно подумать, что он работает на Меркаптан.

— А как же разоблачить его?

— Видимо, мне придется взять инициалы твоего отца... Отныне я буду называться С. * Для твоего отца

* Первая буква слова Security — Служба безопасности. — *Прим. перев.*

это не имеет никакого значения, а «Гений» даже не спросит, что случилось с прежним начальником М.

— Марк, а что же ты сообщил «Гению»?

— Что М. — диверсант. И, конечно, что никакой другой информации по этому поводу не существует.

Паула была ошеломлена. А Марк добавил:

— Электронный прибор вынужден верить на слово всему, что ему сообщают, если только в представленной информации нет внутренних противоречий, в силу которых она становится неприемлемой. В том, что любое высокое должностное лицо может стать предателем, нет никакого внутреннего противоречия. Это вовсе не означает, что человек и раньше был преступником...

...Вероятно, года два-три назад Кемп заявил «Гению», что Д. — диверсант. Он мог даже привести какие-нибудь факты в подтверждение этого и добавить, что больше данных не имеется... А все другие переданные им «Гению» сведения могли вполне соответствовать действительности...

Как должен был поступить «Гений»? У него не было причин не верить начальнику отдела кадров, поскольку представленные им материалы казались вполне правдоподобными. Он не мог уволить Д., потому что власть здесь принадлежит не машине, а начальнику Службы безопасности. Не мог «Гений» и обсудить это с кем-нибудь другим, потому что, во-первых, он устроен так, что не разглашает полученной информации, а во-вторых, какой смысл сообщать самому Д., что он шпион, — ведь все директивы направляются начальнику Службы безопасности... Но «Гений» стремится к высокой эффективности работы разведки, а шпион представляет собой непронизводительную рабочую единицу, так что...

— Понятно! — воскликнула Паула. — Избавиться от непроизводительного работавшего Д. можно было, только давая ему неправильные директивы, до тех пор пока его не снимут с этой должности.

— Совершенно верно... Нельзя, конечно, сказать, что это хороший метод, но «Гений» хочет работать эффективно. И он понимает, что, пока Службу безопасности возглавляет диверсант, работа ее не будет успешной. А потому единственная возможность упорядочить работу — независимо от того, хорош или плох примененный метод, — состояла в увольнении Д. А единственный доступный «Гению» способ уволить своего хозяина заключался в том, чтобы работать какое-то время так плохо, чтобы Д. уволили. Вот и все.

Марк с облегчением вздохнул.

— Мне еще нужно хорошенько поразмыслить обо всем этом и посоветоваться с твоим отцом, Паула. Но теперь, когда удалось разрешить эту труднейшую задачу, мы должны найти средство предупредить подобные случаи в будущем.

— Я вижу, что вышла замуж за парня с головой! — самодовольно заявила Паула.

— Безусловно... Бедняга Д.! Мне всегда казалось, что во многом его винили понапрасну... О'кэй, теперь можешь сообщить «Гению», что новый начальник Службы безопасности — С.

Через несколько минут «Гений» выдал новое заключение по поводу вымышленного вашингтонского дела: «Начальнику Службы безопасности С. Проверьте свой персонал. Только сотрудники знали, что бомбу не станут искать в том месте, где она была спрятана».

«Гений» снова работал безупречно.

ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ...

ЗДЕСЬ МОГУТ ВОДИТЬСЯ ТИГРЫ

— Надо бить планету ее же оружием, — сказал Чаттертон. — Ступите на нее, распорите ей брюхо, отравите животных, запрудите реки, стерилизуйте воздух, протараньте ее, поработайте как следует киркой, заберите руду и пошлите ко всем чертям, как только получите все, что хотели получить. Не то планета жестоко отомстит вам. Планетам доверять нельзя. Все они разные, но все враждебны нам и готовы причинить вред, особенно такая отдаленная, как эта, — в миллиарде километров от всего на свете. Поэтому нападайте первыми. сдирайте с нее шкуру, выгребайте минералы и удирайте живее, пока эта окаянная планета не взорвалась вам прямо в лицо. Вот как надо обращаться с ними.

Ракета садилась на седьмую планету 84-й звездной системы. Она пролетела много миллионов километров. Земля находилась где-то очень далеко. Люди забыли, как выглядит земное Солнце. Их солнечная система была уже обжита, изучена, использована, как и другие, обшаренные вдоль и поперек, выдоенные, укрощенные, и теперь звездные корабли крошечных человечков — жителей невероятно отдаленной планеты —

исследовали новые далекие миры. За несколько месяцев, за несколько лет они могли преодолеть любое расстояние, ибо скорость их ракет равнялась скорости самого бога, и вот сейчас, в десятитысячный раз, одна из таких ракет — участниц этой охоты за планетами — опускалась в чужой, неведомый мир.

— Нет, — ответил капитан Форестер. — Я слишком уважаю другие миры, чтобы обращаться с ними по вашему методу, Чаттертон. Благодарение богу, грабить и разрушать — не мое дело. К счастью, я только астронавт. Вот вы — антрополог и минералог. Что ж, действуйте — копайте, забирайтесь в недра и скоблите. А я буду только наблюдать. Я буду бродить и смотреть на этот новый мир, каков бы он ни был, каким бы он ни казался. Я люблю смотреть. Все астронавты любят смотреть, иначе они бы не были астронавтами. Если ты астронавт, тебе нравится вдыхать новые запахи, видеть новые краски и новых людей. Впрочем, существуют ли еще они — новые люди, новые океаны и новые острова?

— Не забудьте захватить с собой револьвер, — посоветовал Чаттертон.

— Только в кобуре, — ответил Форестер.

Оба они взглянули в иллюминатор и увидели целое море зелени, поднимавшееся навстречу их кораблю.

— Интересно бы узнать, что эта планета думает о нас, — заметил Форестер.

— Меня-то она невзлюбит, — заявил Чаттертон. — И уж я, черт возьми, позабочусь о том, чтобы заслужить эту нелюбовь. Плевать я хотел на всякие там тонкости. Деньги — вот то, ради чего я прилетел сюда. Давайте высадимся здесь, капитан. Мне кажется, здешняя почва полна железа, если я хоть что-нибудь в этом смысле.

Зелень была удивительно свежая — такой они видели ее разве только в детстве.

Озера, словно голубые капли, лежали меж отлогих холмов. Не было ни шумных шоссе, ни рекламных щитов, ни городов. «Какое-то бесконечное зеленое поле для гольфа, — подумал Форестер. — Гоня мяч по этой зеленой траве, можно пройти десятки тысяч километров в любом направлении и все-таки не кончить игры. Планета, созданная для отдыха, огромная крокетная площадка, где можно целый день лежать на спине, полузакрыв глаза, покусывать стебелек кашки, вдыхать запах травы, улыбаться небу и наслаждаться вечным праздником, вставая лишь для того, чтобы перелистать воскресный выпуск газеты или с треском прогнать через проволочные ворота деревянный шар с красной полоской.

— Если бывают планеты-женщины, то это одна из них!

— Женщина — снаружи, мужчина — внутри, — возразил Чаттертон. — Там, внутри, все твердое, все мужское — железо, медь, уран, антрацит. Не поддавайтесь чарам косметики, Форестер, она одурачит вас.

Он подошел к бункеру, где хранился Почвенный Бур. Его огромный винтовой наконечник блестел, отсвечивая голубым, готовый вонзиться в почву и высосать пробы на глубине двадцати метров, а то и глубже — забраться поближе к сердцу планеты. Чаттертон кивком головы указал на Бур.

• — Мы ее продырявим, вашу женщину, Форестер, мы продырявим ее насквозь.

— В этом я не сомневаюсь, — спокойно ответил Форестер.

Корабль пошел на посадку.

— Здесь слишком зелено, слишком уж мирно, — сказал Чаттертон. — Мне это не нравится. — Он обернулся к капитану. — Мы выйдем с оружием.

— С вашего разрешения, распорядиться здесь буду я.

— Конечно. Но моя компания вложила в эти механизмы огромный капитал — миллионы долларов, и наш долг — обезопасить эти деньги.

Воздух на новой планете — седьмой планете 84-й звездной системы — был прекрасный. Дверца распахнулась. Люди вышли друг за другом и оказались в настоящей оранжерее.

Последним вышел Чаттертон с револьвером в руке.

В тот момент, когда он ступил на зеленую лужайку, земля дрогнула. По траве пробежал трепет. Загромычало в отдаленном лесу. Небо покрылось облаками и потемнело. Астронавты внимательно смотрели на Чаттертона.

— Черт побери, да это землетрясение!

Чаттертон сильно побледнел. Все засмеялись.

— Вы не понравились планете, Чаттертон!

— Чепуха!

Наконец все стихло.

— Но, когда выходили мы, никакого землетрясения не было, — возразил капитан Форестер. — Очевидно, ваша философия пришлась планете не по душе.

— Совпадение! — усмехнулся Чаттертон. — Пошли обратно. Я хочу вытащить Бур и через полчаса взять несколько проб.

— Одну минутку! — Форестер уже не смеялся. — Прежде всего мы должны осмотреть местность, убедиться, что здесь нет враждебных нам людей или животных. А кроме того, не каждый год натыкаешься на

такую планету. Уж очень она хороша! Надеюсь, вы не будете возражать, если мы прогуляемся и осмотрим ее.

— Согласен. — Чаттертон присоединился к остальным. — Только давайте поскорее покончим с этим.

Они оставили у корабля охрану и зашагали по полям и лугам, взбираясь на отлогие холмы, спускаясь в неглубокие долины. Словно ватага мальчишек, которые вырвались на простор в чудеснейший день самого прекрасного лета и самого замечательного за всю историю человечества года, разгуливали они по лужайкам. Так приятно было бы поиграть здесь в крокет, и, пожалуй, если б хорошенько прислушаться, можно было б услышать шорох деревянного мяча, прошелестевшего в траве, звон от его удара по железным воротцам, приглушенные голоса мужчин, внезапный всплеск женского смеха, донесшийся из какой-нибудь тенистой, увитой плющом беседки, и даже потрескивание льда в кувшине с водой.

— Эй! — крикнул Дрисколл, один из самых молодых членов экипажа, с наслаждением вдыхая воздух. — Я прихватил с собой все для бейсбола. Не сыграть ли нам попозже? Ну что за прелесть!

Мужчины тихо засмеялись. Да, что и говорить, это был самый лучший сезон для бейсбола, самый подходящий ветерок для тенниса, самая удачная погодка для прогулок на велосипеде и для сбора дикого винограда.

— А что, если бы нам пришлось скосить все это? — спросил Дрисколл. Астронавты остановились.

— Так я и знал: тут что-то неладно! — воскликнул Чаттертон. — Взгляните на траву. Она скошена совсем недавно!

— А может, это какая-нибудь разновидность дикондры? Она всегда короткая.

Чаттертон сплюнул прямо на зеленую траву и рас-тер плевков сапогом.

— Не нравится, не нравится мне все это. Если с нами что-нибудь случится, на Земле никто ничего и не узнает. Нелепый порядок: если ракета не возвращается, мы никогда не посылаем вторую, чтобы выяснить причину.

— Вполне естественно, — сказал Форестер. — Мы не можем вести бесплодные войны с тысячами враждебных миров. Каждая ракета — это годы, деньги, человеческие жизни. Мы не можем позволить себе рисковать двумя ракетами, если один полет уже доказал, что планета враждебна. Мы летаем на мирные планеты. Вот вроде этой.

— Я часто задумываюсь о том, — заметил Дрисколл, — что случилось с исчезнувшими экспедициями, посланными в те миры, куда мы больше не пытаемся попасть.

Чаттертон пристально смотрел на дальний лес.

— Они были расстреляны, уничтожены, зажарены. Что может случиться и с нами в любую минуту. Пора возвращаться и приступать к работе, капитан.

Они стояли на вершине небольшого холма.

— Какое дивное ощущение! — произнес Дрисколл, взмахнув руками. — А помните, как мы бегали, когда были мальчишками, и как нас подгонял ветер? Словно за плечами выросли крылья. Бывало, бежишь и думаешь: вот-вот полечу. И все-таки этого никогда не случалось.

Мужчины остановились, охваченные воспоминаниями. В воздухе пахло цветочной пылью и капелька-

ми недавнего дождя, быстро высохавшими на миллионах былинки.

Дрисколл пробежал несколько шагов.

— О господи, что за ветерок! Ведь, в сущности, мы никогда не летаем по-настоящему. Мы сидим в толстой металлической клетке, но ведь это же не полет. Мы никогда не летаем, как летают птицы, сами по себе. А как чудесно было бы раскинуть руки вот так, — он распротер руки. — И побежать... Он побежал вперед, сам смеясь своей нелепой фантазии. — И полететь! — вскричал он.

Он полетел.

Время молча бежало на часах людей, стоявших внизу. Они смотрели вверх. И вот с неба донесся взрыв неправдоподобно счастливого смеха.

— Велите ему вернуться, — прошептал Чаттертон. — Он будет убит.

Никто не ответил Чаттертону, никто не смотрел на него; все были потрясены и только улыбались.

Наконец Дрисколл опустился на землю у их ног.

— Вы видели? Черт побери, ведь я летал!

Да, они видели.

— Дайте-ка мне сесть! Ах, боже мой, я не могу прийти в себя! — Дрисколл, смеясь, похлопал себя по коленям. — Я воробей, я сокол, честное слово! Вот что — теперь попробуйте вы, попробуйте все!

Он замолчал, потом заговорил снова, сияя, захлебываясь от восторга:

— Это все ветер. Он подхватил меня и понес!

— Давайте уйдем отсюда, — сказал Чаттертон, озираясь по сторонам и подозрительно разглядывая голубое небо. — Это ловушка. Нас хотят заманить в воз-

дух. А потом швырнуть вниз и убить. Я иду назад, к кораблю.

— Вам придется подождать моего приказа, — заметил Форестер.

Все нахмурились. Было тепло, но в то же время прохладно, дул легкий ветерок. В воздухе трепетал какой-то звенящий звук, словно кто-то запустил бумажного змея, — звук вечной Весны.

— Я *попросил* ветер, чтобы он помог мне полететь, — сказал Дрисколл, — и он помог.

Форестер отвел остальных в сторону.

— Следующим буду я. Если я погибну — все назад к кораблю!

— Прошу прощения, — вмешался Чаттертон, — но я не могу этого допустить. Вы капитан. Мы не можем рисковать вами. — Он вытащил револьвер. — Вы обязаны признавать здесь мой авторитет и мою власть. Игра зашла слишком далеко. Приказываю всем вернуться на корабль!

— Спрячьте револьвер, — хладнокровно ответил Форестер.

— Остановитесь, безумцы! — Прищурившись, Чаттертон переводил взгляд с одного астронавта на другого. — Неужели вы еще не поняли? Этот мир *живой*. Он разглядывает нас и пока что играет с нами, а сам выжидает благоприятной минуты.

— Это мое дело, — отрезал Форестер. — А вы — если сию же минуту не спрячете револьвер — пойдете назад к кораблю под конвоем.

— Все вы сошли с ума! Если не хотите идти со мной, можете умирать здесь, а я иду назад, беру пробы и запускаю ракету.

— Чаттертон!

— Не пытайтесь удержать меня!

Чаттертон побежал. И вдруг громко вскрикнул.

Все подняли глаза — и тоже не удержались от крика.

— Он там, — сказал Дрисколл.

Чаттертон был уже высоко в небе.

Ночь опустилась на землю так незаметно, словно закрылся чей-то большой ласковый глаз. Оцепеневший от изумления Чаттертон лежал на склоне холма. Остальные сидели вокруг, усталые, но веселые. Он не желал смотреть на них, не желал смотреть на небо. Внутренне сжавшись, он хотел лишь одного — ощущать твердую землю, ощущать свои руки, ноги, все свое тело.

— Это было изумительно! — сказал астронавт, которого звали Кестлер.

Все они успели полетать, словно скворцы, орлы, воробьи, и все были счастливы.

— Эй, Чаттертон, придите же в себя и признайтесь: вам понравилось? — спросил Кестлер.

— Этого не может быть! — Чаттертон крепко зажмурился. — Она не могла сделать это. То есть могла, но только при одном условии — если воздух здесь *живой*. Он словно зажал меня в кулаке и поднял вверх. А сейчас, в любую минуту, он может убить всех нас. Он живой!

— Отлично, — согласился Кестлер, — допустим, что он живой. А у всего живого должна быть какая-то цель. Так вот, может быть, цель этой планеты как раз и состоит в том, чтобы сделать нас счастливыми!

Словно в подтверждение его слов, к ним подлетел Дрисколл, держа в каждой руке по флаге.

— Я нашел ручей с вкусной, чистой водой. Попробуйте!

Форестер взял флягу и поднес ее Чаттертону, предлагая выпить глоток, но Чаттертон покачал головой и отшатнулся. Он закрыл лицо руками.

— Это кровь здешней планеты. Живая кровь. Выпейте ее, и вместе с ней вы впустите в себя этот мир. Вы будете видеть его глазами и слышать его ушами. Нет, нет, благодарю!

Форестер пожал плечами и отхлебнул из фляжки.

— Вино! — воскликнул он.

— Не может быть!

— Это вино. Понюхайте его, попробуйте. Отличное белое вино.

— Французское столовое, — подтвердил Дрисколл, выпив свою порцию.

— Яд! — изрек Чаттертон.

Фляжка пошла по кругу.

Весь этот ласковый день они бездельничали — им так не хотелось нарушать царивший вокруг покой. Словно робкие юноши, которые оказались в обществе изысканной, прекрасной и знаменитой женщины, они боялись каким-нибудь неосторожным словом или жестом испугнуть ее и лишиться очарования и прелести ее присутствия.

«Они еще не забыли землетрясения и не хотят, чтобы оно повторилось, — думал Форестер. — Так пусть же эти школьники наслаждаются Днем каникул и этой погодой, словно созданной для рыболовов. Пусть сидят под сенью деревьев или бродят по отлогим склонам холмов, но только пусть не бурят их буры, не щупают их щупы, не бомбят их бомбы».

Они набрали на небольшой ручеек, который вливался в кипящий пруд. Рыба, блестя чешуей, попадала в горячую воду и через минуту выплывала на поверхность пруда уже сваренная.

Чаттертон неохотно присоединился к общему завтраку.

— Мы будем отравлены. В таких фокусах всегда таится ловушка. Сегодня я буду ночевать в ракете. А вы — как хотите. Я вспомнил карту из одной книги по истории средневековья. Надпись на ней гласила: «Здесь могут водиться тигры». Так вот ночью, когда вы заснете, здесь вдруг объявятся тигры и людоеды.

Форестер покачал головой.

— Я готов согласиться с вами — эта планета живая. Это своеобразный замкнутый мирок. Но сейчас она нуждается в нас, чтобы показать себя, чтобы кто-то мог оценить ее красоту. Какой толк в театре, полном чудес, если нет зрителей?

Но Чаттертон уже не слушал его. Он нагнулся — его рвало.

— Меня отравили! Отравили!

Его держали за плечи, пока не кончилась рвота. Дали ему воды. Все остальные чувствовали себя отлично.

— Пожалуй, лучше вам больше ничего не есть, кроме наших корабельных продуктов, — посоветовал Форестер. — Так будет надежнее.

— Надо немедленно приступить к работе. — Чаттертон покачнулся и вытер губы. — Мы уже потеряли целый день. Если понадобится, я буду работать один. Я покажу этой проклятой планете...

И, пошатываясь, он побрел к кораблю.

— Он искушает судьбу, — прошептал Дрисколл. — Нельзя ли остановить его, капитан?

— Практически он является хозяином экспедиции. Но мы не обязаны ему помогать. В договоре есть пункт, по которому мы можем отказаться от работы в условиях, опасных для жизни. Так вот... Советую обращаться с этой Площадкой Для Пикника как можно бережнее, и она оплатит вам тем же. Не вырезайте инициалов на деревьях. Распрямите смятую траву. Подберите кожуру от бананов.

Между тем снизу, со стороны корабля, донесся оглушительный грохот. Из запасного люка выкатился огромный блестящий Бур. Чаттертон шел за ним следом и в микрофон отдавал распоряжения своему роботу: — Сюда! Так!

— Ах, какой глупец!

— Стоп! — крикнул Чаттертон.

Бур вонзил свой длинный винтовой ствол в зеленую траву. Чаттертон помаhal рукой астронавтам.

— Я ей покажу!

Небо содрогнулось.

Бур стоял в центре небольшой зеленой лужайки. Он врзался в землю и начал выбрасывать сырые комья дерна, бесцеремонно швыряя их в ведро для анализов, которое раскачивалось на ветру.

И вдруг, словно чудовищный зверь, потревоженный во время еды, Бур издал жалобный металлический стон. Из почвы у его основания начала медленно проступать синеватая жидкость.

— Назад, безмозглый дурак! — крикнул Чаттертон.

Бур неуклюже задвигался, словно в каком-то доисторическом танце. Извергая огненные искры, он громко гудел, как гудит мощный паровоз, делая

крутой поворот. Он тонул. Черная слизь превращалась под ним в темную лужу.

Кашляя, вздыхая и пыхтя, Бур, словно огромный подстреленный и издыхающий слон, медленно погружался в черную пеннистую топь.

— Боже милостивый! — задыхаясь, прошептал Форестер, не в силах оторваться от этого зрелища. — Вы знаете, Дрисколл, что это такое? Это асфальт. Его дурацкая машина угодила в асфальтовый колодец.

— Эй! — вне себя кричал Чаттертон Буру, бегая по краю маслянистого озера. — Сюда, наверх!

Но, подобно древним властителям земли — динозаврам с их длинной трубчатой шеей, Бур, отбиваясь, дергаясь и скрипя, все больше уходил в этот черный пруд, откуда уже не было возврата к твердой и надежной земле.

Чаттертон обернулся к стоявшим вдалеке астронавтам.

— Помогите! Сделайте что-нибудь!

Но Бур уже исчез.

Вязкая жидкость пузырилась и злорадствовала, поглотив чудовище. Потом все затихло. Только один огромный пузырь — последний — появился и лопнул. Разнесся древний запах нефти.

Члены экипажа подошли и остановились на краю маленького темного озера.

Чаттертон уже не кричал.

Он долго смотрел в безмолвный асфальтовый омут, потом отвернулся и обратил невидящий взгляд на холмы, на сочные зеленые лужайки. Дальние деревья вдруг покрылись зрелыми плодами и теперь бесшумно роняли их на землю.

— Я ей покажу, — тихо сказал он.

- Успокойтесь, Чаттертон.
- Я проучу ее, — повторил он.
- Присядьте, выпейте глоток вина.

— Я хорошенько проучу ее, я ей покажу, что со мной так поступать нельзя.

Чаттертон зашагал к кораблю.

— Не спешите, — посоветовал Форестер.

Чаттертон побежал.

— Я знаю, что делать, знаю, как отомстить ей!

— Остановите его! — крикнул Форестер и побежал за ним, но потом вспомнил, что умеет летать. «На корабле есть атомная бомба, — подумал он. — Если он до нее доберется...»

Остальные тоже подумали об этом и немедленно взмыли в воздух. Небольшая рощица преграждала Чаттертону путь к ракете. Выкрикивая проклятия, он бежал к роще, забыв о том, что мог бы перелететь через нее. А может быть, он боялся полететь или уже потерял этот дар? Астронавты летели к кораблю, чтобы опередить Чаттертона, и капитан вместе с ними. Подлетев к ракете, они поспешно заперли входной люк. Они еще успели увидеть, как Чаттертон вбегал на опушку.

И стали ждать.

— Какой идиот! Он, кажется, совсем спятил!

Чаттертон так и не показался по эту сторону небольшого леса.

— Должно быть, он повернул назад и ждет, когда мы ослабим надзор.

— Пойдите приведите его! — приказал Форестер.

Двое астронавтов полетели к роще.

И вот сильный, но ласковый дождь пошел над зеленым миром.

— Последний штрих, — сказал Дрисколл. — Нам не пришлось бы строить здесь дома. Заметьте — *на нас* не упала ни одна капля. Дождь идет, но он идет вокруг, спереди, сзади. Какая изумительная планета!

Они стояли сухие посреди голубого прохладного дождя. Солнце скрылось. Луна, огромная луна цвета льда, взошла над освеженными холмами.

— Только одного не хватает на этой чудесной планете, — сказал кто-то.

— Да, — отозвались все задумчиво, протяжно.

— Что ж, надо пойти поискать, — предложил Дрисколл. — Ведь это логично. Ветер помогает нам летать, деревья и ручьи кормят, все здесь живое. Может, если мы попросим пригласить к нам...

— Я долго думал над этим, и сегодня и прежде, — перебил его Кестлер. — Все мы холостяки, все мы летаем уже много лет и устали. Как приятно было бы наконец осесть где-то. Быть может, именно здесь. На Земле мы работаем не покладая рук, чтобы скопить немного денег на покупку домика, чтобы заплатить налоги. В городах — вонь. А здесь — здесь даже не нужен дом при такой прекрасной погоде. Если надоест однообразие, можно попросить дождя, облаков, снега — словом, перемен. Здесь вообще не надо работать — все дается даром.

— Это скучно. Так можно и свихнуться.

— Нет, — улыбаясь, возразил Кестлер, — если жизнь пойдет слишком уж гладко, надо только изредка повторять слова Чаттертона: «Здесь могут водиться тигры». Ого! Что это?

Еле слышный рев донесся из далекого сумеречного леса. Уж не пряталась ли там какая-нибудь гигантская кошка?

Все вздрогнули.

— Непостоянная планета, — холодно сказал Кестлер. — Совсем как женщина, которая готова на все, чтобы доставить удовольствие своим гостям, пока они с ней любезны. Чаттертон был не очень-то любезен.

— Да, Чаттертон... Где же он?

Словно в ответ на это, чей-то крик раздался вдали. Два астронавта, улетевшие на поиски Чаттертона, делали какие-то знаки с опушки леса.

Форестер, Дрисколл и Кестлер подлетели к ним.

— Что случилось?

Люди показали куда-то в глубь леса.

— Мы решили, что вам надо взглянуть на это, капитан, — пояснил один. — Какая-то чертовщина.

Другой показал на тропинку.

— Посмотрите сюда, сэр.

Следы огромных когтей отпечатались на тропинке, свежие, отчетливые.

— И вот сюда.

Несколько капель крови.

Тяжелый запах какого-то хищника повис в воздухе.

— Где же все-таки Чаттертон?

— Думаю, что мы уже никогда не найдем его, капитан.

Слабее, слабее, все больше отдаляясь, звучал рев тигра, а потом и вовсе замолк в сумеречной тишине.

Астронавты лежали на упругой траве близ ракеты. Ночь была теплая.

— Совсем как во времена моего детства, — вздохнул Дрисколл. — Однажды мы с братом дождались самой теплой июльской ночи и отправились на лужайку перед зданием суда — считали звезды, болтали. Это

была прекрасная ночь, лучшая ночь в году, а сейчас, оглядываясь назад, могу сказать, что и лучшая в моей жизни... Разумеется, не считая сегодняшней, — добавил он.

— Я все думаю о Чаттертоне, — вставил Кестлер.

— Лучше не думать, — возразил Форестер. — Давайте поспим несколько часов — и в путь. Мы не можем позволить себе задержаться здесь даже на один день. И дело вовсе не в том, что случилось с Чаттертоном. Нет. Просто я боюсь, что если мы задержимся здесь, то можем слишком сильно привязаться к этой планете. И никогда уже не захотим расстаться с ней.

Мягкий ветерок повеял вдруг над их головами.

— Я уже не хочу расставаться с ней. — Дрисколл подложил руки под голову, устраиваясь поудобнее. — И она тоже не хочет расставаться с нами... Если мы вернемся на Землю и расскажем всем, как чудесна эта планета, — что тогда, капитан? Они ворвутся сюда и уничтожат ее.

— Нет, — задумчиво проговорил Форестер. — Во-первых, эта планета не допустит массового вторжения. Не знаю, как именно она это сделает, но, уж конечно, ей удастся придумать какие-нибудь любопытные штучки. А во-вторых, я слишком сильно привязался к ней, проникся уважением. Нет. Мы вернемся на Землю и будем лгать. Мы скажем, что она враждебна людям. Ведь такой она и окажется по отношению к среднему человеку вроде Чаттертона, который явится сюда, чтобы причинять ей вред. Так что в конечном счете это и не будет ложью.

— Как странно! — заметил Кестлер. — Я совсем не боюсь. Чаттертон исчез, возможно, он убит, и убит самым ужасным образом. И все же мы лежим здесь,

никто не убегает, никто не боится. Это глупо. И тем не менее это правильно. Мы доверяем ей, а она доверяет нам.

— А вы заметили? Стоит выпить совсем немного этой воды — вина, и больше не хочется. Это планета умеренности.

Они лежали, прислушиваясь к ночным звукам, и им казалось, что большое сердце этого зеленого мира неторопиво, но горячо бьется внизу, под ними.

«Пить хочется!» — подумал Форестер.

Дождевая капля упала ему на губы.

Он тихо рассмеялся.

«Я одинок!» — подумал он.

И услышал вдали нежные, звонкие голоса.

Он стал смотреть в ту сторону. Несколько холмов, сбегаящая с них прозрачная река, а на отмели, в облаке водяных брызг, группа прекрасных женщин. Их лица мерцают. Как дети, они резвятся на берегу. И вдруг Форестер узнал о них и о их жизни все, что хотел. То были вечные странницы. Они бродяжничали, переходили с места на место, повинувшись лишь собственному капризу. Здесь не было шоссеиных дорог, не было городов, здесь были только холмы, равнины да ветры, которые переносили эти белые фигурки, словно перышки, куда бы те ни пожелали. Стоило Форестеру мысленно задать вопрос, как кто-то невидимый тотчас шептал ему на ухо ответ. Мужчин там не было. Женщины сами продолжали свой род. Мужчины исчезли пятьдесят тысяч лет назад. А где эти женщины сейчас? Неподалеку от зеленого леса, рядом с винным ручьем, за шестью белыми камнями, у истока большой реки. Там, на отмелях, — женщины, которые могут стать прекрасными женами и вырастить чудесных детей.

Форестер открыл глаза. Остальные астронавты сидели возле него.

— Я видел сон.

Все они видели сны.

— ...Неподалеку от зеленого леса...

— ...рядом с винным ручьем...

— ...за шестью белыми камнями... — сказал Кестлер.

— ...и у истока большой реки, — закончил Дрисколл.

С минуту все молчали. И смотрели на серебристую ракету, блестящую в свете звезд.

— Ну, так как, капитан, мы пойдем или полетим?

Форестер не ответил.

— Капитан, — сказал Дрисколл, — останемся здесь навсегда. Не будем возвращаться на Землю. Люди никогда не прилетят сюда выяснять, что с нами случилось. Они будут думать, что все мы уничтожены. Ну, что вы скажете на это?

Лицо Форестера покрылось капельками пота. Он провел языком по пересохшим губам. Руки вздрагивали у него на коленях. Экипаж ждал.

— Это было бы чудесно, — наконец выговорил капитан.

— Еще бы!

— Но... — Форестер вздохнул. — Но мы обязаны выполнить задание. Люди вложили в наш корабль деньги. И ради этих людей мы обязаны вернуться.

Форестер поднялся. Астронавты продолжали сидеть, не слушая его.

— Чертовски приятная ночь! — заметил Кестлер.

Они смотрели на отлогие холмы, на деревья, на реку, бегущую к иным горизонтам.

— Пошли на корабль, — с трудом выдавил из себя Форестер.

— Капитан...

— На корабль! — повторил он.

Ракета поднялась в небо. Глядя вниз, Форестер отчетливо видел каждую долину, каждое озеро.

— Надо было остаться, — промолвил Кестлер.

— Да, я знаю.

— Еще не поздно повернуть назад.

— Боюсь, что поздно. — Форестер отрегулировал телескоп. — Посмотрите.

Кестлер посмотрел.

Лицо планеты изменилось. Тигры, динозавры, монстры появились внизу. Вулканы извергали лаву, циклоны и ураганы пронеслись над холмами, стихии бушевали.

— Да, это настоящая женщина, — сказал Форестер. — Миллионы лет она ждала гостей, готовилась, наводила красоту. Она надела для нас свой лучший наряд. Когда Чаттертон начал дурно обращаться с ней, она предостерегла его, а потом, когда он сделал попытку изуродовать ее, попросту уничтожила его. Как всякой женщине, ей хотелось, чтобы ее любили ради нее самой, а не ради ее богатств. Она предложила нам все, что могла, а мы — мы покинули ее. Она женщина, и оскорбленная женщина. Правда, она позволила нам уйти, но мы уже никогда не сможем вернуться. Она встретит нас вот этим...

И кивком головы он показал на тигров, на циклоны и кипящие воды.

— Капитан... — начал Кестлер.

— Да?

— Сейчас уже поздно рассказывать об этом, но... перед самым взлетом я дежурил у воздушного шлюза. И позволил Дрисколлу уйти с корабля. Ему хотелось уйти. Я не смог отказать ему. Я взял это на свою ответственность. И сейчас он там, на планете.

Оба посмотрели в иллюминатор.

После долгого молчания Форестер сказал:

— Я рад. Я рад, что хоть у одного из нас хватило здравого смысла остаться.

— Но ведь он, должно быть, уже мертв!

— Нет, эта демонстрация там, внизу, устроена для нас. А может, это просто обман зрения. Среди всех этих тигров и львов, среди ураганов наш Дрисколл цел и невредим, ибо он сейчас единственный зритель. Ох, уж теперь *она* так избалует его, что... Да, он-то заживет там недурно, а вот мы с вами будем мотаться взад и вперед по Вселенной, разыскивая планету, которая была бы такой же чудесной, но так никогда и не найдем. Нет, мы не полетим назад спасать Дрисколла. А впрочем, *она* все равно не позволит нам сделать это. Полный вперед, Кестлер, полный вперед!

Ракета понеслась вперед, резко увеличив скорость.

И за миг до того, как планета скрылась в сияющей дымке тумана, Форестеру вдруг показалось, что он ясно видит Дрисколла. Вот, спокойно насвистывая, юноша выходит из зеленого леска, и весь этот очаровательный мир овеивает его своей прохладой. Для него одного течет винный ручей, приготавливают рыбу горячие ключи, созревают в полночь плоды на деревьях, а леса и озера ждут не дождутся его прихода. И он уходит вдаль по бесконечным зеленым лужайкам, мимо шести белых камней, что стоят позади рощи, к отмелям широкой прозрачной реки.

ЦАРСКАЯ ВОЛЯ

Просидев два часа на корточках под прилавком с посудой, Боб Грейнджер почувствовал, что у него затекли ноги. Он шевельнулся, желая неприметно изменить позу, и увесистая клюшка для гольфа с грохотом скатилась на пол с его колен.

— Тсс, — шепнула Джейнис; она крепко сжимала железную дубинку.

— Не думаю, чтобы он появился, — сказал Боб.

— Сиди тихонько, милый, — по-прежнему шепотом ответила Джейнис, напряженно вглядываясь в темноту.

Пока еще ничто не предвещало появления вора. Но вот уже целую неделю он приходил сюда каждую ночь, таинственно похищая генераторы, холодильники и кондиционеры. Таинственно — ибо не взламывал замков, не вырезал оконных стекол и не оставлял следов. Тем не менее каким-то чудом он забирался в магазин и каждый раз наносил изрядный урон их добру.

— Вряд ли из нашей затеи что-нибудь выйдет, — зашептал Боб. — В конце концов, если человек способен унести на спине генератор весом в несколько сот фунтов...

— Ничего, управимся, — возразила Джейнис с уверенностью, благодаря которой в свое время получила звание старшего сержанта Женского мотопехотного корпуса. — Кроме того, должны же мы как-то унять его: ведь из-за этого откладывается наша свадьба.

Боб кивнул. На свои армейские сбережения они с Джейнис открыли в родном городке универсальный магазин и собирались пожениться, как только позволит доход. Однако если пропадают холодильники и кондиционеры воздуха...

— Кажется, я что-то слышу, — заметила Джейнис и перехватила дубинку поудобнее.

Где-то в магазине раздался едва уловимый шорох. Они затаили дыхание. Затем послышались приглушенные шаги — кто-то ступал по линолеуму.

— Когда он выйдет на середину зала, — прошептала Джейнис, — включай свет.

Наконец они различили в темном зале какое-то черное пятно. Боб включил свет и крикнул: «Ни с места!»

— Не может быть! — ахнула Джейнис, чуть не выронив дубинку. Боб обернулся и судорожно глотнул воздух.

Перед ними стоял детина ростом добрых три метра. На лбу его явственно проступали рожки, за спиной мотались крохотные крылышки. Одет он был в шаровары из грубой бумажной ткани индийского производства и белый спортивный свитер с алыми буквами на груди: «Политехнический им. Иблиса». На огромных ножницах красовались поношенные белые башмаки из оленьей кожи, а светлые волосы были подстрижены бобриком.

— Проклятье! — пробормотал незванный гость, увидев Боба и Джейнис. — Так и знал, что надо было прослушать в колледже курс невидимости.

Он обхватил руками живот и надул щеки. Мгновенно ноги его исчезли. Великан продолжал дуть изо всех сил, пока не стал невидимым и живот, однако дальше дело не пошло.

— Не умею, — виновато сказал он и выдохнул весь воздух. Живот и ноги снова обозначились. — Сноровки не хватает. Проклятье!

— Чего тебе надо? — спросила Джейнис, грозно выпрямившись во все свои полтора с небольшим метра.

— Чего надо? Сейчас соображу. Ах, да, вентилятор! — Он пересек зал и легко поднял с пола большой вентилятор.

— Постой! — крикнул Боб. Он подошел к гиганту, держа наготове клюшку для гольфа. Джейнис выглядывала из-за его спины. — Интересно, куда это ты с ним собрался?

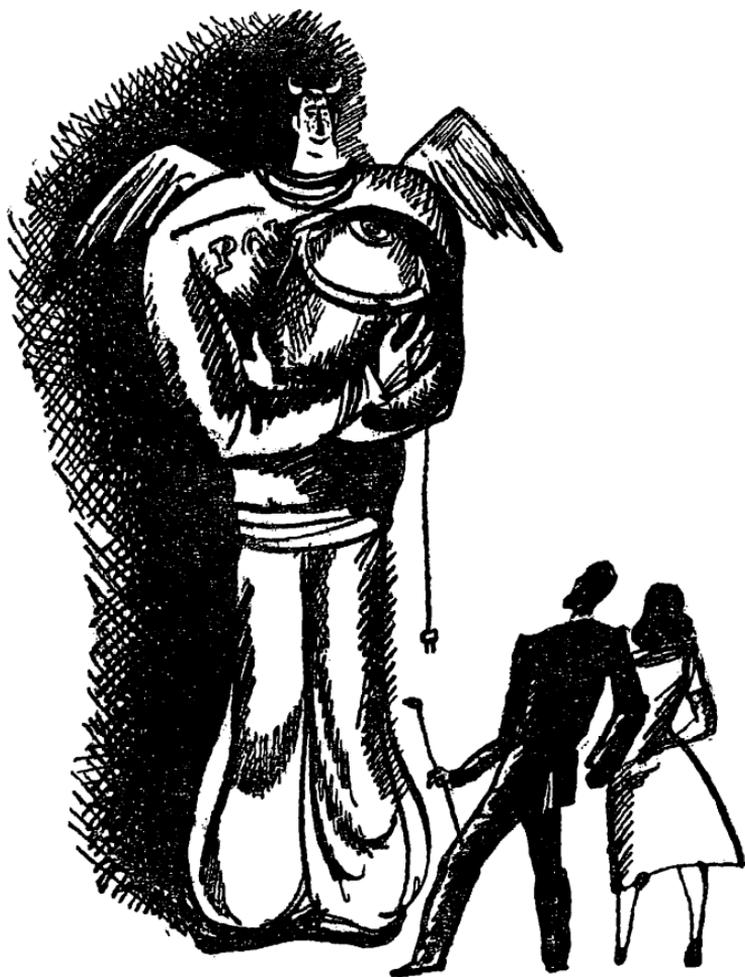
— К царю Алеряну, — ответил гигант. — Он возжелал владеть вентилятором.

— Ах, возжелал, вот оно что! — протянула Джейнис. — Ну-ка, поставь на место. — Она замахнулась дубинкой.

— Но ведь я тут ни при чем, — возразил молодой гигант, нервно подрагивая крылышками. — Царь его возжелал.

— Пеняй на себя, — сквозь зубы процедила Джейнис.

После службы в армии, где она ремонтировала моторы для джипов, Джейнис была в отличной форме, несмотря на малый рост. Онахватила гиганта

дубинкой; при этом ее светлые волосы беспорядочно разметались.

— Ух! — воскликнула Джейнис. Дубинка отскочила от головы странного существа, едва не свалив девушку с ног. В тот же миг Боб замахнулся клюшкой, норовя пересчитать гиганту ребра.

Клюшка прошла сквозь гиганта и, подскочив, упала на пол.

— На ферру сила не действует, — извиняющимся тоном сообщил гигант.

— На кого? — переспросил Боб.

— На ферру. Мы приходимся двоюродными братьями джинам, а по женской линии состоим в родстве с дэвами. — Он снова направился к центру зала, зажав вентилятор в широченном кулаке. — А теперь, с вашего разрешения...

— Это демон? — От изумления Джейнис разинула рот. В детстве родители запрещали ей слушать сказки о призраках и демонах, и Джейнис выросла трезвой реалисткой. Она ловко чинила любые механизмы — таков был ее пай в деловом товариществе. Все скольконбудь более причудливое она предоставляла Бобу.

Боб, воспитанный на щедрых порциях Бэрроуза и «Волшебника Изумрудного Города», оказался более легковерным. — Вы хотите сказать, что вышли из «Тысячи и одной ночи»? — спросил он.

— Да нет же, — поморщился ферра. — Арабские джины приходятся мне двоюродными братьями. Все демоны связаны между собою узами родства, но я — ферра, из рода ферр.

— Будьте любезны, скажите, пожалуйста, — почтительно обратился Боб к гостю, — для чего вам понадобился генератор, холодильник и кондиционер воздуха?

— С охотой и удовольствием, — ответил ферра, ставя вентилятор на пол. Он пошарил рукой в воздухе, нашел то, что искал, и уселся на пустоту. Затем скрестил под собой ноги и зашнуровал потуже один башмак.

— Недельки три назад я окончил политехнический колледж имени Иблиса, — приступил он к своему повествованию. — И, конечно, тотчас же подал заявление на государственную гражданскую службу. Исполнок веков мои предки были государственными чиновниками, так уж у нас в роду повелось. Ну и вот, заявлений, как всегда, была целая куча, так что я...

— На государственную гражданскую службу? — повторил Боб.

— Ну да. Это ведь все государственные посты — даже джин волшебной лампы Аладина был правительственным чиновником. Надо, видите ли, пройти специальные испытания...

— Не отвлекайся, — попросил Боб.

— Так вот... Поклянитесь, что это останется между нами... Я получил работу по знакомству. — Гость вспыхнул от смущения, и щеки его стали оранжевыми. — Мой отец — член Совета преисподней — пустил в ход все свое влияние. Меня назначили феррой Царского кубка, обойдя 4000 ферр с ученой степенью. Это большая честь, знаете ли.

Все помолчали, и ферра заговорил вновь.

— Надо признаться, я не был как следует подготовлен, — промолвил он печально. — Ферра кубка должен быть искусником во всех областях демонологии. А я только-только со студенческой скамьи, да еще с посредственными отметками. Но мне, разумеется, казалось, будто я с чем угодно справлюсь.

Ферра на мгновение умолк и уселся в воздухе поудобнее.

— Однако не стоит морочить вам голову своими заботами, — опомнился он, соскакивая с воздуха на пол.

— Еще раз прошу прощения...

Он поднял с пола вентилятор.

— Минуточку, — сказала Джейнис. — Это царь приказал тебе взять именно наш вентилятор?

— Отчасти, — ответил ферра, вновь окрашиваясь в оранжевый цвет.

— Скажи-ка, — поинтересовалась Джейнис, — а твой царь богат? — Пока что она решила обращаться с этим сверхъестественным явлением, как с обыкновенным человеком.

— Он весьма состоятельный монарх.

— В таком случае почему он не платит за это бабахло деньги? — осведомилась Джейнис. — Для чего ему обязательно нужно краденое?

— Ну, — промямлил ферра, — ему просто негде купить.

«Какая-нибудь отсталая восточная страна», — подумала Джейнис.

— Отчего бы ему не ввозить электротовары из-за границы? Любая фирма с радостью пойдет ему навстречу, — произнесла она вслух.

— Все это страшно неудобно, — уклонился от ответа ферра и потер один башмак о другой. — Жаль, что я не могу стать невидимкой.

— Выкладывай, — не отставал Боб.

— Если хотите знать, — угрюмо ответил ферра, — царь Алерриан живет в том времени, которое вы называете двухтысячным годом до вашей эры.

— Тогда каким же...

— Да погодите, — сердито сказал молодой ферра. — Я вам все объясню. — Он вытер вспотевшие руки о белый свитер.

— Как я уже рассказывал, мне досталась должность ферры Царского кубка. Я, естественно, ожидал, что царь потребует драгоценных камней или прекрасных женщин, — то и другое я доставил бы ему без труда. Этот раздел колдовства входит в программу первого семестра. Однако драгоценных камней у царя было достаточно, а жен больше чем достаточно — он совершенно не знал, что с ними делать. И вот он приказал мне — что бы вы думали? «Ферра, летом в моем дворце жарко. Сотвори нечто такое, что принесло бы во дворец прохладу».

Я тут же понял, что попался. Ферры учатся изменять климат лишь на специальных семинарах. Наверное, я слишком много времени убивал на беговой дорожке. Что называется, влип.

Я поспешно обратился к Большой магической энциклопедии и посмотрел статью «Климат». Заклинания оказались для меня чересчур сложными. О том, чтобы просить помощи, не могло быть и речи. Это означало бы расписаться в собственной непригодности. Однако я вычитал, что в двадцатом веке существует искусственное управление климатом. Тогда я проник в будущее по узенькой тропинке и взял один из ваших кондиционеров. Потом царь повелел сделать так, чтобы его яства не портились, и я вернулся за холодильником. Потом...

— И все это ты подключал к генератору? — спросила Джейнис, которую занимала техническая сторона вопроса.

— Да. Я, может, не так уж силен в заклинаниях, вато в технике кое-что смыслю.

«А ведь у него концы с концами сходятся», — подумал Боб. Действительно, кто умел за 2000 лет до нашей эры создавать во дворце прохладу? За все сокровища мира нельзя было купить струю ледяного воздуха из кондиционера или холодильник, гарантирующий свежесть пищи. Однако Бобу не давала покоя мысль: что же это за демон? На ассирийского не похож. Что не египетский — ясно...

— Нет, не понимаю, — сказала Джейнис. — В прошлом? Ты имеешь в виду путешествие по времени?

— Именно. В колледже я специализировался в путешествиях по времени, — подтвердил ферра с мальчишечьи-горделивой ухмылкой.

«Может быть, ацтекский, — думал тем временем Боб, — хотя это маловероятно...»

— Что ж, — посоветовала Джейнис, — обратись еще куда-нибудь. Почему бы тебе, например, не ограбить крупный универсальный магазин в столице?

— Ваш магазин — единственный, куда приводит тропинка во времени, — пояснил ферра.

Он поднял вентилятор. «Мне, право же, неприятно, но если я не выдвинусь у царя Алерiana, то никогда уже не получу другого назначения. Имя мое будет предано забвению».

И он исчез.

* * *

Полчаса спустя Боб и Джейнис сидели в угловой кабинке кафе, работающего круглосуточно. Они пили черный кофе и вполголоса переговаривались.

— Не верю ни единому слову! — горячилась Джейнис, к которой вернулся весь природный скепсис. — Демоны! Ферры!

— Придется тебе поверить, — устало отозвался Боб. — Ты ведь видела своими глазами.

— Не следует верить всему, что видишь, — стойко ответила Джейнис. Однако тут же она вспомнила об утраченных товарах, улетучившихся доходах и о свадьбе, отодвигающейся все дальше и дальше. — Ну, да ладно, — сказала она. — Ох, милый, что же нам делать?

— С магией надо бороться при помощи магии, — назидательно изрек Боб. — Завтра ночью он вернется. Уж тут-то мы подготовимся.

— Я тоже так считаю, — поддержала его Джейнис. — Я знаю, где можно одолжить винчестер...

Боб покачал головой: «Пули отскочат от него или пройдут насквозь, не причинив вреда. Добрая, испытанная магия — вот что нам нужно. Клин клином вышибают».

— А какая именно магия? — спросила Джейнис.

— Чтобы действовать наверняка, — ответил Боб, — мы уж лучше прибегнем ко всем известным видам магии. Как жаль, что я не знаю, откуда он родом. Чтобы мы получили желательный эффект, магия должна...

— Еще кофе? — спросил внезапно выросший перед ними буфетчик.

Боб виновато взглянул на него, а Джейнис покраснела.

— Пойдем отсюда, — предложила она. — Если кто-нибудь нас подслушает, мы станем всеобщим посмешищем — хоть беги из городка.

Вечером они встретились в магазине. Весь день Боб провел в библиотеке, подбирая материал. Плодом его стараний были 25 листов, с обеих сторон покрытых неуклюжими каракулями.

— А все-таки жаль, что у нас нет винчестера, — сказала Джейнис, захватившая из секции металлических изделий шоферский домкрат.

В 23.45 появился ферра.

— Привет, — заявил он. — Где вы держите электрокамины? Царю угодно что-нибудь на зиму. Открытые очаги ему надоели. Слишком сильный сквозняк.

— Изыди во имя креста! — торжественно начал Боб и показал ферре крест.

— Прошу прощения, — любезно откликнулся гость. — Ферры с христианством не связаны.

— Изыди во имя Намтару и Тиамат! — продолжал Боб, ибо в его конспектах первой значилась Месопотамия. — Во имя обитателя пустынь Шамаша, во имя Телала и Энлиля...

— Ага, вот они, — пробормотал ферра. — Отчего я вечно ввязываюсь в какие-то неприятности? Это электрическая модель, не газовая? Камин, похоже, малость подержанный.

— Призываю создателя лодок Рату, — нараспев затянул Боб, переключаясь на Полинезию, — и покровителя травяных передников Хину.

— Еще чего, подержанный, — обозлилась Джейнис, в душе которой деловые инстинкты взяли верх. — Гарантия на год. Безоговорочная.

— Взываю к Небесному Волку, — перешел Боб к Китаю, когда Полинезия не подействовала. — К Волку, стерегущему врата Верховного божества Шан Ди. Призываю бога грома Ли Куна...

— Постоите, ведь это инфралучевая духовка, — сказал ферра как ни в чем не бывало. — Ее-то мне и надо. И еще ванну. У вас есть ванны?

— Зову Ваала, Буэра, Форкия, Мархоция, Астарту...

— Ванны здесь, не так ли? — спросил ферра у Джейнис, и та непроизвольно кивнула. — Возьму, пожалуй, самую большую. Царь довольно крупный мужчина.

— ... Единорога, Фетида, Асмодея и Инкуба! — закончил Боб. Ферра покосился на него не без уважения.

Боб гневно призвал персидского владыку света — Ормузда, а за ним — божество аммонов Молоха и божество древних филистимлян Дагона.

— Больше я, наверное, не унесу, — размышлял ферра вслух.

Боб помянул Дамбаллу, потом взмолился аравийским богам. Он испробовал фессалийскую магию и заклинания Малой Азии. Он пытался растрогать малайских духов и расшевелить ацтекских идолов. Он двинул в бой Африку, Мадагаскар, Индию, Ирландию, Малайю, Скандинавию и Японию.

— Это внушительно, — признал ферра, — но все равно ни к чему не приведет. — Он взвалил на себя ванну, духовку и камин.

— А почему? — задохнулся от изумления Боб, который совершенно выбился из сил.

— Видишь ли, на ферр действуют только заклинания родной страны. Точно так же джины подчиняются лишь магическим законам Аравии. Кроме того, ты не знаешь, как меня зовут; уверяю тебя, немногого добьешься, изгоняя демона, имя которого тебе неизвестно.

— Из какой же ты страны? — спросил Боб, вытирая пот со лба.

— Э, нет! — спохватился ферра. — Зная страну, ты можешь отыскать против меня верное заклинание. А у меня и так хлопот полон рот.

— Послушай, — вмешалась Джейнис. — Если царь так богат, отчего бы ему не расплатиться с нами?

— Царь никогда не платит за то, что может получить даром, — ответил ферра. — Поэтому он и богат.

Боб и Джейнис пронзили его яростным взглядом, поняв, что свадьба уплывает в неопределенное будущее.

— Завтра ночью увидимся. — С этими словами ферра дружелюбно помахал рукой и исчез.

*

— Ну и ну, — сказала Джейнис, когда ферра скрылся. — Что же теперь делать? У тебя есть еще какие-нибудь блестящие идеи?

— Решительно никаких, — ответил Боб, тяжело опускаясь на тахту.

— Может, еще нажмем на магию? — спросила Джейнис с легчайшей примесью иронии.

— Ничего не выйдет, — отрезал Боб. — Ни в одной энциклопедии я не нашел слов «ферра» и «царь Алерриан». Он, наверное, из тех краев, о каких мы и слыхом не слыхивали. Возможно, из какого-нибудь карликового княжества в Индии.

— Везет как утопленникам, — пожаловалась Джейнис, отбросив иронический тон. — Что же нам делать? В следующий раз ему, я думаю, понадобится пылесос, а потом магнитофон.

Она закрыла глаза и стала сосредоточенно думать.

— Он и впрямь лезет из кожи вон, лишь бы только выдвинуться, — заметил Боб.

— Я, кажется, придумала, — объявила Джейнис, открывая глаза.

— Что именно?

— На первом месте для нас должна быть *наша* торговля и *наша* свадьба. Правильно?

— Правильно, — ответил Боб.

— Ладно. Пусть я не бог весть какой мастак в заклипаниях, — подытожила Джейнис, засучив рукава, — зато в технике я разбираюсь. Живо, за работу.

На следующие сутки ферра нанес им визит без четверти одиннадцать. На госте был все тот же белый свитер, но башмаки из оленьей кожи он сменил на рыжевато-коричневые мокасины.

— Нынче царь меня торопит, как никогда, — сказал он. — Новая жена всю душу из него вымотала. Оказывается, ее наряды выдерживают только одну стирку. Рабы колотят их о камень.

— Понятно, — сочувственно произнес Боб.

— Бери, пожалуйста, не стесняйся, — предложила Джейнис.

— Это страшно любезно с вашей стороны, — с признательностью вымолвил ферра. — Поверьте, я способен это оценить. — Он выбрал стиральную машину. — Царица ждет. — И ферра скрылся.

Боб предложил Джейнис сигаретку. Они уселись на кушетку и стали ждать. Через полчаса ферра появился вновь.

— Что вы натворили? — спросил он.

— А что случилось? — невинно откликнулась Джейнис.

— Стиральная машина! Когда царица ее включила, оттуда вырвалось облако зловонного дыма. Затем раздался какой-то чудной звук, и машина остановилась.

— На нашем языке, — прокомментировала Джейнис, пустив кольцо дыма, — это называется «машинка с фокусом».

— С фокусом?

— С «покупкой». С сюрпризом. С изъязцем. Как и все остальное в нашем магазине.

— Но вы же не имеете права! — воскликнул ферра. — Это нечестно!

— Ты такой способный, — ядовито ответила Джейнис. — Валяй, чини.

— Я похвастал, — смиренно промолвил ферра. — Вообще-то я гораздо сильнее в спорте.

Джейнис улыбнулась и зевнула.

— Да полноте, — умолял ферра, нервно подрагивая крылышками.

— Очень жаль, но я ничем не могу помочь, — сказал Боб.

— Вы ставите меня в ужасное положение, — не унимался ферра, — меня понизят в должности. Вышвырнут с государственной службы.

— Но мы ведь не можем допустить своего разорения, правда? — спросила Джейнис.

С минуту Боб размышлял.

— Послушай-ка, — предложил он. — Почему бы тебе не доложить царю, что ты столкнулся с мощной антиманией? Скажи, что, если ему нужны эти товары, пусть платит пошлину демонам преисподней.

— Ему это придется не по нраву, — с сомнением произнес ферра.

— Во всяком случае, попробуйся, — предложил Боб.

— Попытаюсь, — сказал ферра и исчез.

— Как по-твоему, сколько можно запросить? — нарушила молчание Джейнис.

— Да посчитай ему по стандартным розничным ценам. В конце концов, мы создавали магазин в расчете на честную торговлю. Мы ведь не собирались проводить дискриминацию. А все же хотел бы я знать, откуда он родом.

— Царь так богат, — мечтательно проговорила Джейнис. — По-моему, просто грех не...

— Постой! — вскричал Боб. — Это невозможно! Разве в 2000 году до нашей эры мыслимы холодильники? Или кондиционеры?

— Что ты имеешь в виду?

— Это изменило бы весь ход истории! — объяснил Боб. — Посмотрит какой-нибудь умник на эти штуки и смекнет, как они действуют. И тогда изменится весь ход истории!

— Ну и что? — спросила практичная Джейнис.

— Что? Да то, что научный поиск пойдет по другому пути. Изменится настоящее.

— Ты хочешь сказать, что это невозможно?

— Да!

— Именно это я все время и говорила, — торжествуя заметила Джейнис.

— Да перестань, — обиделся Боб. — Надо было подумать обо всем раньше. Из какой бы страны этот ферра ни происходил, она обязательно окажет влияние на будущее. Мы не вправе создавать парадокс.

— Почему? — спросила Джейнис, но в это мгновение появился ферра.

— Царь изъявил согласие, — сообщил он. — Хватит ли этого в уплату за все, что я у вас брал? — Он протянул маленький мешочек.

Высыпав содержимое из мешочка, Боб обнаружил две дюжины крупных рубинов, изумрудов и бриллиантов.

— Мы не можем их принять, — заявил Боб. — Мы не можем вести с тобой дела.

— Не будь суеверным! — вскричала Джейнис, видя, что свадьба вновь ускользает.

— А, собственно, почему? — спросил ферра.

— Нельзя отправлять современные вещи в прошлое, — пояснил Боб. — Иначе изменится настоящее. Или перевернется мир, или еще какая-нибудь напасть приключится.

— Да ты об этом не беспокойся, — примирительно сказал ферра. — Ничего не случится, я гарантирую.

— Как знать? Ведь если бы ты привез стиральную машину в древний Рим...

— К несчастью, — вставил ферра, — государство царя Алерiana лишено будущего.

— Не можешь ли ты разъяснить свою мысль?

— Запросто. — Ферра уселся в воздухе. — Через три года царь Алерян и его страна будут совершенно и безвозвратно стерты с лица земли силами природы. Не уцелеет ни один человек. Не сохранится ни единого глиняного черепка.

— Отлично, — заключила Джейнис, поднеся рубин к свету. — Нам бы лучше разгрузиться, пока он еще заключает сделки.

— Тогда, пожалуй, другое дело, — сказал Боб. Их магазин был спасен. Пожениться они могли хоть завтра. — А что же станет с тобой? — спросил он ферру.

— Ну что ж, я недурно показал себя на этой работе, — ответил ферра. — Скорее всего, попрошусь в заграничную командировку. Я слышал, что перед арабским колдовством открываются необозримые перспективы.

Он благодушно провел рукой по светлым, коротко подстриженным волосам. «Я буду навещать», — предупредил он и начал исчезать.

— Минуточку, — вскочил Боб. — Не скажешь ли ты, из какой страны ты явился? И где правит царь Алерин?

— Пожалуйста, — ответил ферра, у которого была видна только голова. — Я думал, вы догадались. Ферры — это демоны Атлантиды.

С этими словами он исчез.

ПРЕДЕЛ НАПРЯЖЕНИЯ

С экрана видеофона на него смотрело совсем юное лицо женщины-репортера.

— Ваши любимые занятия, директор Ларкин? — весело спросила она.

— Пить вино, заниматься своими делами, не путаясь в чужие, ну, и еще журналистика, — ответил Макс.

Лицо недоуменно вытянулось.

— Что?..

— Журналистика, — отчетливо повторил Макс. Он объяснил ей, как пишется это слово. — Поищите его значение в микрофильмотеке.

Выключив канал видеофона, он думал о пробелах в образовании молодого поколения. Как телевизионный репортер-комментатор, девушка эта, несомненно, получила приличную гуманитарную подготовку по вновь пересмотренной программе, где история была обязательным предметом. Макс вспомнил о двадцатом веке, когда оставшиеся леса были истреблены для производства газетной бумаги, океана бумаги, в котором этот век потом и захлебнулся. Но вся эта суматошная

деятельность не оставила в человеческих умах никакого следа. Книг теперь никто не читал. Они продолжали существовать скорее как понятие, выполняя функции хранилищ знаний и сведений настолько устаревших или малозначительных, что их даже не сочли нужным замикрофильмировать. Что касается журналов, то они и вовсе исчезли. Три года назад из-за отсутствия спроса Управление транспорта и коммуникаций закрыло журнал, предназначенный для пассажиров последней существующей в мире железной дороги на Апеннинском полуострове. Остался один-единственный журнал — «Искатель». Его печатали в Гонконге на ручном станке и рассылали по всему свету — примерно двумстам пятидесяти подписчикам, таким же чудакам, как сам Макс.

Он взял в руки последний номер журнала, чтобы еще раз полюбоваться красотой и четкостью старинной печати. Каждую такую страницу было приятно читать. Мысль, изложенная неторопливо и логично, легко усваивалась. Это вовсе не походило на хаотические, бессвязные выкрики с телеэкрана! Очерк о мутации чомги. Очередная глава из тщательно проделанного Ян Цзуном анализа Тридцатилетней войны. Статья его старого приятеля Мэтью Лаберро о начальном периоде существования «Атомикса», первой международной административной корпорации. Заметив наконец, что телеэкран на стене все еще мерцает и оттуда несутся выкрики, Макс выключил его и, надев очки для чтения, поудобнее расположился в кресле.

«Возникновение «Атомикса» из руин последней мировой войны фактически явилось своего рода откликом

на пренебрежение, с которым приняли критику, высказанную в адрес административного аппарата. В промежутке между второй и последней мировыми войнами в число наиболее активных пацифистских или близких к пацифизму групп входили и крупные ученые-атомщики. А потому можно было ожидать, что, если из пепла войны еще суждено чудом возникнуть какому-нибудь совету по атомной энергии, то руководителями его окажутся те же самые ученые. Но время разговоров миновало, теперь все зависело от быстрых и энергичных действий. Беспомощные, начисто лишившиеся иллюзий общественные организации взирали на уцелевшие после войны центры атомной энергии с нерешительностью, переходящей от восхищения к откровенной враждебности, а подобные колебания долго продолжаться не могли. Тяга к порядку и устойчивости была так велика, что это, естественно, не могло не вызвать соответствующей реакции. И вот все большее влияние стал приобретать «Атомикс», но только с помощью администраторов, а не ученых. Люди ничем не примечательные в мире науки, но зато обладающие способностью проникать в самые глубины человеческих взаимоотношений, — подобное качество часто сочетается с посредственными успехами на исследовательском поприще — волей-неволей оказались в первых его рядах. Там, где ученые способны были лишь теоретизировать, эти люди действовали.

Движение это охватило весь мир и выдвинуло своего признанного лидера. Отто ван Марк, до войны скромный офицер Службы безопасности на филиладельфийском предприятии, поставил перед собой гигантскую задачу воссоединения перемолотых войнами, но теперь живающих центров атомной энергии в единый всемирный

картель, который мог бы считаться со слабыми правительствами тех стран, на чьей территории он будет действовать. За два года ценой немалого числа человеческих жизней — ван Марк не отличался особой щепетильностью — он добился успеха. Существование «Атомикса» — первой международной административной корпорации — стало общепризнанным фактом.

Ван Марк, несомненно, рассматривал учреждение «Атомикса» лишь как первый шаг к мировому господству, в течение четырех или пяти тысячелетий дразнившему ложными надеждами многих деспотов. Сначала он хотел обеспечить оборону «Атомикса», дабы потом самому перейти в наступление. Оборона была проста и эффективна. Он выстроил специальный корпус, который делился автоматически убирающимися щитами на изолированные секторы. Эти секторы он заполнил расщепляющимися материалами с массой чуть ниже критической. Убрав щиты, можно было обеспечить взрыв, сила которого была бы достаточной, чтобы стереть с лица земли Североамериканский континент и сделать непригодными для жизни все остальные. Главный рубильник находился в кабинете ван Марка. Судьба человечества была в его руках.

По идее это было оборонительное оружие, но бумаги, оставленные ван Марком, ясно свидетельствовали о том, что он намеревался использовать его и для нападения. Он хотел потребовать от неустойчивых правительств разных стран, чтобы они передали ему всю полноту власти, угрожая в противном случае таким взрывом, от которого земной шар разлетелся бы на куски. И это были не пустые угрозы. Ван Марк был одержим манией величия. Но он просчитался, забыв об одной простой вещи — о случае. Как-то прекрасным июньским

утром он упал с лестницы, сломал себе позвоночник и умер.

Преемник ван Марка, Ливерсон, был лишен честолюбия своего предшественника. Будучи трезвым политиком, он понимал неизбежность возникновения других столь же могущественных административных корпораций. Это его не смущало. Напротив, он считал, что во имя блага человечества монополии на атомную власть не должно существовать. Если при жизни ван Марка он поддерживал его тайные намерения, то уже в 1994 году, когда утвердились такие мощные корпорации, как «Юнайтед кемиклс», «Лигнин продактс» и «Агрикалчер», он решил, что отныне опасность, возникающая из-за концентрации власти в руках одного человека, явно превосходит преимущества, которые дает эта власть. Расщепляющиеся материалы были рассредоточены, а проект ван Марка, о существовании которого знали лишь несколько его ближайших сотрудников, ликвидирован. Человечество было спасено».

Отложив журнал, Макс задумался над тем, где Мэтью удалось раскопать подобные сведения. Историю нынче никак нельзя отнести к доходным отраслям науки. Правда, он и сам изучал историю зарождения корпоративных систем, однако эти данные были для него откровением. Но ведь Мэтью Лаберро, вспомнил он, — один из директоров Пенсильванского отделения «Атомикса»! Возможно, он сумел получить допуск к архивам корпорации. Тем не менее такой внезапно вспыхнувший у Лаберро интерес к истории сам по себе был загадочным. Даже среди подписчиков и читателей «Искателя», — а уж этот-то журнал никак нельзя обви-

нить в пристрастии к модернизму, — подумал Макс, — вряд ли найдется человек, проявляющий столь мало интереса к истории администрирования, как Мэтью. Это историческое исследование о создании первой международной организации никак не вязалось с презрительными насмешками над ней самого Мэтью.

На своем заваленном бумагами бюро Макс разыскал последнее письмо Мэтью. Но только он принялся изучать его неразборчивый почерк, как зажужжал зуммер видеофона, укрепленного на передвижной подставке. Макс нажал кнопку в ручке кресла, и видеофон бесшумно подъехал к нему. Щелкнул выключатель, на экране появилось изрезанное морщинами, пухлое лицо главного директора Хьюисона.

— Привет, Макс! — поздоровался Хьюисон. — Как у вас там жизнь?

— Холодно, — ответил Макс. — Семь градусов. К рождеству, наверное, выпадет снег. Все?

Хьюисон рассмеялся.

— А у нас снег уже идет. Прямо метель. Но дело не в этом. Вам известен «Кодекс»?

«Кодекс соглашения», к которому прибегали крайне редко, представлял собой свод правил, обеспечивающих гибкое взаимодействие различных корпораций.

— Более или менее, — кивнул Макс.

— Параграф восемьдесят первый. Право на допрос сотрудников другой корпорации. Разрешение дает директор того отделения, где работает данный сотрудник.

— Взаимные полицейские меры? Да, знаю.

— Нам они тоже не по душе, — признался Хьюисон. — Всем нам. Чертовски неприятный параграф. Но он существует, хотя к нему можно прибегать только

тогда, когда обществу действительно угрожает опасность.

— Все это очень занимательно, — терпеливо согласился Макс. — И что же?

— Кому-то, — вкрадчиво продолжал Хьюисон, — по-видимому, понадобились вы, Макс. Я просто хочу вас предупредить. Беспокоиться пока не о чем. Мы дали разрешение только на допрос. При наличии обвинения на допросе присутствует наш представитель и расследование идет по каналам «Юнайтед кемиклс».

— Спасибо, — сухо поблагодарил Макс. — От кого же явятся эти непрошенные гости?

— От «Атомикса». Беспокоиться, повторяю, абсолютно не о чем. Мы будем следить за ходом дела.

— А как насчет «опасности, действительно угрожающей обществу»? Они объяснили вам, что это значит?

Хьюисон отрицательно покачал головой.

— Это не входит в их обязанности. А «Атомикс», как вам, наверное, известно, умеет держать язык за зубами.

— Хотите знать, в чем дело? Ну-ка, подвиньтесь поближе. — Лысая голова Хьюисона механически ткнулась в экран и тут же в недоумении отпрянула.

— Я держу у себя в доме жирафа с Венеры, — сказал Макс, — а разрешения на это у меня нет.

У Хьюисона было явно рассерженное лицо, но Макс выключил экран, и оно исчезло. Взяв письмо Лаберро, Макс перечитал последние строки: «Кстати, я вновь обратился к Свифту. Удивительный он писатель, Макс. Как он знал людей!»

Представитель «Атомикса» пришел один. Он был в зеленой полицейской форме со значком в виде горящего пламени на лацкане пиджака. Молодой, не более двадцати шести — двадцати семи лет, светловолосый, с несколько застенчивым выражением лица, он тем не менее производил впечатление спокойного и уверенного в себе человека. В гостиной, где они расположились, чиновник с небрежной откровенностью включил свой карманный звукоотражатель.

— Надеюсь, — сказал он, — нам не придется слишком утруждать вас, директор Ларкин.

— Я не люблю титулов, — отозвался Макс. — Называйте меня Ларкин или, если угодно, просто Макс.

— Моя фамилия Менигстайн, — представился чиновник из «Атомикса». — Норман Менигстайн. Что же касается дела, по которому я пришел, то не могу сказать, что это незначительный вопрос, увы — нет, хотя вас он касается лишь косвенно. Нам необходимы сведения об одном человеке, и мы полагаем, что вы в состоянии нам их дать.

— О Лаберро? — спросил Макс.

— Вам что-нибудь известно? — тотчас откликнулся Менигстайн.

— Ничего, — покачал головой Макс. — И пока я не догадываюсь, в чем дело. Но вот уже несколько лет мы с Лаберро состоим в переписке, а больше ни с кем из «Атомикса» я не знаком. — Он помолчал. — Странно, почему вы предварительно не проверили все эти факты.

— Нам всегда приписывают значительно большую тщательность при проверках, чем это есть на самом деле, — пожаловался Менигстайн. — Вы, наверное, знаете, какими средствами мы располагаем. Будь у нас достаточный штат для сбора тех сведений, которые,

как думают, к нам поступают, я, наверное, не сидел бы в эту минуту у вас. Да, дело касается Лаберро. Что вы можете мне о нем рассказать?

— Как я уже упомянул, — начал Макс, — мы несколько лет состоим в переписке. То есть пишем друг другу письма, а не ограничиваемся телеграммами, как это нынче принято. Вы, вероятно, уже успели прочесть некоторые из них, а значит, вам известен характер нашей переписки. Мы оба историки-любители, мы... изучаем события. События, касающиеся человечества.

— Что вы можете сказать о характере Лаберро? — терпеливо продолжал выспрашивать чиновник из «Атомикса». Его цепкий взгляд скользил по комнате. — Нас интересуют не какие-либо особые его качества, а лишь образ мышления.

— Образ мышления? Он, пожалуй, идеалист. Идеалист в моем понимании — тот, кто не только придерживается высокого мнения о себе, но и полагает, что весь мир должен быть с ним солидарен. А так как обычно люди не оправдывают возложенных на них надежд, то его можно назвать разочарованным идеалистом. — Макс в упор взглянул на Менигстайна. — Я говорю сейчас о моем старом друге. Но, как видите, я отношусь с полным уважением к вашей деятельности.

— По правде говоря, — спокойно отозвался Менигстайн, — я сам знаю Мэтью вот уже несколько лет. Поэтому мне и поручили это дело. Не думайте, что оно мне по душе, но все это очень важно.

— Понятно, — Макс нажал кнопку звонка в ручке своего кресла. — Надо думать, важно, если нам угрожают атомным взрывом, способным уничтожить всю планету.

Менигстайн, никак не проявив удивления, только поудобнее устроился в кресле.

— К чему дурачить Службу безопасности, Макс? — спросил он. — Вы могли бы сразу рассказать мне все, что вам известно.

— Теперь, — ответил Макс, — я, кажется, догадался. — Он взял со стола журнал и, открыв его на той странице, где начиналась статья Мэтью, подал Менигстайну. — Сложите два и два, и вы получите четыре. Это не истина, это тавтология.

Вошел Джузеппе с подносом, на котором стояли низкие бокалы, наполненные «*Lacrime Christi di Orvieto*» 61-го года. Менигстайн быстро, но внимательно читал статью из «Искателя». Не отрываясь от текста, он взял поставленный рядом бокал и поднес к губам, но, вдохнув букет, помедлил и с улыбкой взглянул на Макса.

— У вас, говорят, недурной винный погреб. — Он пристально рассматривал свой бокал. — Когда пьешь такое вино, грех не выпить за что-нибудь. Например, за будущее человечества?

Макс поднял свой бокал.

— Как ни странно, это то немногое, во что я верю. А пока введите-ка меня в курс дела. Неужто Мэтью действительно может сделать такое?

— Здесь все сказано, — кивнул Менигстайн и постучал пальцами по журналу. — К сожалению, это не блеф. Как вы выразились, он... историк-любитель. Сначала штаб-квартира ван Марка находилась в Филадельфии. И именно в филадельфийском отделении Мэтью получил пост директора. Помещение, где когда-то стоял атомный реактор, последнее время служило складом для разных материалов. Никто и не помнил,

каково было его первоначальное назначение. Мэтью очистил его и заполнил секторы в главной камере изотопом урана-287 с массой чуть ниже критической. Предварительно он проверил действие экранов. Теперь стоит лишь нажать кнопку, чтобы началась реакция.

— И ему удалось все это сделать так, что никто не заметил? — удивился Макс.

Менигстайн устало усмехнулся.

— Да, нашу Службу безопасности это никак не характеризует с лучшей стороны. Старая песня — в «Атомиксе» всем на все наплевать. Никому и в голову не пришло спросить, зачем туда доставляют уран.

— Еще один вопрос, — сказал Макс, — почему мы до сих пор не взлетели на воздух?

— Сложилась любопытная ситуация, — усмехнулся Менигстайн. — Поэтому-то я и сижу у вас. Обсудим ее здесь или?..

Висевшие на стене часы в футляре из севрского фарфора мелодично прозвонили семь раз.

— Если мы сейчас же отправимся в Филадельфию, — предложил Макс, — то не потеряем ни минуты. Там тоже будет семь часов. Обычно я не пользуюсь стратолайнерами, но нет правил без исключения. А в пути вы мне изложите все по порядку.

В восемнадцать сорок восемь они прибыли в филадельфийский порт, а оттуда на вертолете добрались до расположенного на окраине города штаба «Атомикса». Накренившись на крыло, вертолет вынырнул из зимних сумерек прямо в россыпь огней вокруг наклоненного, как обычно, на бок пилона «Атомикса». На посадочной площадке стоял высокий мужчина

с холодным, напряженным выражением лица и седеющей головой. Это был Сильвестро — генеральный директор «Атомикса». Сдержанно кивнув Макс, он повернулся к Менигстайну.

— Надеюсь, у вас были основания привезти сюда постороннего человека?

Менигстайн, пренебрегая субординацией, ответил, как равный равному:

— Не более тех, о которых я уже упомянул в моем телеразговоре из Неаполя. Это директор Ларкин. Он друг Лаберро, и у него есть кое-какие идеи, которые могут нам пригодиться.

Поистине удивительно, подумал Макс, как возможность взлететь на воздух пробудила в этом молодом человеке чувство независимости. Сильвестро выслушал Менигстайна и молча повел прибывших к выходу.

— Есть что-нибудь новое? — спросил Менигстайн.

Генеральный директор «Атомикса» покачал головой.

— Он дал нам неделю. Это было три дня назад. Он хочет — совершенно непонятно зачем, — чтобы мы известили людей о том, что им предстоит взлететь на воздух. Когда мы посылаем к нему кого-нибудь для переговоров, он неизменно упоминает об этом. Конец света предопределен, и люди должны это знать.

— Неделя... — начал Макс.

Сильвестро взглянул на него.

— Ководрин. Он пичкает себя ководрином. В случае нужды он сможет не спать и целый месяц. А мы не смеем его тронуть.

— А если действовать силой? Например, использовать какое-нибудь кибернетическое устройство?

На этот вопрос ответил Менигстайн.

— Вы читали его статью, Макс, — задумчиво сказал он. — Ведь это идея ван Марка, а ван Марк отличался методичностью в разработке своих планов. Вокруг письменного стола Лаберро воздвигнут барьер из фотоэлементов. Достаточно пересечь этот барьер, когда он включен, и взрыв неминуем. А он включен постоянно. Пытаясь приблизиться к Лаберро, мы должны быть предельно осторожны.

— Понятно, — кивнул Макс. Они подошли к лифту. — Я, пожалуй, пройду прямо к нему.

Сильвестро окинул его недоверчивым взглядом.

— Большого вреда от этого не будет, — угрюмо процедил он.

Помещение, где находился главный рубильник, оказалось почти пустым, лишь посредине стоял большой письменный стол, а за ним кресло. Возле самой двери, где не действовал барьер из фотоэлементов, стояло еще одно кресло. Макс с облегчением заметил, что оно широкое и удобное.

В кресле за письменным столом сидел Мэтью Лаберро. Макс пристально взгляделся в него. Друзья по многолетней переписке, они ни разу не встречались и даже не общались друг с другом по видеофону. Макс почему-то считал Мэтью высоким и удивился, увидев перед собой человека ростом много ниже себя, почти карлика. У Мэтью было худое, изрезанное морщинами лицо и мешки под глубоко посаженными глазами. Он смотрел на входившего в комнату Макса.

— Разрешите представиться, Мэтью, — сказал Макс. — Я Макс Ларкин.

Губы Лаберро растянулись в улыбке.

— За последние дни у меня здесь было вдоволь посетителей, — произнес Мэтью. Говорил он тихо, мягко

и настороженно. — Философы, служители церкви и прочие джентльмены, которые прямо и откровенно признавались в том, что заинтересованы в дальнейшем существовании нашей планеты. Неплохо они придумали, заполучив вас. Значит, вы Макс? Год падения Нивии?

— Шестьсот двенадцатый.

— Да, вы Макс. Не могу сказать, что рад встрече. При наших отношениях нам вовсе не требовалось видеться друг с другом. Быть может, вы решили, что нам следует повидаться, до того как мы... все... отойдем в лучший мир? Я теряюсь в догадках, Макс.

— Нет, — ответил Макс. — Я всегда действую только из корыстных побуждений. — Он помолчал, не сводя глаз с Лаберро. — Я разочарован. Я-то думал, что в одном мы единодушны: непрошеное вмешательство есть безумие.

— В ограниченных размерах — безусловно. Что же касается тотального вмешательства, так сказать в космическом масштабе, это несколько меняет дело, верно?

— Масштабы, разумеется, не те, — согласился Макс. Он поудобнее уселся в кресло. — И давно вы задумали все это, Мэтью?

— Года три назад, — пожав плечами, ответил Лаберро. — Вскоре после того, как меня сюда перевели, я наткнулся на бумаги ван Марка. Честно говоря, первоначально мои намерения были чисто умозрительного характера. Мне хотелось выяснить, может ли человек в одиночку справиться со всем этим, то есть создать такой запас энергии, который, если ее освободить, в состоянии стереть человеческую жизнь с лица земли. — Он улыбнулся. — А раз уж такой фитиль создан, то почему бы его не поджечь?

— Ваши первоначальные побуждения мне понятны, — не спеша отозвался Макс. — Мне и самому трудно было бы отказаться от возможности сыграть подобного рода шутку. Но она не из тех, которые человек здравомыслящий доводит до конца.

— Меня этим не возьмешь, Макс, — сказал Лаберро. — Могучий инстинкт самосохранения есть непрерывное условие продолжения жизни. Любой моральный кодекс назовет безумцем человека, пожелавшего сделать то, что намерен сделать я. Ответьте мне на один вопрос, Макс. Жизнь, по-вашему, плоская шутка или есть в ней какое-то назначение, какая-то цель? Если жизнь всего лишь шутка, то важен ли ее конец? А если в ней есть назначение, то почему не рассматривать мои действия как часть этого назначения?

— Середины, значит, нет? — спросил Макс. — Вы меня удивляете, Мэтью. А что вы скажете о цели как результате прогресса?

— «Сила жизни» Шови? Аргумент атеиста, оправдывающий его дальнейшее существование. Вы меня удивляете, Макс.

— Но вы же не можете не принять это во внимание! И фамилия его была не Шови, а Шоу. Впрочем, мне понятны ваши заблуждения. Конечно, я не надеюсь, что мои слова хоть чем-нибудь помогут, но беда ваша в том, что вы становитесь все более надменным.

— Мы, читающие «Искатель», — ответил Лаберро, — сознаем свое превосходство над обычными людьми нашего времени. Но я, например, только недавно, когда в моем распоряжении оказался небольшой запас энергии, понял, насколько велико это превосходство. Вот тогда-то, занимаясь своими обычными служебными делами, я и подумал, как легко будет подвести черту

под «Силой жизни» человечества, написав большими красными буквами «СТОП». Я начал присматриваться. Я не сводил глаз с телеэкрана, чего никогда не делал прежде. Да вот, полюбуйтесь сами.

Вездесущий телеэкран занимал большую часть стены слева от Лаберро и справа от Макса. Лаберро нажал одну из кнопок на своем столе, и экран ожил. Группа стройных девиц в шелковых, туго облегающих рейтузах и золотых туфельках, высоко задирая ноги, исполняла джигу под хриплый аккомпанемент мелодии весьма дурного пошиба. Камера, следуя за ними, подробно, слишком подробно, знакомила зрителя с телосложением каждой девицы.

— Филадельфия, — провозгласил Лаберро. — А теперь Голливуд.

Диктор объявил: «Приглашаем вас на «час культуры». Великое наследие прошлого. Прежде всего, по просьбе наших многочисленных зрителей, шедевр двадцатого века — «Голубая рапсодия» Гершвина».

Камера запорхала вокруг оркестра, особенно выделяя сладкозвучную группу смычковых инструментов.

— Лондон, — пояснил Лаберро.

Смутные фигуры метались и скользили в море тумана. А вокруг амфитеатром расположилась неистово орущая толпа. Комментатор хрипло выкрикивал: «Мяч у Рис-Уильямса! Он отдает его Джонсу, нет, Эдвардсу, нет, Джонсу. Прекрасный пас! Отличный пас! О-о-о — мяч утерян! По-моему, мяч утерян! Да, опять схватка! Какая великолепная игра!»

— Дели, — сказал Лаберро.

На этот раз телевикторина. Лаберро выключил телевизор.

— Выбор сделан наугад, — заметил он. — И все это во второй половине двадцать второго века! Ну-ка, скажите что-нибудь в его защиту! Я жду.

— Я и не собираюсь его защищать, — мягко возразил Макс. — Но вы-то, вы? Неужели все это вам настолько ненавистно, что вы оправдываете свое намерение стереть жизнь с лица земли?

— В оправдании, — ответил Лаберро, — нуждаются только слабые духом. У меня же нет сомнений. Я могу это сделать, а то, что я на это способен, уже само по себе есть оправдание.

— А как же дети? — спросил Макс. — И животные?

— Не пытайтесь взывать к чувствам. Сентиментальность — признак глупости. Дети становятся взрослыми. Животные тоже умирают, и подчас мучительно. Конец всегда одинаков независимо от того, наступает ли он мгновенно или ему предшествует длительная агония.

— Тогда вспомните о себе, — проговорил Макс. — Вы готовы к смерти?

— Каждый человек, каждое живое существо, — медленно ответил Лаберро, — умирая, уносит с собой целый мир. Но это мир субъективный. Я же унесу с собой мир объективный, миллиард миллиардов миров. Верите ли вы, что я действительно с нетерпением жду того мгновения, когда нажму вот эту самую кнопку?

И палец Лаберро чуть прикоснулся к маленькому зеленому кружку на пульте управления.

— Да, — ответил Макс, — верю. — Он помолчал. — И вы хотите, чтобы весь мир знал о том, что должно произойти? Для чего? Из чистого садизма?

— Нет, — мрачно возразил Лаберро. — Я хочу предупредить людей. Будет несправедливо, если их не предупредить.

Макс понимающе кивнул головой.

— Ваш телеэкран подключен к видеофону? — спросил он.

— Да, — ответил Лаберро. — А что?

— Соедините меня с кабинетом Сильвестро.

Лаберро секунду недоуменно смотрел на него. Потом сказал:

— Пожалуйста.

На экране появился кабинет Сильвестро. Сам Сильвестро сидел, Менигстайн стоял рядом.

— Что скажете? — спросил Сильвестро.

— Докладываю, — ответил Макс. — Подтверждаю, что директор Лаберро по-прежнему настаивает на осуществлении своего намерения. Взрыв, видимо, будет произведен в задуманное время. Необходимо тотчас принять срочные меры по эвакуации как можно большего числа людей на Марс и Венеру. Необходимо также сообщить людям о том, что должно произойти.

Сильвестро склонил сидящую голову.

— Согласен. — Он взглянул на Лаберро. — Вы подтверждаете, что в нашем распоряжении есть еще три дня?

— Мои намерения остаются прежними, — ответил Лаберро. — Три дня у вас есть.

— Вы не согласились бы на всемирную диктатуру?

— Я не дурак и прекрасно понимаю, что в тот момент, когда я покину пульт управления, от моей власти не останется и следа. Так им и передайте.

Экран погас, но Макс продолжал сидеть в своем кресле и смотреть на Лаберро.

— Вам тоже пора, Макс, — сказал Лаберро. — У вас, наверное, есть свои дела.

— Заниматься делами стоит только тогда, когда знаешь, что мир будет существовать, — ответил Макс. — Если же осталось всего три дня, то незачем, по-моему, тратить время на беготню. А мне и здесь не плохо.

— Интересно... — как-то странно протянул Лаберро. — Как вы думаете, хлынут ли сюда люди? Ускорит ли их слепая ярость назревающие события? — Он помедлил. — А вдруг Сильвестро меня обманывает?

Макс, ничего не ответив, указал глазами на телеэкран.

— Верно, — кивнул Лаберро. — Это ответ.

Он включил Филадельфию. Голубой экран был чист. Звучал только голос диктора. Спокойным и размеренным тоном диктор сообщал о том, что уже произошло и что еще должно произойти. «Можно надеяться, — говорил он, — что на Марсе и Венере взрыв вызовет лишь небольшие климатические изменения, а потому с помощью скоростных космических кораблей следует эвакуировать туда как можно больше людей. Подлежащие эвакуации — их будет отбирать районная администрация — должны быть молоды, здоровы и обладать высокими умственными способностями».

— Ну и что? — сказал Лаберро. — Опять начнется взяточничество. А остающиеся будут штурмовать космодромы.

«Во избежание непредвиденных осложнений, ибо после взрыва вся солнечная система может оказаться полностью необитаемой, на новом звездоплане будет поднята и направлена к созвездию Кентавра большая группа мужчин и женщин. Что же касается остальных, то их удел — лишь ждать. Во всяком случае, су-

ществуют церкви. Коммунальные службы должны действовать до конца».

— Вот это да! — засмеялся Лаберро.

— А ведь вам не удастся полностью осуществить свою идею, — заметил Макс. — Кое-кто сумеет укрыться на других планетах. И человеческая раса сохранится. И, быть может, даже сумеет перебраться на другие звездные системы.

— Это не имеет значения, — равнодушным тоном отозвался Лаберро. — Все равно людям придется начинать все сначала — рабски трудиться, чтобы выжить в непривычных условиях. Будет ли это им под силу? Вы ведь были на Венере. Что, по-вашему, там произойдет?

— Если нет своей планеты, на что можно надеяться? Три шанса против одного, что люди там либо вымрут, либо опустятся ниже уровня аборигенов.

— И я так думаю, — согласился Лаберро. — Ну, а если им удастся выжить, в чем я весьма сомневаюсь, желаю им удачи. — Он помолчал. — Надеюсь, Сильвестро не подумает, что я в последний миг разжалоблюсь? Этого не случится. И если телеэкран будет еще работать, я получу немалое удовольствие, наблюдая, как суетятся муравьи вокруг своего муравейника.

— Три дня — срок немалый, — зевая, пробормотал Макс. — Я, пожалуй, немного посплю.

Его разбудил голос телекомментатора. Лаберро смотрел передачу. На экране был зал космодрома в Нью-Хейвне. Длинная вереница молодых людей и девушек терпеливо ожидала своей очереди на посадку в межпланетные корабли. Время от времени камера показывала, как стартует очередной корабль: вздымаясь в дыму и пламени, он исчезал в сулящем спасение

небе. Комментатор коротко, по-деловому извещал о происходящем. Длинная очередь неторопливо продвигалась вперед. Камера метнулась в толпу: мужчины и женщины стояли неподвижно и молча следили за медленным шествием отобранных на посадку.

Лаберро переключился на другую программу. И там шла передача, посвященная текущим событиям. Повидимому, все станции в этот час всеобщего бедствия вели репортаж с мест. Показывали службу в церкви: звучала музыка тысячелетней давности, совершался еще более старинный спокойный обряд. Лица присутствующих были серьезны и сосредоточены.

Третья станция, которую включил Лаберро, вела передачу из музея Вейцмана. Здесь множество людей медленно переходили от одного экспоната к другому, прощаясь с шедеврами античности: вазами из Атики, римской мозаикой, хрупкими японскими акварелями. На экране появилась самофракийская крылатая богиня победы, дважды погребенная и дважды восставшая из руин, второй раз — из руин Парижа. Ее торс, сильно поврежденный, но все еще прекрасный, заполнил весь экран.

Макс снова закрыл глаза и глубже уселся в кресле.

Он дремал и, когда просыпался время от времени, видел, что Лаберро не отрывается от экрана: земной шар готовился встретить свой конец. Нарастающий темп эвакуации... Церкви, переполненные верующими... Работники коммунальных служб, спокойно выполняющие свои обычные обязанности... Мир пришел на последний неторопливый поклон к сокровищам своего прошлого... Десятки разных сцен, участники которых одинаково преисполнены смирением и стремятся к единой цели.

Лаберро смотрел на экран. А Макс, очнувшись от дремоты, смотрел на Лаберро.

Одна сцена, появившаяся на экране через восемнадцать часов после первого объявления о предстоящем конце мира, была особенно впечатляющей. Среди гигантских калифорнийских секвой телекамера отыскала семью: отца, мать, мальчика лет семи и пятилетнюю девочку. Они пробирались между гигантскими стволами — пигмеи среди великанов. Девочка вскочила на выступающий из-под земли корень секвойи и застыла на нем. Геликоптер с камерой на борту взмыл в небо, чтобы с высоты показать ее, золотоволосую, рядом с древней царицей лесов. Лаберро поспешно, слишком поспешно переключился на другую программу.

Наблюдая за ним, Макс взвешивал шансы. Он сосредоточил все внимание на самом Лаберро и на силе, оказавшейся у Лаберро в руках. Теперь он убедился в правильности своей догадки: да, его план может быть осуществлен. Но одновременно он отдавал себе отчет и в том, что может произойти осечка. А что, если Лаберро не выдержит обещанных трех дней? Вдруг он поддастся стремительному натиску безумия? Вдруг обуявшая Лаберро гордыня увлечет его на тот, другой путь, и он нажмет маленькую зеленую кнопку? Все теперь зависело от того, насколько устойчивым окажется разум Лаберро. Да, не очень весело было коротать часы ожидания с такими мыслями в голове.

Он видел, что лицо Лаберро становится все более напряженным, — значит, в его мозгу идет борьба. Он следил, стараясь не упустить того мгновения, когда напряжение достигнет предела. И это мгновение наступило, казалось бы, в самую неподходящую минуту. К вечеру второго дня Лондон навел телекамеру на одну

из древних улиц города, и на экране появился резчик по дереву, сидящий во дворе своего дома. Осторожными, размеренными взмахами ножа он снимал стружку. Чтобы завершить такую работу, требовались недели, а то и месяцы.

Лаберро встал. Правая рука его нерешительно нависла над зеленой кнопкой, и вдруг, вскрикнув, он выключил главный рубильник и ружнул на руки подоспевшего Макса.

— Отлично сработано, Ларкин! — воскликнул у себя в кабинете Сильвестро.

— Надо им сказать... — бессвязно бормотал Лаберро, — надо им тотчас же сказать... Они должны знать. Это удивительные люди... Они должны знать.

Макс предпочел бы, чтобы это было сделано в более мягкой форме. Но Сильвестро заявил прямо:

— Возьмите себя в руки, Лаберро. Говорить тут нечего.

— Скажите им, что все в порядке, — настаивал Лаберро. — Вы обязаны сказать им об этом.

— Включите Филадельфию, — обратился Сильвестро к Менигстайну. Шла, должно быть, та же передача. На экране под какофонические звуки мелькали женские ножки и рискованные декольте. Лаберро недоумевающе затряс головой.

— Ничего не понимаю.

— Это идея Ларкина, — сухо пояснил Сильвестро.

— Им никогда ничего и не говорили, Мэтью, — тихо произнес Макс. — И никогда бы не сказали.

— Но телепередачи!.. — воскликнул Лаберро. — Церкви... музеи... девочка в лесу... Не понимаю!

Его взгляд, как у испуганной собаки, метался от одного к другому.

— Все это было инсценировано, — терпеливо принялся объяснять Макс. — Вы были так уверены, что мы не сумеем добраться до вас за вашим письменным столом. Мы и вправду не могли. Но телеэкран остался вне вашего барьера. Его можно было трогать. Поворот выключателя — и начиналась одна из тех фальшивых передач, которые подготовило для нас телевидение. Все эти сцены, Мэтью, были разыграны актерами.

— Телевидение поработало на славу, — заметил Сильвестро. — И я теперь вечный должник директора Сагуки.

— Но зачем вы это сделали? — продолжал недоумевать Лаберро.

— Боюсь, — ответил Макс, — что мы не слишком верили в способность человечества встретить свой конец с тем достоинством, какое изобразили опытные актеры Сагуки. *Arg melior vita* *. И было важно, чтобы вы почувствовали это.

— Другими словами, вы солгали, — вяло отозвался Лаберро.

— Разве поэма — ложь? — спросил Макс. — Мы просто предложили вам новую точку зрения. Ваша прежняя была, знаете ли, несколько предвзятой. А у человека, даже если он администратор, есть и хорошие качества. Например, он не любит мстить. Мы позаботились о вашем будущем, Мэтью. Вас переводят на другую работу. Правда, эта работа связана с физическими усилиями, но, по-моему, вы найдете в ней кое-что привлекательное. Вы отправитесь на научно-исследователь-

* Искусство лучше, чем жизнь (лат.).

скую станцию «Лигнина» в Калифорнию, туда, где растут секвойи. Будущее в ваших руках.

Все еще не веря, с таким видом, будто его только что разбудили от кошмарного сна, Лаберро вышел вместе с Сильвестро. Менигстайн и Ларкин смотрели им вслед.

— Еще раз браво, директор Ларкин! — воскликнул Менигстайн.

— Браво, Менигстайн, — скорчил гримасу Макс. Менигстайн усмехнулся.

— Я понижен в должности. Опять в отдел изучения личного состава.

— Но почему? — спросил Макс.

— Я был недостаточно почтителен в разговоре с директором. Дерзкое поведение. Помните?

Макс секунду смотрел на него.

— Администраторы не мстительны, — сказал он. — Вы очень огорчены, Норман?

— Я считаю это своей личной победой, — ответил Менигстайн. — Я уйду. Отряхну прах «Атомикса» со своих ног.

Макс вопросительно посмотрел на него.

— Я еду вместе с Лаберро, — объяснил Менигстайн, — наблюдать, как растут в Калифорнии секвойи. Это работа на всю жизнь.

Они уселись на краю украшенного резьбой письменного стола Сильвестро и, положив руки на плечи друг другу, хохотали до слез.

ИГРА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Когда посыльный, сообразив, что чаевых не будет, хлопнул дверью, Сэм Вебер решил передвинуть большой ящик поближе к единственной в комнате лампочке. Посыльному ничего не стоило буркнуть: «Не знаю. Это не наше дело, мистер, мы их только доставляем», но должно же существовать какое-то разумное объяснение.

Предчувствие не обмануло Сэма. Ящик оказался достаточно тяжелым. Сэм, ворча, протащил его несколько метров. Непонятно, как посыльный поднял такую тяжесть на четвертый этаж.

Заметив яркую карточку, на которой стояло его имя, адрес и традиционное пожелание — «Веселого рождества в 2153 году», Сэм выпрямился и нахмурил брови.

Шутка? У него не было знакомых, которым показалось бы остроумным послать поздравление с подобной датой. Ведь до нее осталось ждать двести лет. Разве что какой-нибудь шутник из его товарищей по юридическому институту решил сообщить свое мнение

относительно того, когда Вебер будет вести свой первый процесс. Но и в этом случае...

Буквы выглядели очень странно — какие-то зеленые черточки вместо линий. А сама карточка была из настоящего золота!

Сэм разобрало любопытство. Он сорвал карточку, содрал тонкую обертку — и замер от удивления. Потом присвистнул и судорожно проглотил слюну.

«Что такое?! С ума сойти!»

Ящик не имел ни крышки, ни ручек. На его поверхности не было видно ни единой щелочки. Он казался сплошным однородным кубом из какого-то коричневого вещества. Но, когда Сэм его двигал, внутри что-то дребезжало.

Пыхтя и отдуваясь, Сэм приподнял ящик. Дно оказалось совершенно гладким, тоже без единой щелочки. Сэм с грохотом опустил ящик на пол.

— Ладно, — философски заметил он, — дело в конце концов не в подарке, а в принципе.

Тут он вспомнил, что пора садиться за письма, — он еще не поблагодарил за рождественские подарки. Нужно было придумать что-то совершенно особенное для тети Мэгги. Присланные ею галстуки выглядели, как абстракционистские кошмары, но сам он не послал ей на это рождество даже носового платка. Все деньги до единого цента съела брошь для Тины. Конечно, брошь не кольцо, но, может быть, Тина примет во внимание сложившиеся обстоятельства...

Сэм направился к кровати, которая служила ему одновременно столом и стулом. По дороге он с досадой пнул ящик и пробурчал: «Ну и ладно, не хочешь открыться — не надо».

Загадочный куб, словно поумнев от пинка, раскрылся. Сначала образовалась щель, потом она быстро расширилась и крышка разошлась в стороны, как у саквояжа. Сэм ударил себя по лбу и помянул всех богов от египетского Сета до небесного отца. Затем он вспомнил свои последние слова.

— Закрыться! — произнес он.

Ящик послушно закрылся и стал гладким, как кожа младенца.

— Открыться! — Ящик открылся.

Неплохое представление, решил Сэм. Он наклонился и стал рассматривать содержимое.

Внутри Сэм увидел лабиринт из полочек. На них стояли флаконы с голубыми жидкостями, банки с красными порошками, лежали прозрачные тубики, наполненные какими-то пастами желтого, зеленого, оранжевого, розовато-лилового и прочих цветов. Сэм даже не мог вспомнить названий всех оттенков. На дне ящика лежало семь странных аппаратов, которые выглядели так, будто их собирал помешанный на лампах радиолобитель. И в довершение всего в ящике была книга.

Сэм вытащил эту книгу и с изумлением обнаружил, что, хотя страницы ее были металлическими, она почти ничего не весила, во всяком случае, была легче любой другой книги, которую ему когда-либо приходилось держать в руках. Он сел на кровать, втянул в себя воздух и открыл первую страницу.

— Ну и ну! — произнес он и с силой выдохнул воздух. Зеленые буквы изгибались какими-то сумасшедшими закорючками:

«Построй человека», набор № 3

Этот набор предназначен только для детей от 11

до 13 лет. Аппаратура, более сложная, чем в наборах «Построй человека» № 1 и 2, позволит ребенку данной возрастной группы собирать *действующих* взрослых людей. Отсталые подростки могут также собирать детей и живые манекены из наборов предыдущих номеров. Имеются два дезассамблятора, так что материал можно использовать повторно. Как и в случаях с наборами № 1 и 2, разборку рекомендуется производить в присутствии Хранителя ценза. Дополнительные реактивы и запасные части можно получить от компании «Построй человека», 928. Диагональный уровень, Глэнт-сити, Огайо. Запомните — только с помощью набора «Построй человека» Вы можете построить человека!

Сэм зажмурился. Какие глупые трюки он видел вчера в кино! Немыслимая дрянь! Да и сама картина отвратительна. Только краски хорошие. Интересно, сколько может заработать в неделю продюсер такой картины? А оператор? Пятьсот? Тысячу?

Он осторожно открыл глаза. Ящик по-прежнему стоял посреди комнаты. Книга тоже никуда не исчезла. И на первой странице он снова прочел: «Запомните, только с помощью набора «Построй человека» Вы можете построить человека!»

Следующую страницу занимал преискурант «дополнительных реактивов и запасных частей». Цены за литр гемоглобина, три грамма набора ферментов и тому подобные вещи выглядели несколько странно — один сланк пятьдесят или три сланка сорок пять. В конце страницы рекламировался набор № 4: «Вы почувствуете истинный восторг при конструировании Вашего

первого живого марсианина!» Мелким шрифтом было набрано: «Патент 2148 года».

На третьей странице оказалось оглавление. Сэм схватился вспотевшей рукой за матрац и прочел:

- Глава 1. Детский биохимический сад.
- Глава 2. Простейшие живые вещи дома и вне дома.
- Глава 3. Живые манекены, и как они работают на человечество.
- Глава 4. Дети и другие маленькие человечки.
- Глава 5. Двойники на все случаи жизни. Копируйте себя и своих друзей.
- Глава 6. Что нужно, чтобы построить человека.
- Глава 7. Сборка человека.
- Глава 8. Разборка человека.
- Глава 9. Новые формы жизни для развлечения в часы досуга.

Сэм положил книгу обратно в ящик и рванулся к зеркалу. Его лицо ничуть не изменилось. Правда, оно стало белее мела, но черты его остались прежними. Он не раздвоился, не превратился в манекен, не сконструировал новую форму жизни для развлечения в часы досуга. В этом смысле все было в полном порядке.

Немного успокоившись, Сэм обрел прежнее выражение лица, а то глаза у него чуть было не вылезли из орбит.

«Дорогая тетя Мэгги, — начал он лихорадочно писать, — ваши галстуки — самый лучший из всех рождественских подарков. Как жаль, что...»

...Как жаль, что у меня не осталось ни гроша на покупку рождественского подарка... Но кому могло прийти в голову затратить такие фантастические усилия на

создание подобной штуки? Лью Найту? Но даже Лью, при всей своей черствости, должен испытывать какое-то чувство уважения к празднику. Да у Лью и не хватило бы ни мозгов, ни терпения для такой трудной работы.

Тина? Конечно, она обладает особым талантом создавать осложнения. Но если Тина в полной мере наделена всеми прочими физическими и моральными качествами, то она почти лишена чувства юмора.

Сэм поднял обертку от ящика и погладил ее. Ему показалось, что на глянцевиной поверхности еще сохранился запах духов Тины, и весь мир снова стал на место.

На полу блестела металлическая пластинка. Может быть, на обратной стороне обозначено имя отправителя?

Сэм поднял ее. Ничего — только гладкая золотая поверхность. Настоящее золото. В этом-то Сэм не сомневался — его отец был ювелиром. Сама стоимость пластинки исключала возможность розыгрыша. И кроме того, в чем заключалась шутка?

«Веселого рождества в 2153 году...»

Чего достигнет человечество через двести лет? Проложит путь к звездам или еще дальше, преследуя какие-нибудь невообразимые цели? Использует вместо машин и роботов маленьких живых манекенов? Будет делать игры для детей...

А нет ли в ящике еще одной карточки? Сэм решил вытряхнуть все содержимое, но взгляд его упал на большую серую банку с надписью: «Обезвоженная нервная ткань. Только для изготовления людей».

Он отшатнулся и рывкнул: «Закрывается!»

И снова перед ним была гладкая поверхность. Сэм облегченно вздохнул и решил лечь спать.

Раздеваясь, он пожалел, что не догадался спросить у посыльного название его фирмы. Возможно, это могло бы установить происхождение подозрительного подарка.

«Но в конце концов, — повторял он, засыпая, — дело не в подарке, дело в принципе. Веселого рождества!..»

На следующее утро, когда Лью Найт влетел в контору со своим обычным: «Доброе утро, коллега», Сэм ждал, что Лью вот-вот попробует его поддеть. Вряд ли такой человек, как Лью, мог бы удержаться от намеков. Но Лью уткнулся в «Дополнение к своду законов штата Нью-Йорк» и так просидел все утро. Остальные совладельцы общей конторы — пять юных законников — казались либо слишком подавленными, либо слишком занятыми, чтобы иметь на совести набор «Построй человека». Не было ни хитрых улыбок, ни насмешливых взглядов, ни наводящих вопросов.

Тина появилась ровно в десять. Она напоминала девушку с рекламы, только одетую.

— Доброе утро, — сказала она.

Каждый ответил ей в зависимости от расположения духа: один — улыбкой, другой — ворчанием, третий — просто кивком. Лью Найт проворчал. Сэм Вебер улыбнулся.

Взбивая волосы, Тина за одну минуту успела понять и оценить ситуацию. Наконец решение было принято, и, положив локти на стол Лью Найта, Тина спросила, что она может для него сейчас сделать.

Сэм демонстративно погрузился в труд Хаклеурта «О мощенничествах». Услуги Тины оплачивали все

семеро. Теоретически она выполняла обязанности секретаря, телефонистки, машинистки, а также принимала посетителей. Практически при самом добросовестном отношении к делу ей приходилось за день печатать и отсылать не больше двух-трех случайных писем. Раз в неделю могло попасться более важное письмо, не требовавшее, впрочем, особой юридической точности. Поэтому Тина в одном из ящиков своего стола держала неплохую библиотеку модных журналов, а в двух других — полную косметическую лабораторию. Добрую треть рабочего времени она проводила в дамской комнате, обсуждая с другими секретаршами цены на чулки и способы их приобретения. Остальное время она преданно служила тому из своих нанимателей, который в данный момент, по ее мнению, более всего в ней нуждался. Ее жалованье было скромным, но жизнь полной.

Только перед самым ленчем, разнося утреннюю почту, она подошла к Сэму.

— Кажется, сегодня утром мы были не слишком заняты, мистер Вебер... — начала она.

— Вам это только показалось, мисс Хилл, — возразил он с легким раздражением, полагая, что оно ему к лицу. — Я ждал завершения ваших светских дел, дабы мы могли опуститься до того, что в некоторых случаях называется работой.

Она была удивлена, как котенок, которого согнали с подушки.

— Но сегодня ведь не понедельник: Сомерсет и Оджек присылают вам документы только по понедельникам.

Сэм поморщился при напоминании о том, что без чисто механической работы по оформлению бумаг, вы-

полняемой им раз в неделю для фирмы «Сомерсет и Оджек», он был бы юристом только по названию.

— Мне нужно продиктовать письмо, мисс Хилл, — сурово ответил он. — Когда у вас все будет готово, мы сможем начать.

Тина тотчас вооружилась стенографическим блокнотом и карандашами.

— Обычный заголовок, сегодняшнее число, — начал Сэм. — Адресуйте Торговой палате, Глэнт-сити, Огайо. Пишите: «Джентльмены! Прошу известить меня, не зарегистрировалась ли у Вас недавно компания под названием «Построй человека» или под каким-либо аналогичным названием. Я хотел бы также знать, не заявляла ли Вам фирма с вышеуказанным или аналогичным названием о своем намерении обосноваться в Вашем округе. Этот запрос сделан неофициально, по просьбе клиента, заинтересованного в продукции вышеупомянутой фирмы, адрес которой моим клиентом утерян».

Подпись и затем постскриптум:

«Кроме того, мой клиент заинтересован в сведениях о коммерческих перспективах района, к которому относится улица, имеющая название «Диагональная авеню» или «Диагональный уровень». Все данные об этом районе и об организациях, в настоящее время там расположенных, будут приняты с благодарностью».

Тина устремила на него широко открытые голубые глаза.

— О Сэм, — прошептала она, игнорируя его официальный тон. — О Сэм, у вас появился второй клиент! Я так рада! Правда, он выглядит немного зловеще, но держится с таким достоинством, что я была уверена...

— Кто? Кто выглядит немного зловеще?

— Ну, ваш новый клиент...

У Сэма возникло неприятное ощущение, что в конце фразы она хотела добавить — глупенький.

— Когда я пришла сегодня утром, в холле торчал такой странный высокий старик в длинном черном пальто и разговаривал с лифтером. Он повернулся ко мне — я имею в виду лифтера — и сказал: «Это секретарша мистера Вебера, она сможет сообщить вам все, что вас интересует». Затем лифтер как-то странно подмигнул. Это было не очень-то вежливо в такой обстановке. Тогда старик уставился на меня, мне стало очень не по себе, а он ушел, пробормотав сквозь зубы: «Либо психопаты, либо хищники. Ни одного нормального. Ни одного уравновешенного». Настоящий джентльмен так бы не сделал. Вы должны это знать, если он ваш новый клиент!

Она откинулась на спинку стула и перевела дух.

Высокий, зловещий старик в длинном черном пальто, выпрашивающий о Сэме у лифтера? Вряд ли что-нибудь серьезное. Он ни в чем таком не замешан. Но нет ли тут связи с необычным рождественским подарком? Над этим стоит поразмыслить.

— У нас гостит моя любимая тетя, я вам уже говорила, — продолжала Тина, — и она приехала так неожиданно...

Девушка что-то объясняла относительно рождественского вечера. Когда она наклонилась к нему, Сэм почувствовал прилив нежности.

— Не беспокойтесь, — сказал он. — Я знаю, вы не могли ничего сделать, чтобы наше свидание состоялось. Мне стало немного грустно, когда вы позвонили, но я примирился: я ведь известен как Сэм, который никог-

да не сердится на красивых девушек. А как насчет ленча?

— Ленча? — она встревожилась. — Я обещала Лью, то есть мистеру Найту... Но он не станет возражать, если вы тоже пойдете.

— Ну и отлично. Пошли.

Вот хорошая возможность отплатить Лью его же монетой.

Перспектива сидеть за столом в «большой компании» вместо ожидавшегося интимного общества основательно испортила настроение Лью Найту, чего, собственно, Сэм и добивался. К сожалению, Лью взял реванш. Он удивительно красноречиво расписывал детали порученного ему дела, хвастал ожидаемыми гонорарами, не забыв упомянуть и о предстоящей славе. После одной или двух попыток вставить несколько слов об интересном завещании, которое он оформлял для фирмы «Сомерсет и Оджек», обманутый в своих ожиданиях Сэм погрузился в размышления. Лью, воспользовавшись его капитуляцией, немедленно перестал говорить о деле «Розенталь против Розенталя» и начал обхаживать Тину.

На улице была слякоть — снег превратился в грязь. Во многих магазинах уже разбирали рождественские витрины. Сэму бросились в глаза конструкторские наборы для детей, обложенные елочной канителью и покрытые сверкающим искусственным снегом. «Построй радио», «Построй небоскреб», «Построй аэроплан»... Но — «только с помощью набора «Построй человека» Вы можете...»

— Я пошел домой, — внезапно произнес Сэм. — Вспомнил о важном деле. Если кто-нибудь придет, позвоните мне.

«Я оставил Лью победителем на поле битвы», — сказал он себе, заняв место в вагоне метро. Но горькая истина заключалась в том, что битва все равно была проиграна независимо от места, где находился Сэм.

Еще в юридическом институте говорили, что у Лью Найта волчья хватка. С того дня, как Лью заметил, что субстанция, наполнявшая платяя Тины, имела правильные пропорции, шансы Сэма на победу снизились до стоимости куска железа в золотых хранилищах форта Нокс.

Тина сегодня не приколола подаренную Сэмом брошь. Зато на мизинце ее правой руки появилось довольно безвкусное кольцо.

«Одни выигрывают, другие проигрывают, — философствовал Сэм. — Я не выиграл».

Но как было бы приятно «выиграть» Тину.

Открыв дверь своей комнаты, Сэм с удивлением обнаружил, что постель не убрана. Значит, горничная не приходила. Этого раньше не случалось... Ну, конечно! Ведь раньше он никогда не запирал дверь. Девушка, наверно, решила, что Сэм не хотел, чтобы к нему входили. А может, он и в самом деле не хотел.

На спинке кровати с вызывающим бесстыдством переливались всеми цветами радуги галстуки тети Мэгги. По дороге сняв шляпу и пальто, Сэм бросил их в шкаф. Затем подошел к умывальнику и тщательно вымыл руки. Потом резко обернулся.

Ничего не изменилось. Большой коричневый куб, на который он все время невольно косился, стоял на

том же месте и, без сомнения, содержал тот же диковинный набор, так поразивший его воображение.

«Открыться», — сказал Сэм, и ящик открылся.

Книга, по-прежнему раскрытая на оглавлении, лежала на дне ящика; ее угол попал в камеру одного из странных аппаратов. Сэм осторожно вынул и то и другое, заметив при этом, что аппарат состоял в основном из каких-то окуляров, укрепленных с помощью сложного переплетения трубок и пружин на основании — плоской зеленой пластинке. Он перевернул аппарат. На нижней стороне пластинки было выведено такими же диковинными буквами, как и в книге: «Комплекс из электронного микроскопа и рабочего столика».

Очень осторожно Сэм поставил аппарат на пол, затем один за другим вытащил все остальные приборы — от «Детского биокалибратора» до «Витализера Джи-Фи». Потом он аккуратно выстроил в пять рядов разноцветные флаконы с лимфой и банки с всевозможными хрящами. При этом выяснилось, что стенки ящика изнутри выложены удивительно тонкими листами разной конфигурации. Стоило слегка надавить на края этих листов, и они превращались в трехмерные модели органов человека, величину и очертания которых можно было изменять, оттягивая любую часть поверхности. Ясно, что это были формы для частей тела.

Хороший ассортимент! Если все это имеет какое-нибудь отношение к науке, то ящик может представлять огромную ценность. Или служить весьма полезной рекламой. Или — ну, мало ли что...

Если все это имеет какое-нибудь отношение к науке...

Сэм опустился на кровать и раскрыл книгу на главе «Детский биохимический сад».

В девять вечера он сел на корточки у «Комбинированного электронного микроскопа и рабочего столика» и принялся откупоривать маленькие бутылочки. В девять сорок шесть Сэм Вебер впервые «построил» простейший живой организм.

Конечно, это было немного, если сравнивать, скажем, с первой Книгой бытия. Примитивная коричневая плесень, которая в поле зрения микроскопа расплзлась по кусочку пирожка, дала несколько спор и прекратила свое существование примерно через двадцать минут. Но ведь ее сделал Сэм! Он создал специальную форму жизни, способную питаться только составными частями именно такого пирожка. Ничем другим она не могла питаться.

Сэм принял твердое решение — напиться — и отправился ужинать. Но после одного-двух глотков к нему вернулось чувство божественного могущества и он помчался обратно в комнату.

Ощущение восторга, охватившее его после создания коричневой плесени, в этот вечер больше не пришло к нему, хотя он построил гигантскую белковую молекулу и целый выводок фильтрующихся вирусов.

Утром Сэм из маленькой закуской, где он обычно завтракал, позвонил в контору. «Сегодня я весь день буду дома», — сообщил он Тине.

Она выразила удивление, так же как и Лью Найт, который взял у нее трубку.

— Ну что, коллега, обзаводитесь практикой среди соседей? Мальчишка Блекстоун* остался без практи-

* Дж. Блекстоун (1723—1780) — знаменитый английский юрист, один из основателей английского правоведения. — *Прим. перев.*

ки. К нему уже отправлены две машины скорой помощи.

— Ладно, — сказал Сэм, — я сам с ним объяснюсь, когда он ко мне заявится.

Неделя все равно уже кончалась, поэтому он решил остаться дома и на следующий день. Он знал, что до понедельника, когда «Сомерсет и Оджек» снесут в корзину его единственное яичко, никакой настоящей работы у него все равно не будет.

Возвращаясь домой, Сэм купил курс бактериологии повышенного типа. Было очень забавно создавать и совершенствовать одноклеточные организмы, о месте которых в системе классификации велись длинные и нудные ученые споры.

Конечно, руководство «Построй человека» давало только несколько примеров и общие правила, но, привлекая подробные описания из курса бактериологии, Сэм чувствовал себя господином положения: он вскрывал тайны мироздания, как вскрывают устриц!

Кстати, эта аналогия натолкнула его на мысль сделать несколько устриц. Правда, раковины получились недостаточно твердыми, и у Сэма не хватало мужества продегустировать этих устриц, но они, несомненно, были из класса двустворчатых. Если бы удалось усовершенствовать технику их изготовления, проблема питания была бы окончательно решена.

Руководство было написано просто и ясно и снабжено прекрасными иллюстрациями, которые становились трехмерными, стоило только открыть нужную страницу. Очень немногое считалось известным заранее, более сложные объяснения следовали за более простыми. Только попутные замечания были не всегда

понятны. «Этот метод используется в фанфоплинических игрушках...» «Когда следующий раз Вам будут поклеклировать или демортонировать зубы, подумайте о бактериум цианогенум и скромной роли, которую она играет...» «Если у Вас в доме есть рубикулярный манекен, можете пропустить главу о манекенах» и т. п.

После того как беглый осмотр убедил Сэма, что ни один из предметов в его комнате не имеет даже отдаленного сходства с рубикулярным манекеном, он счел себя вправе перейти к главе о манекенах. Чувства, которые испытывает отец, возящийся с игрушечным поездом сына, были для Сэма уже пройденным этапом; ему удалось сделать больше того, о чем в течение ближайших десятилетий могли мечтать самые знаменитые биологи мира. А что еще ждало его впереди? Какие перспективы откроются перед ним?

«Никогда не забывайте, что манекены строятся для одной — и только для одной — цели».

— Я не забуду, — мысленно пообещал Сэм.

«Будут ли это манекены-санитары, манекены-закройщики, манекены-машинистки или даже сунневиарные манекены, при их конструировании надо иметь в виду только одну определенную операцию или один заданный процесс. Если Вы изготавливаете манекен, способный исполнять больше одной операции, то Вы совершаете настолько серьезное преступление, что оно наказуется публичным увещанием».

«Чтобы изготовить элементарный манекен...»

Это было очень трудно. Три раза он разбираал созданных им уродов и начинал сызнова. Только в воскресенье днем манекен был готов, или, точнее, не совсем готов.

У него оказались длинные руки, к тому же одна получилась длиннее другой, голова без признаков лица и туловище. Ног вообще не было.

Не было ни глаз, ни ушей. Манекен лежал на кровати и булькал розовой щелью рта, предназначенного как для приема пищи, так и для выделений. Он медленно размахивал длинными руками, предназначенными для одной-единственной, еще не придуманной операции.

Глядя на него, Сэм решил, что жизнь может быть иногда так же отвратительна, как помойка в жаркий летний день.

Манекен нужно было разобрать, но он был слишком велик, чтобы использовать маленький дезассамблятор, с помощью которого Сэм разбирал до этого устриц и другие свои миниатюрные творения. А на большом дезассамбляторе была ярко-оранжевая надпись: «Применять только под непосредственным наблюдением Хранителя ценза. Используйте формулу А-76 или сделайте менее устойчивым Ваш ид».

Выражение «формула А-76» вызывало не больше ассоциаций, чем словечко «сунневиарный», и Сэм решил, что его «ид» и без того уже достаточно неустойчив, дальше некуда. Придется обойтись без Хранителя ценза. Надо полагать, действие большого дезассамблятора основано на тех же принципах, что и малого.

Сэм прикрепил прибор к спинке кровати и отрегулировал фокус. Затем он щелкнул выключателем, расположенным на гладкой нижней поверхности.

Через пять минут манекен превратился в блестящую слизистую массу, расплзшуюся по кровати.

Проветривая свою комнату, Сэм пришел к выводу, что большой дезассамблятор, несомненно, требовал

наблюдения Хранителя ценза. Во всяком случае, какогонибудь Хранителя. Он постарался спасти как можно больше составных частей безногого существа, хотя и сомневался, что еще раз воспользуется набором «Построй человека» в ближайшие пятьдесят лет. И уж наверняка он будет держаться подальше от большого дезассамблятора. Даже засунуть манекен в мясорубку и вертеть ручку, пока все это не превратится в фарш, было бы не так противно.

Сэм запер за собой дверь и отправился в бар, размышляя о том, что завтра утром надо купить пару новых простынь. Сегодня придется спать на полу.

В понедельник утром Сэм погрузился в дела, присланные фирмой «Сомерсет и Оджек». При этом он непрерывно ощущал на себе пристальный взгляд Лью Найта и удивленный — Тины. Если б они только знали! — торжествовал Сэм. Впрочем, Тина сказала бы скорее всего: «Уди-ви-тельно!», а Лью Найт отпустил бы какую-нибудь дурацкую остроу. Что-нибудь вроде: «Ха-ха! Мальчишка Франкенштейн собственной персоной!» Но Сэм решил, что Лью, пожалуй, разработал бы какой-нибудь метод, чтобы скопировать содержимое набора «Построй человека» и распродавать его, пусть даже в ограниченном масштабе. Нет, Сэм не таков — он займется более интересными вещами. В этой штуке таятся большие возможности!

— Эй, коллега, — Лью Найт присел на край его стола, — для чего вам вдруг понадобился отпуск? Возможно, ваши доходы от юридической деятельности составляют желать лучшего, но достойно ли дипломиро-

ванного адвоката прирабатывать, распространяя подписку на журналы?

Сэму хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать этого голоса, напоминавшего ему визг шлифовального круга.

— Я писал книгу.

— Юридическую? Сэм Вебер «О банкротстве»?

— Нет, для юношества. «Лью Найт, полоумный неандерталец».

— Не пойдет. Заглавие не захватывает. Нужно что-нибудь вроде «Герцоги, гангстеры и гориллы» — вот за чем гоняется в наши дни публика! Между прочим, Тина сказала мне, что у вас была какая-то договоренность относительно Нового года, и она думает, что вы не будете возражать, если я пойду вместо вас. Мне тоже кажется, что вы не будете против, но, может быть, это заблуждение. Кстати, учтите, что мне удалось заказать столик в ресторане «Сигаль», где на Новый год народу все же меньше, чем в кафе-автомате.

— Я не возражаю.

— Отлично, — сказал Найт с нескрываемым удовлетворением. — Между прочим, я выиграл то дело. Неплохой гонерар. Спасибо за внимание.

Разнося почту, Тина тоже захотела выяснить, не возражает ли он против изменения ее новогодних планов. Нет, Сэм не возражает. Где он пропадал больше двух дней? Просто был занят, очень занят. Нечто совершенно новое! И очень важное!

Она смотрела на него сверху вниз, пока он отсортировывал предложения о продаже подержанных автомобилей с гарантией, что они прошли не более четверти миллиона километров, от учтивых напоминаний о том, что он опять не заплатил за обучение на послед-

нем курсе юридического института, с просьбой сообщить, когда ж он все-таки собирается погасить долг.

Наконец он добрался до письма, которое не было ни объявлением, ни счетом. Сердце у Сэма вдруг замерло, когда он заметил почтовый штамп: Глэнт-сити, Огайо.

«Дорогой сэр!

В Глэнт-сити нет ни одной компании, которая имела бы название «Построй человека» или хоть отдаленно его напоминающее, и мы не знаем какой-либо аналогичной организации, желающей обосноваться в нашем округе. У нас также нет никакого проезда, называемого «Диагональным», — наши улицы, идущие с севера на юг, носят названия индейских племен, а идущие с востока на запад пронумерованы числами, кратными пяти.

В Глэнт-сити совершенно отсутствуют промышленные предприятия, и мы намерены сохранить его таким, каков он есть.

Количество торговых и обслуживающих предприятий в нашем городе минимально. Застройка Глэнт-сити строго ограничена. Если Вы хотите поселиться у нас и можете доказать, что ваши предки были белыми, христианами и, кроме того, англосаксонского происхождения до пятнадцатого колена, мы будем рады предоставить вам дополнительную информацию.

Томас Х. Плантагенет, мэр.

P. S. За чертой города строится аэропорт для частных самолетов, реактивных и винтомоторных».

Теперь все было ясно. Он не получит никаких дополнительных препаратов для пополнения содержимого флаконов и банок, если бы у него даже оказались

один или два сланка, чтобы заплатить за них. Придется обращаться с материалом аккуратно и расходовать его как можно бережнее. Но ни в коем случае не заниматься разборкой!

Развернет ли компания «Построй человека» свое производство в Глэнт-сити в далеком будущем, когда вопреки ограничениям, вводимым его ограниченными гражданами, город станет индустриальным центром? Или кубический ящик проскользнул в наше пространство и время из какого-то другого измерения, из какой-нибудь другой эры на какой-то другой планете? Впрочем, это маловероятно: ведь сопроводительный текст написан по-английски. И был ли какой-нибудь умысел, добрый или злой, в том, что именно он, Сэм Вебер, получил этот набор?

Тина спросила его о чем-то. Сэм оторвался от своих абстрактных рассуждений и прислушался к ее совершенно конкретным предложениям:

— Так что, если вы по-прежнему хотите, чтобы я пошла с вами на Новый год, я могу сказать Лью, что у моей мамы ожидается приступ — у нее камни в печени — и мне нужно остаться дома. Тогда, я думаю, вы сможете дешево откупить у него столик в «Сигале».

— Большое спасибо, Тина, но, честно говоря, у меня сейчас нет свободных денег. Да и, если быть откровенным, Лью гораздо более подходящая пара для вас.

Лью Найт никогда бы так не поступил. Он мог с беззаботным удовольствием наступить тебе на горло. Но Тина, по-видимому, все же больше подходила для Лью.

Почему? До того как Лью стал смотреть в ее сторону, Сэм занимал прочные позиции. В то время все

в конторе признавали этот факт и не путались у него под ногами. А теперь дело было не только в том, что успехи у Лью были большие, а финансовое положение лучше. Просто Лью решил, что ему нужна Тина, и он ее получил.

Это причиняло боль. Конечно, Тина не совершенство; она не была ровней Сэму ни по культуре, ни по интеллекту, но она привлекала его. Ему нравилось проводить с ней время. Она была той женщиной, к которой он стремился, не рассуждая, правильно это или нет и есть ли для их отношений разумные основания. Сэм вспомнил своих родителей: он остался круглым сиротой, после того как они попали в железнодорожную катастрофу. Они были очень счастливы, хотя, говоря объективно, совершенно не подходили друг другу.

Он думал об этом и вечером, просматривая главу «Копируйте себя и своих друзей». Вот бы скопировать Тину.

«Одна для меня, вторая для Лью».

Но тут таилась возможность ужасной ошибки. Ведь созданный им манекен был несовершенен: руки получились разной длины. Сэм содрогнулся, подумав о кривобокой по жизни кривобокой Тине, которую он, конечно, не решился бы разобрать.

Кроме того, книга предупреждала: «Хотя ваш двойник физически похож на вас как две капли воды, он не получил нужного воспитания и не развивался, подобно вам, постепенно. Он не будет обладать вашей умственной уравновешенностью, ему будет трудно справляться с необычными ситуациями, не подвергаясь неврозам. Только профессиональный карнупликатор, используя прецизионное оборудование, сможет изготовить точную копию человеческого характера. Из-

готовленная вами копия сможет жить и даже иметь потомство, но ее никогда не признают отвечающим за свои действия членом общества».

Ну, хорошо, на такой риск можно пойти. Если Тина получится немного менее уравновешенной, то вряд ли это будет бросаться в глаза. Такое качество было бы даже желательно.

В дверь постучали. Это оказалась квартирная хозяйка. Сэм встал на пороге, стараясь заслонить ящик.

— Ваша комната всю эту неделю была заперта, мистер Вебер. Поэтому горничная у вас не убирала. Мы решили, что вы не хотите, чтобы к вам входили.

— Да, — Сэм вышел в холл и прикрыл за собой дверь. — Я выполняю дома очень важную юридическую работу.

— А!

В этом возгласе он ощутил смертельное любопытство и переменял тему.

— По какому случаю такое пышное оперение, миссис Липанти, — встреча Нового года?

С чувством собственного достоинства она оправила свое черное плиссированное платье.

— Да-да. Моя сестра и ее муж приехали сегодня из Спрингфилда, и мы собирались весело провести вечер. Вот только... только девушка, которая обещала присмотреть за их младенцем, сейчас сообщила по телефону, что плохо себя чувствует. Так что, выходит, мы не пойдем, если кто-нибудь не согласится... я хочу сказать, если мы не найдем кого-нибудь, кто смог бы позаботиться... у кого нет никакой компании и кто не возражал бы...

Сообразив, что просьба уже высказана, и наигранно смутившись, она умолкла.

Ну что ж, сегодня вечером он свободен. И хозяйка проявляла редкую любезность, когда приходилось проигрывать все ту же пластинку: «Не беспокойтесь, я принесу квартирную плату через денек-другой». Но отчего всегда получалось так, что каждый из двух миллиардов жителей Земли непременно старался спихнуть Сэму Веберу любое неприятное дело?

И тут он вспомнил главу 4 — о детях и других маленьких человечках. С той ночи, когда он разобрал неудачный манекен, он пользовался руководством только как гимнастикой для ума. Он не чувствовал себя подготовленным к фантастическим ошибкам, которые могут произойти при изготовлении маленьких человечков. Но копирование детей, по-видимому, не представит затруднений.

Только он поклялся именем Гога и Магога, знаменитого Эскулапа и великого доктора Килдара на этот раз ни за что не заниматься разборкой! В большом городе, да еще темной ночью, можно избавиться от своих творений как-нибудь иначе. Он что-нибудь придумает.

— Я с удовольствием побуду с ребенком несколько часов.

Сэм быстро пошел через холл, дабы предупредить неискренние протесты хозяйки.

— Мне сегодня некуда идти. Нет, нет, не благодарите, миссис Липанти. Рад сделать это для вас.

В комнате квартирной хозяйки ее взволнованная сестра с некоторым недоверием проинструктировала Сэма:

— ...И только в этом случае она кричит тихим, монотонным голосом, так, что если вы поторопитесь, то особых неприятностей не произойдет, да если и не успеете, тоже.

Он проводил их до дверей.

— Я потороплюсь, как только что-нибудь услышу, — заверил он ее.

Миссис Липанти задержалась у дверей.

— Я говорила вам про мужчину, который спрашивал вас днем?

«Снова?» — подумал Сэм.

— Такой высокий старик в длинном черном пальто?

— Да, и с очень неприятными манерами; уставился на меня и что-то бурчал себе под нос... Вы его знаете?

— В общем, нет. Чего же он хотел?

— Видите ли, он спрашивал, не проживает ли здесь Сэм Вевер, юрист, который в течение последней недели провел большую часть времени в своей комнате. Я ответила ему, что у нас живет Сэм Вебер — ведь Ваше имя Сэм? — который вполне подходит под это описание, но что последний жилец по фамилии Вевер выехал примерно год назад. Он посмотрел на меня в упор, сказал: «Вевер, Вебер — они там могли сделать ошибку» — и ушел, не попрощавшись и не поблагодарив. Он не из тех мужчин, которых можно назвать вежливыми.

Странно, какой четкий образ этого человека возник в воображении Сэма. Возможно, потому, что обе женщины, которые его видели, были достаточно впечатлительными. Но, судя по их рассказам, незнакомец на самом деле производил угнетающее впечатление. Погруженный в свои мысли, Сэм вернулся к ребенку.

Он был почти уверен, что не произошло никакой ошибки: этот человек оба раза искал именно его.

Сведения о пренебрежительном отношении Сэма к работе в конторе на прошлой неделе соответствовали действительности. Казалось, старик не заинтересован в личной встрече, пока окончательно не установит идентичность Сэма с объектом своих поисков. Должно быть, какое-нибудь юридическое дело.

Сэм был уверен, что оно так или иначе связано с набором «Построй человека». Это негласное расследование началось сразу после того, как Сэм получил подарок из двадцать второго века.

Но он ничего не в состоянии предпринять, пока этот тип в длинном черном пальто сам не пожелает установить личный контакт и изложить свое дело.

Сэм сходил к себе наверх за «Детским биокалибратором». Прислонив открытое руководство к кровати, он включил аппарат на полную мощность сканирования. Ребенок радостно причмокивал, пока калибратор тихо катился по его толстенькому тельцу и металлическая лента выходила из щели с детальным, как утверждало руководство, физиологическим описанием.

Оно действительно было детальным. У Сэма захватило дух, когда на ленте, проходившей через оптический увеличитель, он обнаружил информацию о ребенке, за которую любой педиатр три раза продал бы свою бессмертную душу. Производительность, цитовидной железы, качество хромосом, интеллектуальное наполнение мозга — все данные были аккуратно разбиты по рубрикам, очевидно в конструктивных целях. Сведения о том, насколько увеличивается череп каждую минуту, на ближайшие десять часов; скорость образования хрящей; изменение гормональной секреции при движении и покое — как будто с ребенка сняли матрицу.

Сэм оставил девочку, которая с удивлением разглядывала свой пупок, и поспешил к себе наверх. Руководствуясь лентой, он придавал формам нужные размеры. Затем, еще не успев как следует это осознать, Сэм начал конструировать маленького человека.

Он был удивлен легкостью, с какой шла работа. Очевидно, искусство приобреталось в процессе игры. Собирать манекен было гораздо труднее. Впрочем, возможность дублировать отдельные части и работать с помощью информационной ленты очень упрощала задачу.

Ребенок формировался у него на глазах.

Все было закончено через полтора часа после того, как Сэм начал измерения. Оставалось одно — оживить ребенка.

Тут Сэм заколебался. Неприятная мысль о разборке заставила его задуматься. Наконец он решился. Необходимо было знать, насколько хорошо удалось выполнить работу. Если этот ребенок сможет дышать, какие перспективы откроются перед Сэмом! Кроме того, нельзя держать ребенка в безжизненном состоянии слишком долго, иначе можно загубить всю работу и ценные материалы.

Сэм включил витализер.

Ребенок вздрогнул и начал тихо, монотонно кричать. Сэм снова бросился в комнату хозяйки и схватил квадрат белого полотна, оставленный там про запас. Черт побери, опять понадобятся чистые простыни!

После того как порядок был восстановлен, Сэм встал и внимательно взглянул на свое изделие. Он чувствовал себя в некотором смысле папой. Во всяком случае, гордился не меньше, чем настоящий отец.

Перед ним лежало прекрасно сделанное маленькое существо, пышущее здоровьем.

«А неплохая копия получилась!» — радостно сказал он. Все совпадает до мелочей, все такое же, как у прототипа, — включая не совсем симметричное лицо и даже очутившуюся на постели Сэма копию завтрака, переваренного ребенком-образцом. Те же глаза, те же волосы... Те же? Сэм нагнулся над девочкой. Он готов был поклясться, что та, другая, была блондинкой. А у этого ребенка волосы были темные и, казался, становились еще темнее, пока он их пристально рассматривал.

Сэм подхватил одной рукой «своего» ребенка, другой — «Детский биокалибратор».

Спустившись к хозяйке, он положил детей рядом на большой кровати. Никакого сомнения. Одна была блондинкой, вторая, сделанный им плагиат, — ярко выраженной брюнеткой.

Биокалибратор показал и другие различия. У копии пульс был немного чаще. Немного меньше кровяных шариков. Несколько лучше умственные способности, хотя содержимое мозга такое же. А секреты адреналина и желчи совершенно непохожи.

Все это, вместе взятое, свидетельствовало об ошибке. «Его» ребенок мог быть лучше или хуже, но точной копии все же не получилось. Нельзя было предсказать, сможет ли созданный им ребенок вырасти во взрослого человека, как тот, настоящий.

В чем же дело? Он точно следовал инструкциям, все время заглядывал в ленту биокалибратора, и вот что получилось. Может быть, он слишком долго выжидал, прежде чем пустить в ход витализер? Или просто его искусство оказалось недостаточным?

Часы своим звоном деликатно напомнили Сэму, что скоро полночь. Необходимо убрать следы изготовления ребенка, до того как сестры Липанти вернутся домой. Сэм быстро перебрал различные возможности.

Через несколько минут он спустился вниз со старой скатертью и картонной коробкой. Он завернул ребенка в скатерть и уложил его в картонку, весьма обрадованный тем, что ночью на улице потеплело.

Ребенок булькал, предвкушая приключение. Сэм тихо выскользнул на улицу.

Подвыпившие гуляки шатались по городу, ударяя в маленькие барабаны. Прохожие желали друг другу счастливого Нового года.

Все три квартала Сэм осторожно пробирался по улицам, держась поближе к домам и стараясь не попадаться никому на глаза.

Повернув налево, он увидел вывеску — «Городской приют найденышей». У боковой двери горел свет. Ничего не скажешь, удобно! Что значит жить в большом городе!

Вдруг Сэма осенила новая идея, и он юркнул в аллею напротив приюта.

Все должно выглядеть по-настоящему. Он вытащил из кармана карандаш и, стараясь писать по возможности мелко, нацарапал на стенке картонки:

«Умоляю, позаботьтесь о моей дорогой малютке. Я не замужем».

Затем он поставил картонку на крыльцо и нажимал звонок до тех пор, пока не услышал шаги. Тогда он перебежал улицу и успел спрятаться в аллее как раз в тот момент, когда медсестра открыла дверь.

Только вернувшись домой, он вспомнил о пупке. Он замер и постарался припомнить все как следует. Да,

да, у «его» девочки нет пупка! Ее животик был совершенно гладким. Вот чем кончается спешка! Дрянная работа.

В приюте для найденных будут в растерянности, когда развернут ребенка. Интересно, что они подумают?

Сэм хлопнул себя по лбу. «Я и Микеланджело. Он прибавил Адаму пупок, а я забыл о нем!»

Если не считать случайных вздохов, на второй день Нового года в конторе было довольно тихо.

Сэм проглатывал последние интригующие страницы книги, как вдруг его внимание привлекли две персоны, неловко топтавшиеся у его стола. Он с неохотой оторвался от руководства «Новые формы жизни для развлечения в часы досуга» — это была вещь!

Тина и Лью Найт!

Сэм оценил тот факт, что ни один из них не уселся на его стол.

У Тины маленькое колечко, которое она получила на Новый год, было надето на средний палец левой руки; Лью пытался прикинуться овечкой, но это ему плохо удавалось.

— О Сэм. Прошлой ночью Лью... Сэм, мы хотели, чтобы вы были первым — такой сюрприз, ну, прямо такой! Я почти... Конечно, мы знаем, что это будет немного трудно... Сэм, мы собираемся, то есть мы надемся...

— ...пожениться, — закончил Лью Найт почти шепотом.

В первый раз с тех пор, как Сэм его знал, Лью выглядел неуверенно и взирал на жизнь с каким-то подозрением — вроде человека, который находит в апельси-

новом соке, поданном на завтрак, только что вылупившегося осьминога.

— Вам бы очень понравилось, как Лью сделал предложение, — изливала свои чувства Тина, — таким окольным путем. Так скромно. Я сказала ему потом, что я думала, он говорит о чем-то совершенно другом. Я не могла сначала понять тебя, не правда ли, дорогой?

— А? Да, конечно, тебе трудно было понять меня. — Лью взглянул на своего бывшего соперника. — Вы очень удивлены?

— О нет. Совсем нет. Вы двое так прекрасно подходите друг другу, что я с самого начала считал это правильным. — Сэм бубнил свои поздравления под вопрошительным взглядом Тины. — А теперь извините — у меня очень срочное дело. Совершенно исключительный свадебный подарок.

Лью был в полном замешательстве.

— Свадебный подарок? Так рано?

— Ну, разумеется, — заметила Тина. — Очень трудно подобрать именно то, что нужно. А такой замечательный друг, как Сэм, хочет, конечно, подобрать совершенно особенный подарок.

Сэм решил, что с него достаточно. Он схватил книгу и пальто и вылетел за дверь.

Однако, добравшись до красных кирпичных ступенек своего пансиона, Сэм пришел к заключению, что рана, хотя и болезненная, определенно не была смертельной. Он даже ухмылялся, вспоминая лицо Лью Найта. Вдруг кто-то потянул его за рукав. Это была квартирная хозяйка.

— Этот человек сегодня опять был, мистер Вебер. Он хотел видеть вас.

— Какой человек? Высокий старик?

Миссис Липанти кивнула, руки ее были осуждающе сложены на груди.

— Такая неприятная личность! Когда я ему сказала, что вас нет, он настаивал, чтобы я провела его в вашу комнату. Я сказала, что не могу этого сделать без вашего разрешения, и он посмотрел на меня таким убийственным взглядом... Никогда не верила в дурной глаз — хотя я всегда говорю, что нет дыма без огня, — но если дурной глаз существует, то именно у этого типа.

— Он придет еще раз?

— Да. Он спросил меня, когда вы обычно возвращаетесь, и я сказала — около восьми, рассчитав, что если вы не захотите его видеть, у вас будет время помыться, переодеться и уйти, до того как он придет. И, извините за прямоту, мистер Вебер, но, по-моему, вам вряд ли хочется с ним встречаться.

— Благодарю вас. Но, когда он придет, проводите его ко мне. Если он именно то лицо, о котором я думаю, то я сейчас незаконно обладаю его собственностью. Я хочу знать, каково происхождение этой собственности.

Войдя в комнату, Сэм осторожно положил руководство и приказал ящику открыться. «Детский библиокалбратор» был не слишком велик, и газета полностью скрыла его. Через несколько минут Сэм уже шагал по направлению к конторе, держа под мышкой пакет странной формы.

Он размышлял, не пропала ли у него охота скопировать Тину. Нет, несмотря ни на что, он все еще желал ее больше любой другой женщины, и, поскольку оригинал вышел замуж за Лью, копии не оставалось другого выбора, как выйти за него. Но ведь копия приобретет все черты Тины в тот момент, когда будут сни-

маться характеристики. И она тоже может стремиться выйти замуж за Лью...

Как в том анекдоте: «Либо ты пойди, а я посижу, либо я посижу, а ты пойди». Но до этого еще далеко. А может, будет даже забавно...

Больше всего Сэма беспокоило, как бы не допустить какую-нибудь неточность. А вдруг Тина, которую он сделает, получится с дефектами. Красный цвет наложится на розовый, как в плохих цветных репродукциях; вдруг она начнет переваривать собственный желудок, или где-то в глубине ее подсознания окажутся зачатки загадочного и неизлечимого сумасшествия, собственные его модели, причем они могут проявиться даже не сразу, а только тогда, когда глубокое взаимное чувство принесет плоды. Сэм уже убедился, что не был крупным знатоком в области копирования людей; ошибки, сделанные при работе с племянницей миссис Липанти, показали, что в этом деле он еще дилетант.

Сэм знал, что никогда не сможет разобрать Тину, даже если она получится с дефектами. Не говоря уже о его рыцарских чувствах и граничащем с предрассудками уважении к женщине, которое ему внушили во времена детства, проведенного в маленьком городке, его охватывал невообразимый ужас при мысли, что столь обожаемое существо пройдет через такой же процесс распада, как, например, манекен. Но если он пропустит в своей конструкции что-нибудь существенное, придется пойти и на это. Решено: ничто не должно быть упущено.

Сэм горько улыбнулся, пока старинный лифт поднимал его в контору. Эх, хоть бы немножко времени. Можно было бы поэкспериментировать над каким-нибудь человеком, все реакции которого он знает так хо-

рошо, что любое отклонение от нормы сразу стало бы заметным. Но странный старик явится сегодня вечером, и если речь идет о наборе «Построй человека», то опыты Сэма могут быть немедленно прерваны. А где он найдет человека, которого знает достаточно хорошо? У него было мало приятелей и ни одного близкого друга. А чтобы результаты принесли пользу, он должен знать этого человека, как самого себя. — «Самого себя!»

— Ваш этаж, сэр. — Лифтер посмотрел на Сэма с осуждением. Взволнованное восклицание Сэма было причиной того, что он остановил лифт на шесть сантиметров ниже уровня этажа, чего с ним не случилось с тех давно забытых дней, когда он впервые неуверенно дотронулся до кнопок. Лифтер почувствовал, что на его искусство пала тень, и холодно закрыл за юристом дверь.

А почему бы и не самого себя? Сэм знал все свои физические качества лучше, чем Тинины; он непременно заметит любое отклонение, и дело не дойдет до психического расстройства или чего-нибудь похуже. Вся прелесть такого решения в том, что у него не будет никаких угрызений совести при разборке сверхкомплектного Сэма Вебера. Совсем наоборот: неприятностью в такой ситуации было бы продолжающееся существование «второго я», — избавление от него было бы облегчением.

Копирование самого себя даст необходимую практику на знакомом материале. Идеальное решение. Нужно делать весьма аккуратные записи, и, если что-нибудь выйдет не так, он будет в точности знать, где надо быть осторожным при изготовлении своей собственной Тины.

Что касается этого типа, то, может быть, он вовсе не заинтересован в наборе. А даже если и заинтересован, Сэм сможет последовать совету своей квартирной хозяйки и уйти из дому до того, как тот придет. Словом, перспективы самые радужные.

Лью Найт уставился на прибор, принесенный Сэмом.

— Во имя великого юриста Блекстоуна — что это еще за штука? Похожа на машинку для подстригания травы в цветочных ящиках на подоконниках!

— Это, так сказать, измерительный прибор. Снимает правильные размеры с той или другой вещи, да и вообще... Я не смогу преподнести вам задуманный подарок, пока не буду знать нужного размера. Или размеров. Тина, вам нетрудно будет выйти со мной в холл?

— Не-ет, — она с сомнением посмотрела на аппарат. — А это не больно?

— Нет, ни капельки не больно, — заверил ее Сэм. — Я только хочу все сохранить в секрете от Лью до вашей свадьбы.

При этих словах она просияла.

— Эй, коллега, — обратился один из юных юристов к Лью, когда они выходили. — Эй, коллега, не позволяйте ему делать этого. Фактическое владение — уже девяносто процентов успеха. Сэм всегда это говорил. Он вам ее не вернет.

Лью слабо хмыкнул и нагнулся над своей работой.

— Я хочу, чтобы вы пошли в дамскую комнату, — объяснил Сэм удивленной Тине, — я буду стоять снаружи и объяснять всем прочим желающим, что она закрыта из-за аварии. Если там есть кто-нибудь еще, подождите, пока все выйдут. Потом разденьтесь.

— Совсем? — взвизгнула Тина.

Он кивнул головой. Затем весьма тщательно, подчеркивая каждую существенную деталь будущей операции, он объяснил ей, как пользоваться «Детским биокалибратором». Как она должна осторожно повернуть выключатель и запустить ленту. Как нужно покрыть каждый квадратный сантиметр тела.

— Эта маленькая рукоятка позволит вам провести прибором по спине. Сейчас не до вопросов. Дошло?

— Дошло.

Тина вернулась через пятнадцать минут, одергивая платье и изучая ленту с восхищенным выражением.

— Это удивительнейшая вещь... Если верить этой ленте, содержание во мне иода...

Сэм быстро выхватил у нее биокалибратор.

— Не стоит обращать внимание... Это нечто вроде кода. Только скажите мне теперь, по сколько штук... Вы будете прыгать до неба, когда увидите подарок.

— Я так и думала.

Она нагнулась над ним, так как он встал на колени и принялся изучать ленту, чтобы убедиться, что Тина правильно использовала аппарат.

— Вы знаете, Сэм, я всегда чувствовала, что у вас идеальный вкус. Я хочу, чтобы вы часто заходили к нам, когда мы поженимся. У вас такие прелестные идеи! Лью немного... немного слишком деловой человек, не так ли? Я понимаю, это нужно для успеха в жизни и всего такого, но ведь успех — это еще не все, ведь нужно еще, по-моему, обладать культурой. Вы поможете мне сохранить культурные интересы, ведь поможете, Сэм?

— Разумеется, — неопределенно произнес Сэм. Лента была в полном порядке. Можно начинать. — Буду рад помочь. Всегда к вашим услугам.

Вызывая лифт, он заметил на лице Тины некоторую растерянность.

— Не нужно расстраиваться, Тина. Вы с Лью будете очень счастливы. И вам очень понравится мой свадебный подарок.

«Но все же не так, как мне», — сказал он сам себе, входя в лифт.

Вернувшись в свою комнату, Сэм вытащил ленту и разделся. Через несколько минут была готова запись его собственных параметров. Нужно было бы, конечно, продумать все это как следует, но близость цели делала его нетерпеливым. Он запер дверь, быстро убрал разбросанные по комнате вещи, попутно еще раз фыркнул по поводу галстуков тети Мэгги — голубой и красный прямо разливали свет по всей комнате, — приказал ящику открыться и подготовился к началу.

В первую очередь вода. Поскольку количество воды в человеческом теле очень велико, нужно было запастись ее сразу. По пути домой он купил несколько тазов, но наполнять их из единственного крана все равно придется довольно долго.

Когда Сэм подставил под кран первый таз, ему внезапно пришла в голову мысль, не могут ли примеси в воде повлиять на конечный продукт. Наверно, могут. Вероятно, нужно использовать химически чистую воду. Правда, в руководстве об этом ничего не говорилось, но иначе было бы указано, какую именно воду нужно использовать.

Ну что ж, пока придется прокипятить воду; а когда он перейдет к Тине, то постарается достать дистиллированную воду. Еще одно соображение в пользу того, что сначала нужно сделать некое подобие Сэма.

Ожидая, пока закипит вода, Сэм расположил все свои материалы так, чтобы они были под рукой. «М-да, не густо!» — подумал он. Этот младенец поглотил довольно много нужных реактивов; очень жаль, что он не решился его разобрать. Теперь уж никакие аргументы в пользу сохранения двойника не могли иметь силы. Двойника неизбежно придется разобрать, чтобы иметь достаточно материала для Тины «номер два». А может быть, она будет «номер один»?!

Сэм еще раз пролистал главы 6-ю, 7-ю, и 8-ю, освежив сведения о составных частях, изготовлении и разборке людей. Он их читал уже много раз, но помнил, что в свое время «проскочил» не один юридический экзамен с помощью сведений, подхваченных в последний момент.

Его беспокоило постоянное упоминание о психической неустойчивости. «Человеческие существа, построенные с помощью этого набора, будут даже в лучшем случае обладать определенными тенденциями к пред-рассудкам и невротическим комплексам, характерным для средневекового человечества. В конце концов они все-таки не нормальные люди, приложите все усилия, чтобы не забывать об этом». Впрочем, для будущей Тины это не должно играть существенной роли, а все остальное его мало беспокоило.

Сэм кончил приспособлять формы, придавая им нужные размеры, и прикрепил витализер к кровати. Затем очень медленно, непрерывно заглядывая в руководство, он начал копировать Сэма Вебера. В ближай-шие два часа он узнал о своих физических достоинствах и недостатках больше, чем какое-либо человеческое существо с того дня, когда простодушный примат на-

чал исследовать возможность перемещения по земле на одних нижних конечностях.

Как ни странно, он не испытывал ни трепета, ни возбуждения. Это напоминало постройку первого любительского радиоприемника. Игра для детей.

Когда Сэм кончил, большинство флаконов и банок были пусты. Из ящика торчали влажные формы, похожие на муляжи. Руководство валялось на полу.

Сэм Вебер стоял у кровати, глядя на Сэма Вебера, лежащего на кровати.

Оставалось вдохнуть в двойника жизнь. Сэм опасался ждать слишком долго: могли появиться какие-нибудь отклонения. Он не забыл черноволосой девочки. Отбросив отвратительное чувство нереальности, он убедился, что большой дезассамблятор под руками, и включил «Витализер Джиффи».

Человек на кровати кашлянул. Пошевелился. Сел.

— Уф! — произнес он. — Неплохо, если мне позволено сказать!

Затем он вскочил с кровати, схватил дезассамблятор, вырвал большие куски проводки из середины прибора, швырнул его на пол и растоптал.

— Я не хочу, чтобы над моей головой висел дамоклов меч, — сообщил он Сэму Веберу, стоявшему с открытым ртом. — Подумайте и о том, что я мог бы использовать его против вас.

Сэм кое-как добрался до кровати и уселся на нее. Волнение, обуявшее его на какое-то время, прошло, и его охватило чувство тупого удивления. Он все еще находился под впечатлением беспомощности ребенка и манекена. У него даже не появлялось мысли о том, что его копия примет жизнь с таким энтузиазмом. Конечно, он должен был это предвидеть: сейчас он создал взрос-

лого человека в момент полного расцвета его физических и духовных сил.

— Очень плохо, — хриплым голосом сказал Сэм. — Вы неуравновешенны. Вы не можете быть приняты в нормальное общество.

— Это я неуравновешен? — спросил двойник. — И кто это говорит! Человек, проводящий в бесплодных мечтаниях всю жизнь, стремящийся жениться на кричаще одетой, тщеславной коллекции биологических импульсов, которая приползла бы на коленях к любому мужчине, достаточно разумному, чтобы нажать нужные кнопки...

— Оставьте в покое само имя Тины, — возразил ему Сэм. Он чувствовал себя весьма неловко, произнося эту театральную фразу.

Его двойник посмотрел на него и усмехнулся.

— Ладно, пусть так. Но не ее тело! Вот что, Сэм, или Вебер, или как вы там хотите, чтобы я вас называл. Вы живите сами по себе, а я буду жить сам по себе. Я могу даже не быть юристом, если это доставит вам удовольствие. Но что касается Тины, то, поскольку больше не осталось ингредиентов, чтобы изготовить копию, — да и вообще это была гнилая эскапистская идея, — то во мне заложено достаточно ваших симпатий и антипатий, чтобы страстно ее желать. И я смогу ее получить, а вы не можете. У вас для этого не хватает смелости.

Сэм вскочил и сжал кулаки. Но тут же сообразил, что противник совершенно равен ему в физическом отношении, и обратил внимание на его уверенную улыбку. Физическая схватка не имела никакого смысла — в лучшем случае она могла кончиться вничью. Он снова вернулся к аргументам.

— Согласно руководству, — начал Сэм, — вы подвержены неврозам...

— Руководство! Руководство написано для детей с научным кругозором, которые будут жить через двести лет. Их наследственные качества будут находиться под тщательным контролем. Лично я думаю, что...

В дверь дважды постучали.

— Мистер Вебер...

— Да! — сказали оба одновременно.

За дверью квартирная хозяйка задохнулась от изумления и произнесла неуверенным голосом:

— Э-э-этот господин внизу. Он хотел бы видеть вас.

Сказать ему, что вы дома?

— Нет, пока нет, — ответил двойник.

— Скажите ему, что я ушел час назад, — произнес Сэм в тот же момент.

За дверью послышался продолжительный вздох и звук быстро удалявшихся шагов.

— Ничего себе, разумный метод в данной ситуации! — взорвался двойник. — Вы не могли попридержаться язык? У бедной женщины сейчас, вероятно, будет обморок.

— Вы забываете, что это моя комната, а вы просто неудачно закончившийся эксперимент, — запальчиво ответил Сэм. — У меня столько же прав, сколько у вас, даже больше... Эй, что вы там делаете?

Двойник открыл дверцу шкафа и стал надевать брюки.

— Одеваюсь. Вы можете ходить голым, если это вам нравится, но я хочу выглядеть вполне rispetабельно.

— Я разделся, чтобы получить необходимые данные о себе... или о вас. Это моя одежда, это моя комната...

— Послушайте, не воднуйтесь. Вы никогда не сможете доказать этого на суде. Не заставляйте меня ссылаться на известные положения о том, что ваше — это мое, и так далее.

В холле послышались тяжелые шаги. Кто-то остановился перед дверью. Внезапно обоим Сэмам показалось, что вокруг загремели кимвалы, и, охваченные ужасом, они почувствовали, как на них обрушился поток непереносимой жары. Затем резкие звуки умчались вдаль. Стены перестали дрожать. Стало тихо, по комнате разнесся запах паленого дерева.

Они повернулись как раз вовремя, чтобы увидеть невероятно высокого, очень старого человека в длинном черном пальто, входившего через дымящиеся остатки двери. Хотя он был гораздо выше этой двери, он не нагнулся, а как-то втянул голову в плечи и затем снова выдвинул ее. Инстинктивно Сэм и двойник сделали по шагу друг к другу.

У вошедшего были глубоко запавшие, блестящие черные глаза без белков, напоминавшие Сэму сканирующие устройства биокалибратора; они не глядели, а оценивали и делали выводы.

— Я не зря боялся, что приду слишком поздно, — наконец произнес он раскатисто, сверхъестественным, давящим голосом. — Вы уже сняли с себя копию, мистер Вебер, а это вызывает необходимость в некоторых малоприятных действиях. И двойник уничтожил дезасамблятор. Очень скверно. Мне придется действовать вручную. Неприятная работа.

Старик так близко подошел к ним, что их испуганное дыхание почти касалось его.

— Эта история уже привела к задержкам в четырех важных программах исследований, но мы должны были все время считаться с общепринятыми нормами цивилизованного общества и точно установить личность адресата, прежде чем изъять у него набор. Обморок миссис Липанти, разумеется, потребовал принятия срочных мер.

Двойник прочистил горло.

— Значит, вы?..

— Нет, я не человек в точном смысле этого слова. Я скромный гражданский чиновник, изготовленный по высшему классу точности. Я Хранитель ценза для всего двадцать девятого района. Ваш набор был предназначен для детей из Фреганда, которые совершают экскурсии в этом районе. Один из фрегандцев с документами на имя Вевера заказал этот набор через хронотромы, которые от такой необычной нагрузки расстроились настолько, что их нельзя было карнупликировать. Поэтому вы и получили посылку вместо него. К сожалению, повреждения были так значительны, что нам пришлось разыскивать вас косвенными методами.

Хранитель ценза сделал паузу, и Сэм номер два нервно подтянул брюки. Сам Сэм страстно захотел, чтобы на нем было что-нибудь, хотя бы фиговый листок, для прикрытия наготы. Он чувствовал себя как небезызвестная личность в райском саду, пытающаяся объяснить, почему съедено яблоко, и мрачно подумал, что платье создает человека в гораздо большей степени, чем даже набор «Построй человека».

— Мы, конечно, должны забрать набор, — продолжал рокотать отрывистый гром, — и ликвидировать все последствия его пребывания здесь. Когда все будет

приведено в порядок, вам будет разрешено продолжать жизнь, как будто ничего не случилось. Между прочим, проблема состоит в том, чтобы узнать, кто из вас истинный Сэм Вебер.

— Я, — сказали оба дрожащими голосами и взглянули друг на друга.

— Затруднения, — прогремел старик. Его вздох был подобен ледяному ветру. — Почему мне вечно не везет? Почему у меня никогда не бывает простых случаев, вроде карнупликатора?

— Послушайте, — начал двойник, — оригинал должен быть...

— Вполне уравновешенным и в лучшей эмоциональной форме, чем копия, — прервал Сэм. — Мне кажется...

— ...что вы легко сможете увидеть разницу, — заключил двойник, не переводя дыхания, — выяснив, кто из нас двоих более достойный член общества.

(«Этот тип хочет пустить пыль в глаза! — подумал Сэм со спокойной уверенностью. — Как он не понимает, что имеет дело с существом, которое на самом деле может видеть умственные различия? Это не какой-нибудь жалкий психиатр нашего времени, это существо способно видеть через внешнюю оболочку до самых скрытых глубин».)

— Ну конечно, смогу. Минутку. — Старик начал внимательно изучать их. Его глаза бесстрастно пробежали по их фигурам вверх и вниз. Два Сэма Вебера ожидали, дрожа, в наступившей тишине.

— Ясно, — сказал старик наконец. — Совершенно ясно.

Он сделал шаг вперед и выбросил длинную тонкую руку. Затем он начал разлагать Сэма Вебера.

— Но, послуша-а-а... — начал Сэм Вебер истощным голосом, который превратился в крик отчаяния и заглух в неясном бормотании.

— Чтобы не утратить психического равновесия, вам лучше было бы не смотреть, — заметил Хранитель ценза.

Двойник медленно вздохнул, отвернулся и стал застегивать рубашку. Сзади него, то усиливаясь, то ослабевая, продолжалось бормотание.

— Видите ли, — продолжал рокочущий, давящий голос, — дело не в том, что мы боимся оставить вам подарок, — дело в принципе. Ваша цивилизация не подготовлена для него. Вы должны это понять.

— Ну конечно, — ответил Лже-Вебер, завязывая красно-голубой галстук тети Мэгги.

КОРОЛЬ НА ГОРЕ

Полковник Хэл Гаскойн знал, что он единственный человек на борту космического корабля-спутника № 1, но ему от этого было не легче. Нисколько не легче, хотя он и старался не думать о своем одиночестве.

А теперь, когда он сидел перед бомбардировочным пультом мокрый от пота, несмотря на прекрасно кондиционированный воздух, один из его людей опять заговорил с ним:

— Полковник, сэр...

Гаскойн повернулся в кресле, и сержант — у полковника вертелось на языке его имя — четко отдал честь.

— Ну?..

— Бомба номер один подготовлена, сэр! Какие будут приказания?

— Какие будут приказания? — задумчиво повторил за ним Гаскойн.

Но человек уже ушел. Гаскойн, собственно, не видел, как сержант покинул кабину управления, но его там уже не было.

Пока полковник пытался сообразить, куда пропал сержант, в кабине послышался другой голос, безжиз-

ненный и нудный, какой всегда бывает по радиотелефону:

— Радиолокационная рубка. Цель засечена.

Ровное, бессмысленное попискивание: это включилась синхронизирующая цепь.

Откуда же взялись люди? В радиолокационной никого нет. И в бомбовом отсеке — тоже никого. Вообще на борту космического корабля № 1 не было никого, кроме Гаскойна. Никого с тех пор, как он сменил Гринела, который первым летал на этой космической станции.

— Кто же был тот сержант? Его звали... звали...

Стук телетайпа отогнал эти мысли. Звук был гулкий, как от скорострельной пушки в металлическом ангаре. Гаскойн встал и подплыл к аппарату, скользя по кабине с легкостью человека, для которого невесомость стала чуть ли не естественным состоянием.

Пока он добрался до телетайпа, аппарат умолк, и сначала лента показалась ему пустой. Но вот Гаскойн утер пот, туманивший глаза, и увидел текст:

МНВЮСХЦ ЛКП ИГФДС ПЮТР АОИУ ЕУИО КРАЛЦМ

Он достал справочник и нашел последовательность букв, на которой был построен код. Расшифровка была сделана за десять минут.

БОМБА 1 ВАШИНГТОН 17 00 ЧАСОВ ТАММАННИ

Вот оно! Вот для чего он готовил бомбу! Значит, должен быть более ранний приказ, предписывающий подготовку. Он начал перематывать бумажную ленту. На ней ничего не оказалось.

Как же это — Вашингтон? Чего ради объединенные начальники штабов приказывают ему...

— Полковник Гаскойн, сэр...

Гаскойн круто повернулся и ответил на приветствие сержанта.

— Как ваше имя? — буркнул он.

— Суини, сэр, — отозвался сержант.

Это почему-то прозвучало не слишком похоже на «Суини» и вообще ни на что не похоже. Просто какой-то шум. Но лицо человека показалось полковнику знакомым.

— Подготовлена бомба номер два, сэр.

Сержант отдал честь, повернулся, сделал два шага и растаял. Он не исчез, но и не вышел за дверь. Он просто отступил, потемнел, сжался — и вот его совсем не стало. Казалось, он и Гаскойн разошлись во мнениях о том, какой эффект может дать перспектива при ярком свете Земли, и Гаскойн оказался неправ.

В полном оцепенении он закончил перемотку ленты. Сомнения не было: вот он, приказ, черным по белому, яснее ясного. Бомбить столицу своей родины в 17.00. И, между прочим, не задумываясь разбомбить собственный дом. Поработать основательно — сбросить две бомбы. И не смущаться, если произойдет ошибка на несколько дугových секунд и бомбы упадут не на Вашингтон, а на Балтимору, или на Силвер-Спринг, или на Милфорд, штат Делавэр. Гражданская группа информации даст вам координаты, но непременно покройте квадрат. Такова обычная процедура.

Пальцы онемели, стали резиновыми. Все же Гаскойн начал нажимать ими на клавиши телетайпа. Ра-

ботая на частоте Гражданской группы информации, он напечатал:

**ПРИШЛИТЕ ПОМОЩЬ СЕРЬЕЗНОЕ ПОВТОРЯЮ СЕРЬЕЗНОЕ
ЗАТРУДНЕНИЕ С ПЕРСОНАЛОМ ТОЧКА НЕ ЗНАЮ КАК
ДОЛГО СМОГУ ДЕРЖАТЬСЯ ТОЧКА СПЕШНО ГАСКОЙН
КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ ОДИН ТОЧКА**

За его спиной ритмично попискивал генератор, соединенный со спусковым устройством.

— Радиолокационная рубка. Цель засечена.

Гаскойн не обернулся. Он сидел перед бомбардировочным пультом, потный, несмотря на прекрасно кондиционированный воздух. И где-то в глубине мозга его собственный голос повторял: «Стой, стой, стой!»

Как мы впоследствии установили, с этого и началось происшествие с космическим кораблем № 1. Большая удача, что Гаскойн адресовал свое донесение непосредственно нам. Гражданскую группу информации редко призывают на помощь в случае аварии, если аварийное состояние только что возникло. Обычно Вашингтон пытается «вычерпать воду» сам. И, только обнаружив, что лодка все равно тонет, он передает черпак нам — обычно с требованием, чтобы мы мгновенно превратили его в центробежный насос.

Мы не возражаем. Неумение Вашингтона создать правительственный орган, по функциям схожий с ГГИ, оправдывает ее существование. Прибыли, конечно, идут Обществу подсобных предприятий, Свободному объединению университетов и отраслей промышленности. Оно-то и дало деньги на постройку «Ультимака», а именно из-за «Ультимака» Вашингтон так часто прибегает к помощи Гражданской группы информации.

Но на этот раз вряд ли наша большая электронно-вычислительная машина могла принести нам ощутимую пользу. Я так и сказал Жоане Адамар, заведующей отделением общественных наук, передавая ей послание.

— Гм, — ответила она. — «Затруднение с персоналом»? Что он хочет сказать? На этой космической станции у него нет никакого персонала!

Для меня в ее словах не было ничего нового. Сначала Гражданская группа информации представила цифровые данные, необходимые, чтобы вывести на орбиту космический корабль № 1. А затем, именно по нашему совету, полетел лишь один человек. Экипаж космического корабля либо должен быть многочисленным, либо состоять из одного человека. Промежуточные варианты не годятся. К тому же КК-1 был недостаточно велик, чтобы вместить большой экипаж, члены которого рано или поздно перегрызли бы друг другу глотки.

— Он подразумевает под персоналом самого себя, — объяснил я. — Вот почему я не думаю, чтобы это было подходящей задачей для вычислительной машины. «Затруднение» должно быть преодолено в разговоре с глазу на глаз. Я уверен, что Гаскойн одурел от сознания ответственности. Такая опасность всегда может возникнуть, когда посылают одного человека.

— Единственное приемлемое решение — обеспечить орбитальные станции полным штатом, — согласилась Жоана. — Пентагону надо потребовать от конгресса достаточную сумму, чтобы построить большую станцию.

— Не понимаю, почему Гаскойн вызвал нас, а не свое начальство.

— Это просто. Цифры обрабатываем мы. Пентагон нам верит. Он считает нас непогрешимыми. И Гаскойн заразился этим от Пентагона.

— Плохо! — сказал я.

— Никогда этого не отрицала.

— Так вот, по-моему, плохо, что он вызвал нас, вместо того чтобы воспользоваться обычными каналами. Это значит, что беда на самом деле серьезна.

Я думал над возникшей проблемой еще с минуту, а Жоана тем временем быстро набрала какой-то номер. Как уже знали все жители Земли — за исключением, быть может, обитателей Тибета, — у человека, летевшего на КК-1, прямо под ногами находились три водородные бомбы, и он мог с большой точностью сбросить их над любым пунктом земного шара. Гаскойн, можно сказать, был живым олицетворением американской международной политики. Он мог бы отпечатать у себя на лбу девиз: «Превосходство в космосе».

— Что говорит Штаб воздушных сил? — спросил я Жоану, когда она повесила трубку.

— Они говорят, что немного беспокоятся за Гаскойна. Он очень стойкий человек, но вышло так, что его никто не сменил и ему пришлось работать лишний месяц. Почему — они не объясняют. В последнюю неделю он посылал очень путаные донесения. Начальство намерено задать ему хорошую головомойку.

— Головомойку! Им следует поосторожнее обходиться со своим штатом, не то самим придется туго. Жоана, кому-нибудь надо махнуть наверх. Я обеспечу быструю доставку, а ты сообщи Гаскойну, что помощь скоро придет. Кому же отправиться туда?

— У меня нет предложений, — сказала Жоана. — Спросим-ка вычислительную машину.

Я сейчас же это проделал.

«Ультимак» ответил: Гаррис.

— Счастливого пути, Питер, — спокойно — слишком спокойно! — проговорила Жоана.

— М-да, — произнес я. — Доброй ночи!

Я уже не помню, чего именно я ожидал, когда моя связная ракета приблизилась к космическому кораблю № 1. Я решил, что не могу брать с собой целый отряд. Если психоз Гаскойна действительно зашел далеко, полковник не допустит высадки нескольких человек. А одного человека он может впустить. Все же я не сомневался, что сначала он поспорит.

Ничего подобного не случилось. Он не окликнул ракету и не ответил на наши приветственные сигналы. Контакт со станцией был осуществлен с помощью радиолокационных автоматов, и высадиться на борт оказалось легче и быстрее, чем войти в кинозал.

В рубке управления было темно, и сначала я не разглядел Гаскойна. Там, где находились иллюминаторы, все было залито ярким солнечным светом, но остальное пространство почти полностью тонуло во тьме, только поблескивали линзы приборов.

Тихий звук, напоминавший хихиканье, помог мне сориентироваться — вот он, Гаскойн! Он стоял спиной ко мне, сгорбившись над бомбардировочным пультом. В одной руке он держал небольшой инструмент, похожий на щипцы для пробивки билетов. Губки инструмента непрерывно выкусывали кружки в натянутой ленте, перебегавшей между двумя катушками. Получался тот щелкающий звук, который я услышал. В инструменте я без труда узнал ручной перфоратор.

Но почему Гаскойн не слышал, как я входил? Я не

подкрадывался к нему, да и через воздушный шлюз никак нельзя пройти тихо. Между тем Гаскойн невозмутимо продолжал щелкать перфоратором.

— Полковник Гаскойн! — позвал я. Нет ответа. Я шагнул вперед. — Полковник Гаскойн, я Гаррис из Гражданской группы информации. Что вы делаете?

Я шагнул еще раз, и теперь он откликнулся.

— Не подходите ко мне! — прорычал Гаскойн. Казалось, его голос шел из глубины груди. — Я программирую бомбу. Сам выбиваю приказ. Не могу позволить на экипаж. Отойдите!

— Отвлекитесь на минуту — я хочу с вами поговорить.

— Еще один — новый! — произнес Гаскойн, но не пошевелился. — У вас, ребята, руки чешутся бомбы сбрасывать, даже не доложив мне. А вы кто такой, черт вас возьми? На борту никого нет, уж это я знаю!

— Я Питер Гаррис, — объяснил я. — Из ГГИ. Вы нас вызывали, помните? Просили прислать вам помощь.

— Это ничего не доказывает. Сообщите мне что-нибудь новенькое. Тогда я, может быть, поверю, что вы существуете. А не то — убирайтесь!

— Ничего не выйдет. Отложите прочь перфоратор!

Гаскойн медленно выпрямился и повернулся, чтобы взглянуть на меня.

— Что ж вы не исчезаете? Должен признать, что это так, — произнес он. — Как, вы сказали, вас зовут?

— Гаррис. Вот моя личная карточка.

Гаскойн с сомнением взял заделанную в пластик карточку, потом как будто снял очки и протер их. Все это было в порядке вещей и не удивило бы меня. Но у Гаскойна не было очков!

— Здесь плохо видно, — пожаловался он. — Стекла ужасно запотевают. Гм, все в порядке. Вы действительно существуете. Что вам нужно?

Он прикоснулся к аппарату. Лента стала бесшумно перематываться с одной катушки на другую.

— Гаскойн, прекратите! Если вы сбросите бомбы, начнется столпотворение. Там, внизу, положение и так крайне напряженное. Да и нет причины кого-либо бомбить.

— Причин достаточно, — проворчал Гаскойн. Он повернулся, и тут я увидел у него на бедре кобуру, а в ней — большой черный пистолет-автомат. Я не сомневался в том, что Гаскойн может мгновенно выхватить его и всадить пули точно туда, куда пожелает.

— Я получил приказ. Вот он. Посмотрите сами.

Я осторожно нагнулся над телетайпом и осмотрел ленту. Если не считать собственного сообщения Гаскойна, адресованного ГГИ, и сообщения Жоаны Адамар о том, что я уже в пути, бумага была совершенно чиста. Никаких других телеграмм в этот день не было, разве что Гаскойн переменил катушку, для чего не имелось ни малейших оснований. Этих катушек хватает чуть ли не на сто лет.

— Когда же этот приказ поступил?

— Утром. Точнее не помню. Суини! — вдруг закричал он, и так громко, что лента порвалась у меня в руках. — Когда пришел приказ о бомбежке?

Никто не ответил. Тем не менее Гаскойн сразу объявил:

— Ну вот, вы сами слышали!

— Я ничего не слышал, кроме того, что сказали вы, и я сейчас остановлю ленту. Отойдите!

— Оставьте это, мистер! — свирепо произнес Гаскойн. — Лента будет работать.

— Какой у вас объект?

— Вашингтон, — сказал Гаскойн и провел рукой по лицу. По-видимому, он забыл о воображаемых очках.

— Кажется, вы сами там живете?

— Совершенно верно, — подтвердил Гаскойн. — Чертовски верно, мистер. Чудесно, а?

Это было и впрямь чудесно. Дурни из Штаба воздушных сил в Пентагоне будут иметь в своем распоряжении десять миллисекунд, чтобы пожалеть, что не послали со мной кого-нибудь сменить Гаскойна. «Сменить — кем? Мы не можем послать второго заместителя раньше чем через неделю: человеку нужна добавочная тренировка. А первый заместитель лежит в госпитале с тяжелой травмой. Кроме того, Гаскойн — лучший человек для данной работы. Его надо выловить хоть черпаком».

Да. Психологическим центробежным насосом, конечно. А тем временем лента будет бежать и бежать.

— Хватит вам вытирать лицо! Лучше выключите увлажнение воздуха, — сказал я. — А то у вас опять запотели очки.

Медленно, держась преувеличенно прямо, как морской конек, он прошел по кабине и остановился перед иллюминатором. Я сомневался, удастся ли ему увидеть в стекле свое отражение, но, может быть, он настоящему и не хотел его видеть.

— Они и вправду запотели, спасибо.

И он снял «очки» и опять старательно протер воздух.

Но уж если Гаскойн полагал, что он носит очки, то что же он увидит без них? Я скользнул к программатору и отключил движение ленты. Теперь я был между катушками и Гаскойном, — но не мог же я удерживать эту позицию вечно.

— Поговорим минутку, полковник — сказал я. — Право, в этом не будет ничего худого.

Гаскойн улыбнулся, лицо его светилось детской хитростью.

— Поговорим только тогда, когда вы снова пустите ленту, — отозвался он. — Прежде чем снять очки, я наблюдал за вами в зеркало.

Вранье! Пока он смотрел в иллюминатор, я не шелохнулся. Когда же он «протирает очки», его «бедные, слабые слезящиеся глаза» видели каждое мое движение. Я пожал плечами и отошел от программатора.

— Пустите ленту сами. Мне неохота брать на себя ответственность, — сказал я.

— Приказ есть приказ, — деревянным голосом произнес Гаскойн. Он снова пустил ленту. — Ответственность несут они. О чем же вы хотели поговорить со мной?

— Полковник Гаскойн, случилось ли вам кого-нибудь убить?

Он, видимо, был удивлен.

— Да, однажды было дело, — охотно ответил он. — Я врезался самолетом в дом. Убил всю семью. А сам остался невредим, отделался ожогом ноги. Через несколько недель она зажила. Но пришлось перейти из легчиков в бомбометатели. Для работы пилота нога все-таки не вполне годилась.

— Печально!

Он захихикал — внезапно, судорожно.

А теперь посмотрите на меня, — сказал он. — Я скоро перебью всю свою семью. А также миллионы других людей. Может быть, всех на свете.

Как нужно было понимать это «скоро»?

— Что вы имеете против всех этих людей?

— Против кого? Против людей? Ничего. Прямотаки ни черта. Посмотрите на меня: я здесь король на горé. Мне не на что жаловаться. — Он умолк и облизал губы. — В мои детские годы все было по-другому. Тогда так не скучали. В те годы вы могли взять настоящую газету, развернуть ее и выбрать, что вам хочется прочесть. Иное дело теперь, когда новости приходят к вам разжеванные, на куске бумаги или по радио. Вот в чем беда, если хотите знать!

— Какая беда? С чем беда?

— С новостями. Вот почему теперь они всегда плохие. Тут много причин: молоко подают пастеризованным, хлеб — нарезанным на ломтики, автомобили сами собой управляют, радиолы издают такие звуки, каких не может издавать ни один музыкальный инструмент. Слишком много лишней возни. Слишком много людей суют нос куда не следует. Вам когда-нибудь случалось топить печь для обжига?

— Мне? — с недоумением спросил я.

— Нет? Так я и думал. В наши дни никто не производит гончарных изделий. По крайней мере вручную. А если б стали производить, кто бы их покупал? Люди давно отвыкли от подобных вещей.

Лента продолжала двигаться. Откуда-то снизу слышалось тяжелое громыхание — то ли что-то тяжелое перекатилось по рельсам, то ли открылся грузовой люк.

— Так вы теперь собираетесь сделать что-то с земным шаром? — медленно произнес я.

— Я ни при чем. Таков приказ.

— Это ваши собственные измышления, полковник Гаскойн. На катушках ничего нет.

Что я мог еще сделать? У меня не было времени, чтобы протащить его по всем фазам психоанализа и подвести к пониманию самого себя. Кроме того, у меня нет диплома для медицинской практики даже на Земле.

— Я не хотел вам это говорить, но приходится.

— Что говорить? — подозрительно спросил Гаскойн. — Что я сошел с ума? Так, что ли?

— Нет. Я этого не говорил. Это сказали вы, — подчеркнул я. — Но я скажу вам, что ваши рассуждения о недостатках современного мира — сплошная галиматья. Или философствование, если вам нужно менее неприятное слово. На вас лежит бремя чудовищной вины, полковник, сознаете вы это или нет?

— Я не знаю, о чем вы болтаете. Почему вы еще не убрались прочь?

— Я не уйду, и вы это хорошо знаете. Вы рассказали мне, как при аварии вашего самолета вы убили целую семью. — Выдержав паузу в десять секунд, я как мог суровее спросил его: — Как их звали?

— Откуда мне знать? Что-то вроде Суини. А может, иначе. Не помню.

— Не можете не помнить! И неужели вы думаете, что, убив свою семью, вы этим вернете к жизни убитых вами Суини? — У Гаскойна дергались губы, но он, по видимому, этого не замечал.

— Чепуха! — сказал он. — Я не признаю подобных психологических фокусов. Это вы несете вздор, а не я.

— Почему же вы так ругаетесь? «Галиматья», «чепуха», «вздор»... Для человека, который ни во что не верит, вы удивительно яростны в своем отрицании.

— Убирайтесь! — загремел он. — У меня — приказ. Я его выполню.

Тупик. Ни туда, ни сюда. Но здесь не могло быть тупика. Мне грозило поражение.

Лента бежала. Я не знал, что делать.

Когда ГГИ в последний раз занималась вопросом о бомбах, задачу поставили мы сами. Над нью-йоркской гаванью по нашему распоряжению была сброшена холостая бомба, чтобы проверить, насколько быстро мы можем распознать характер упавшего снаряда. Положение на борту КК-1 было совершенно иное.

Стоп! А иное ли? Может быть, я что-то нащупал.

— Полковник Гаскойн, — медленно начал я, — не скрою, что у вас ничего не выйдет. Даже если вы и сбросите бомбу.

— Как так? Что мне помешает?

Он сунул один палец за ремень пояса, так что остальные легли на рукоятку пистолета.

— Ваши бомбы мертвые.

Гаскойн хрипло рассмеялся и махнул рукой в сторону рычагов управления.

— Скажите это счетчику Гейгера в бомбовом отсеке! Ступайте. Там прибор, вы можете прочесть его показания — на самом бомбардировочном пульте.

— Совершенно верно, — сказал я. — Бомбы радиоактивны. Это так. А вы хоть раз проверили период полураспада?

Тонко рассчитанный ход! Гаскойн был специалистом по оружию. Если только можно было провести

такую проверку на борту КК-1, он, наверно, ее сделал. Но я не считал, что это возможно.

— Зачем бы я стал это делать?

— Как дисциплинированный военный человек, вы могли этого и не делать. Вы полностью доверяете начальству. А я, полковник, человек штатский. В ваших бомбах нет элемента, который мог бы распасться или расщепиться. У трития и лития-шесть период полураспада слишком велик, а у урана-двести тридцать пять и изотопа тория он слишком мал. У вас, вероятно, стронций-девяносто, короче говоря, ваши бомбы — блеф.

— Бомбу надо сбросить раньше, чем я мог бы кончить проверку. А вы ее тоже не проверяли. Придумайте что-нибудь другое!

— Мне это ни к чему. И вам вовсе не нужно мне верить. Мы будем просто сидеть и ждать падения бомбы, а тогда все станет ясно. Потом, конечно, вас предадут военному суду за сбрасывание холостой бомбы без приказа. Но если вы готовы стереть с лица земли вашу семью, вас не смутит такой пустяк, как отсидеть двадцать лет за решеткой.

Гаскойн равнодушно посмотрел на бегущую ленту.

— Это верно, — сказал он. — Но я получил приказ. Если я послушаюсь, меня ждет то же самое. Если никто не пострадает — тем лучше.

Внезапный прилив чувства — я принял его за горе, но, может быть, ошибся, — на миг потряс его тело.

— Правильно. Не пострадает ваша семья. Весь мир узнает, что ваш полет — блеф. Но если таков приказ...

— Я не знаю, — резко произнес Гаскойн. — Я даже не знаю, получил ли я приказ. — Не помню, куда я его положил. Может быть, он и не существует.

Он растерянно посмотрел на меня с видом мальчугана, признавшегося в какой-то шалости.

— А вы знаете? — вдруг сказал он. — Я больше не понимаю, что существует, а что — нет. Со вчерашнего дня я потерял способность разбираться. Я даже не знаю, существуете ли вы и ваша личная карточка. Что вы об этом думаете?

— Ничего, — сказал я.

— Ничего! Ничего! В этом-то моя беда. Ничего! Я не могу распознать, где ничего, а где что-нибудь. Вы говорите, что мои бомбы — блеф. Отлично! А что, если блеф вы сами, а бомбы в порядке? Отвечайте-ка!

Его лицо сияло торжеством.

— Бомбы холостые, — сказал я. — А вот очки у вас опять запотели. Почему вы не хотите выключить увлажнение, чтобы хоть три минуты видеть ясно?

Гаскойн подался вперед — так резко, что едва не потерял равновесие, — и уставился мне в лицо.

— Не угощайте меня этим, — хрипло произнес он. — Не... угощайте... меня... этими бреднями...

Я застыл на месте. Гаскойн некоторое время смотрел мне в глаза. Он медленно поднес руку ко лбу и начал тереть его, водя рукой вверх и вниз, пока не размазал пот по всему лицу до самого подбородка.

Отведя руку, Гаскойн стал разглядывать ее, словно она только что душила его и он не понимал зачем.

— Это неверно, — уныло заметил он. — Я не ношу очков. Я перестал их носить с десяти лет. Последнюю пару я сломал, играя в короля на горе.

Он сел перед бомбардировочным пультом и опустил голову на руки.

— Ваша взяла, — сокрушенно проговорил он. — Похоже, что я совсем рехнулся. Я не понимаю, что

вижу, а чего не вижу. Отберите-ка у меня пистолет. Если я выстрелю, могу что-нибудь повредить.

— Вы правы, — сказал я, нисколько не лицемера, и, не теряя времени, убрал сначала пистолет, а затем ленту.

— Он поправится, — сказала я Жоане, когда увиделся с ней. — И, надо признать, он держался молодцом. С другим я не посмел бы так себя вести. Крепкий человек!

— Все равно, — ответила Жоана. — Им следует чаще сменять командиров космических станций. Следующий может оказаться не таким крепким. А что, если это будет шизофреник?

Я промолчал. Мне и без того хватало забот.

— Ты сделал большое дело, Питер, — проговорила Жоана. — Хорошо бы записать его в памяти машины. Когда-нибудь эти данные могут пригодиться.

— А разве нельзя?

— Объединенные начальники штабов не разрешают. И не говорят почему. Они не желают, чтобы такие случаи записывались хотя бы частично «Ультимаком» или как угодно иначе.

Я усталился на нее. Вначале ее слова показались мне лишёнными смысла. Потом я постиг их значение, и это было еще хуже.

— Подождите минутку, Жоана, — сказал я. — Правильно ли я понял? «Космическое превосходство» обанкротилось, так же как и «массированное возмездие»? Возможно ли, что спутник... и бомбы... Неужели я сказал Гаскойну правду и бомбы были холостые?

Жоана пожала плечами.

— Кто, не имея мудрости, затемняет истину, тот не оправдывает своего жалованья, — промолвила она.

САЙМОН ФЛЭГГ И ДЬЯВОЛ

После нескольких месяцев напряженной работы по изучению бесчисленных выцветших манускриптов Саймону Флэггу удалось вызвать дьявола. Жена Саймона, знаток средневековья, оказала ему неоценимую помощь. Сам он, будучи всего лишь математиком, не мог разбирать латинские тексты, особенно осложненные редкими терминами демонологии X века. Замечательное чутье миссис Флэгг пришлось тут как нельзя кстати.

После предварительных стычек Саймон и черт сели за стол для серьезных переговоров. Гость из ада был угрюм, так как Саймон презрительно отверг его самые заманчивые предложения, легко распознав смертельную опасность, скрытую в каждой соблазнительной приманке.

— А что, если теперь вы для разнообразия выслушаете мое предложение? — сказал наконец Саймон. — Оно, во всяком случае, без подвохов.

Дьявол раздраженно покрутил раздвоенным кончиком хвоста, будто это была обыкновенная цепочка с ключами. Очевидно, он был обижен.

— Ну, что ж, — сердито согласился он. — Вреда от этого не будет. Валяйте, мистер Саймон!

— Я задам вам только один вопрос, — начал Саймон, и дьявол повеселел. — Вы должны ответить на него в течение двадцати четырех часов. Если это вам не удастся, вы платите мне сто тысяч долларов. Это скромное требование — вы ведь привыкли к неизмеримо бóльшим масштабам. Никаких миллиардов, никаких Елен троаянских на тигровой шкуре. Конечно, если я выиграю, вы не должны мстить.

— Подумаешь! — фыркнул черт. — А какова ваша ставка?

— Если я проиграю, то на короткий срок стану вашим рабом. Но без всяких там мук, гибели души и тому подобного — это было бы многовато за такой пустяк, как сто тысяч долларов. Не желаю я вреда и моим родственникам или друзьям. Впрочем, — подумав, добавил он, — тут могут быть исключения.

Дьявол нахмурился, сердито дергая себя за кончик хвоста. Наконец он дернул так сильно, что даже скрипел от боли, и решительно заявил:

— Очень жаль, но я занимаюсь только душами. Рабов у меня и так хватает. Если бы вы знали, сколько бесплатных и чистосердечных услуг оказывают мне люди, вы были бы поражены. Однако вот что я сделаю. Если в заданное время я не смогу ответить на ваш вопрос, вы получите не жалкие сто тысяч долларов, а любую — конечно, не слишком дикую — сумму. Кроме того, я предлагаю вам здоровье и счастье до конца вашей жизни. Если же я отвечу на ваш вопрос — ну, что ж, последствия вам известны. Вот все, что я могу вам предложить.

Он взял с воздуха зажженную сигару и задымил. Воцарилось настороженное молчание.

Саймон смотрел перед собой, ничего не видя. Крупные капли пота выступили у него на лбу. Он отлично знал, какие условия может выставить черт. Мускулы его лица напряглись... Нет, он готов прозакладывать душу, что никто — ни человек, ни зверь, ни дьявол — не ответит за сутки на его вопрос.

— Включите в пункт о здоровье и счастье мою жену — и по рукам! — сказал он. — Давайте подпишем.

Черт кивнул. Он вынул изо рта окурок, с отвращением посмотрел на него и тронул когтистым пальцем. Окурок мгновенно превратился в розовую мятную лепешку, которую черт принялся сосать громко и с явным наслаждением.

— Что касается вашего вопроса, — продолжал он, — то на него должен быть ответ, иначе наш договор недействителен. В средние века люди любили задавать загадки. Нередко ко мне приходили с парадоксами. Например: в деревне жил только один цирюльник, который брил всех, кто не брился сам. Кто брил цирюльника? — спрашивали они. Но, как отметил Рассел, словечко «всех» делает такой вопрос бессмысленным, и ответа на него нет.

— Мой вопрос честный и не содержит парадокса, — заверил его Саймон.

— Отлично. Я на него отвечу. Что вы ухмыляетесь?

— Я... ничего, — ответил Саймон, согнав с лица усмешку.

— У вас крепкие нервы, — сказал черт мрачным, но одобрительным тоном, извлекая из воздуха пергамент. — Если бы я предстал перед вами в образе чудо-

вища, сочетающего в себе милovidность ваших горилл с грациозностью монстра, обитающего на Венере, вы едва ли сохранили бы свой апломб, и я уверен...

— В этом нет никакой надобности, — поспешно сказал Саймон.

Он взял протянутый ему договор, убедился, что все в порядке, и открыл перочинный нож.

— Минуточку! — остановил его дьявол. — Дайте я его продезинфицирую. — Он поднес лезвие к губам, слегка подул, и сталь накалилась до вишнево-красного цвета. — Ну, вот! Теперь прикоснитесь кончиком ножа... гм... к чернилам, и это все... Прошу вас, вторая строчка снизу, последняя — моя.

Саймон помедлил, задумчиво глядя на раскаленный кончик ножа.

— Подписывайтесь, — поторопил черт, и Саймон, расправив плечи, поставил свое имя.

Поставив и свою подпись с пышным росчерком, дьявол потер руки, окинул Саймона откровенно собственническим взглядом и весело сказал:

— Ну, выкладывайте свой вопрос! Как только я на него отвечу, мы отправимся. Мне надо посетить сегодня еще одного клиента, а времени в обрез.

— Хорошо, — сказал Саймон и глубоко вздохнул. — Мой вопрос такой: верна или не верна великая теорема Ферма?

Дьявол проглотил слюну. В первый раз его самоуверенность поколебалась.

— Великая — чья? Что? — глухим голосом спросил он.

— Великая теорема Ферма. Это математическое положение, которое Ферма, французский математик семнадцатого века, якобы доказал. Однако его доказа-

тельство не было записано, и до сего дня никто не знает, верна теорема или нет. — Когда Саймон увидел физиономию черта, у него дрогнули губы. — Ну вот, ступайте и займитесь!

— Математика! — в ужасе воскликнул хвостатый. — Вы думаете, у меня было время изучать такие штуки? Я проходил тривиум и квадравиум*, но что касается алгебры... Скажите, — возмущенно добавил он, — этично ли задавать мне такой вопрос?

Лицо Саймона окаменело, но глаза сияли.

— А вы предпочли бы сбежать за сто двадцать тысяч километров и принести какой-нибудь предмет величиной с гидростанцию Боулдер Дэм, — поддразнил он черта. — Время и пространство для вас легкое дело, правда? Что ж, сожалею, но я предпочитаю свой вопрос. Он очень прост, — успокаивающе добавил Саймон. — Речь идет о положительных целых числах.

— А что такое положительное число? — взволновался черт. — И почему вы хотите, чтобы оно было целым?

— Выразимся точнее, — сказал Саймон, пропустив вопрос дьявола мимо ушей. — Теорема Ферма утверждает, что для любого положительного целого числа n больше двух уравнение $x^n + y^n = z^n$ не имеет решения в положительных целых числах.

— А что это значит?..

— Помните, вы должны дать ответ.

— А кто будет судьей — вы?

* Два цикла средневекового образования. Тривиум — грамматика, риторика, диалектика; квадравиум (повышенный курс после тривиума) — арифметика, геометрия, астрономия, теория музыки. — *Прим. ред.*

— Нет, — ласково ответил Саймон. — Я не считаю себя достаточно компетентным, хотя бился над этой проблемой несколько лет. Если вы явитесь с ответом, мы представим его в солидный математический журнал. Отступить вы не можете — проблема, очевидно, разрешима: теорема либо верна, либо ложна. И, пожалуйста, никаких фокусов с многозначной логикой. За двадцать четыре часа найдите ответ и докажите, что он правильный. В конце концов, человек... виноват, дух... с вашим развитием и огромным опытом может за это время немного подучить математику.

— Я вспоминаю, как туго мне приходилось с Евклидом, когда я изучал его в Кембридже, — печально заметил дьявол. — Мои доказательства никогда не были верны, а между тем истина лежала на поверхности: достаточно было взглянуть на чертеж. — Он стиснул зубы. — Но я справлюсь. Мне случалось делать и более трудные вещи, дорогой мистер Саймон. Однажды я слетал на отдаленную звезду и принес оттуда литр нейтрония ровно за шестнадцать...

— Знаю, — перебил его Саймон. — Вы мастер на подобные фокусы.

— Какие там фокусы! — сердито пробурчал дьявол. — Были гигантские технические трудности. Но не стоит ворошить прошлое. Я — в библиотеку, а завтра в это время...

— Нет, — жестко перебил его Саймон. — Мы расписались полчаса назад. Возвращайтесь точно через двадцать три с половиной часа. Не буду торопить вас, — иронически добавил он, когда дьявол с тревогой взглянул на часы. — Выпейте рюмку вина и, прежде чем уйти, познакомьтесь с моей женой.

— На работе я никогда не пью, и у меня нет времени знакомиться с вашей женой... во всяком случае теперь.

Он исчез.

В тот же миг вошла жена Саймона.

— Опять подслушивала у дверей! — мягко упрекнул ее Саймон.

— Конечно, — сдавленным голосом проговорила она. — И я хочу знать, дорогой, действительно ли труден этот вопрос. Потому что, если это не так... Саймон, я просто в ужасе!

— Будь спокойна, вопрос труден, — беспечно ответил Саймон. — Не все это сразу понимают. Видишь ли, — тоном лектора продолжал он, — всякий легко найдет два целых числа, квадраты которых в сумме тоже дают квадрат. Например, $3^2 + 4^2 = 5^2$, то есть просто $9 + 16 = 25$. Ясно?

— Угу!

Она поправила мужу галстук.

— Но никто еще не мог найти два куба, которые при сложении тоже давали бы куб, или более высокие степени, которые приводили бы к аналогичному результату, — по-видимому, их просто нет. И все же, — торжествуя закончил он, — до сих пор не доказано, что таких чисел не существует! Теперь поняла?

— Конечно. — Жена Саймона всегда понимала самые мудреные математические положения. А если попадался камень преткновения, муж терпеливо объяснял ей все по нескольку раз. Поэтому у миссис Флэгг оставалось мало времени для прочих дел.

— Сварю кофе, — сказала она и ушла.

Четыре часа спустя, когда они сидели и слушали третью симфонию Брамса, дьявол явился вновь.

— Я уже изучил основы алгебры, тригонометрии и планиметрии! — торжественно объявил он.

— Быстро работаете! — похвалил его Саймон. — Я уверен, что сферическая, аналитическая, проективная, начертательная и неевклидовы геометрии не представят для вас затруднений.

Дьявол поморщился.

— Их так много? — упавшим голосом спросил он.

— О, это далеко не все. — У Саймона был такой вид, словно он сообщил радостную весть. — Неевклидовы вам понравятся, — усмехнулся он. — Для этого вам не надо будет разбираться в чертежах. Чертежи ничего не скажут. И раз вы не в ладах с Евклидом...

Дьявол застонал, поблек, как старая киноплёнка, и исчез. Жена Саймона хихикнула.

— Мой дорогой, — пропела она, — я начинаю думать, что ты возьмешь верх!

— Тсс! Последняя часть! Великолепно!

Еще через шесть часов что-то вспыхнуло, комнату заволкло дымом, и дьявол опять оказался тут как тут. У него появились мешки под глазами. Саймон Флэгг согнал с лица усмешку.

— Я прошел все эти геометрии, — с мрачным удовлетворением произнес черт. — Теперь будет легче. Я, пожалуй, готов заняться вашей маленькой головоломкой.

Саймон покачал головой.

— Вы слишком спешите. По-видимому, вы не заметили таких фундаментальных методов, как анализ бесконечно малых, дифференциальные уравнения и исчисление конечных разностей. Затем есть еще...

— Неужели все это нужно? — вздохнул дьявол.

Он сел и начал тереть кулаками опухшие веки. Бедняга не мог удержать зевоту.

— Не могу сказать наверное, — безразличным голосом ответил Саймон. — Но люди, трудясь над этой «маленькой головоломкой», испробовали все разделы математики, а задача еще не решена. Я предложил бы...

Но черт не был расположен выслушивать советы Саймона. На этот раз он исчез, даже не встав со стула. И сделал это довольно неуклюже.

— Мне кажется, он устал, — заметила миссис Флэгг. — Бедный чертяка!

Впрочем, в ее тоне трудно было уловить сочувствие.

— Я тоже устал, — отозвался Саймон. — Пойдем спать. Я думаю, до завтра он не появится.

— Возможно, — согласилась жена. — Но на всякий случай я надену сорочку с черными кружевами.

Наступило утро следующего дня. Теперь супругам показалась более подходящей музыка Баха. Поэтому они поставили пластинку с Ландовской*.

— Еще десять минут, и, если он не вернется с решением, мы выиграли, — сказал Саймон. — Я отдаю ему должное. Он мог бы окончить курс за один день, притом с отличием, и получить диплом доктора философии**. Однако...

* Ландовская, Ванда (1879—1959) — замечательная пианистка, пользовавшаяся широкой известностью как исполнительница старинной музыки на фортепьяно и клавесине. — *Прим. ред.*

** В средневековых университетах математика входила в раздел философских наук. — *Прим. ред.*

Раздалось шипение. Поднялось алое грибообразное облачко, распространяя запах серы. Перед супругами на коврике стоял дьявол и шумно дышал, выбрасывая клубы пара. Плечи его опустились. Глаза были налиты кровью. Когтистая лапа, все еще сжимавшая пачку исписанных листов, заметно дрожала. Вероятно, у него шалили нервы.

Молча он швырнул кипу бумаг на пол и принялся яростно топтать их раздвоенными копытами. Наконец, истощив весь заряд энергии, черт успокоился, и горькая усмешка скривила ему рот.

— Вы выиграли, Саймон,— прошептал черт, глядя на математика с беззлобным уважением. — Даже я не мог за это короткое время изучить математику настолько, чтобы одолеть такую трудную задачу. Чем больше я в нее углублялся, тем хуже шло дело. Неединственное разложение на множители, идеальные числа — о Ваал!.. Вы знаете, — доверительно сообщил он, — даже лучшие математики других планет, — а они ушли далеко от вас — не добились решения. Эх, один молодчик на Сатурне — он немного напоминает гриб на ходулях — в уме решает дифференциальные уравнения в частных производных. Но и он спасовал. — Дьявол вздохнул. — Будьте здоровы!

Черт исчезал очень медленно. Видно, он-таки изрядно устал.

Саймон крепко поцеловал жену. Но она, с недовольной гримаской всматриваясь в лицо мужа, витавшего где-то в облаках, спросила:

— Дорогой, что еще неладно?

— Нет, ничего... Но, понимаешь, я хотел бы ознакомиться с его работой, узнать, насколько близко он

подошел к решению. Я бился над этой проблемой не менее...

Он не договорил и изумленно вытаращил глаза: дьявол вновь очутился в комнате. У него был очень смущенный вид.

— Я здесь забыл... — пробормотал он. — Мне нужно... ах!

Он нагнулся над разбросанными бумагами и начал их бережно собирать и разглаживать. — Эта штука захватывает, — сказал он, избегая взгляда Саймона. — Прямо не оторваться! Если бы только мне удалось доказать одну простенькую лемму! — Увидев, что на лице Саймона вспыхнул жгучий интерес, он потупил взор, как бы прося извинения. — Послушайте, профессор, — проворчал дьявол, — я не сомневаюсь, что и вы потрудились над этим. Пробовали ли вы непрерывные дроби? Ферма, несомненно, пользовался ими, и... Будьте добры, оставьте нас вдвоем.

Последние слова были обращены к миссис Флэгг. Черт сел рядом с Саймоном, подоткнув под себя хвост, и указал на листы, испещренные математическими знаками.

Миссис Флэгг вздохнула. Погруженный в раздумье дьявол вдруг показался ей очень знакомым: он почти не отличался от старого профессора Аткинса, коллеги ее мужа по университету. Стоит двум математикам углубиться в изучение какой-нибудь мучительной и заманчивой задачи, и они...

Она покорно вышла из комнаты с кофейником в руке. Несомненно, предстояла долгая, утомительная конференция. В этом миссис Флэгг была уверена. Ведь недаром она была женой известного математика.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

1. Пол, Фредерик (Frederik Pohl) — один из самых известных американских писателей-фантастов. Редактор нескольких научно-фантастических журналов, в том числе с 1961 года — одного из наиболее популярных, «Galaxy». Часто выступает в сотрудничестве с другими авторами, в том числе с Корнблатом, Уильямсоном, Лестер-дель-Реем, Моррисоном. Рассказ «Туннель под миром» («The Tunnel under the World»), впервые опубликованный в журнале «Galaxy» в 1954 году, неоднократно включался затем в антологии.

На русский язык переведен широко известный роман «Торговцы космосом» (в русском издании «Операция «Венера»), написанный в соавторстве с С. Корнблатом.

2. Азимов Айзек (Isaac Asimov), род. в 1920 году, — один из наиболее известных американских научных фантастов. Профессор биохимии, автор широко распространенных учебников и научно-популярных книг. Пишет также для детей под псевдонимом Поль Френч (Paul French). Наиболее значительные произведения: серия новелл «Я, робот» (есть русский перевод) и романы о галактической цивилизации: ее возникновении в сравнительно близком будущем («Стальные пещеры», «Обнаженное солнце»), последующем развитии («Течения пространства», «Камешек в небе», «Звезды, как пыль») и распаде («Основание» и др.). На русский язык переведены также отдельные рассказы («Уродливый мальчуган», «Чувство силы» и другие) и научно-популярные книги «Химические агенты жизни» и «Вид с высоты».

В 1963 году Азимов получил специально для него учрежденную премию «Хьюго» — «За общую деятельность в области научной фантастики».

Рассказ «Все грехи мира» («All the Troubles of the World») впервые опубликован в 1958 году в журнале «Super-Science Fiction».

3. К и п п а к с, Д ж о н (John Kippax) — английский писатель-фантаст. Рассказ «Пятница» («Friday») впервые опубликован в журнале «New Worlds Science Fiction». На русский язык произведения Киппакса ранее не переводились.

4. Г а р д и н г, Л и (Lee Harding) — молодой писатель-фантаст. Живет в Австралии. Рассказ «Поиски» («Quest») впервые опубликован в журнале «New Worlds Science Fiction» в 1963 году. На русский язык произведения Гардинга ранее не переводились.

5. Б а р р, С т и в е н (Stephen Barr) — американский писатель-фантаст. Рассказ «Кэллахэн и его черепашки» («Callahan and the Wheelies») впервые опубликован в журнале «Fantasy and Science Fiction» в 1960 году. На русский язык произведения Барра ранее не переводились.

6. К а т т н е р, Г е н р и (Henry Kuttner) (1914—1958) — американский писатель-фантаст. Печатался также под псевдонимами Льюис Пэджет, Лауренс О'Доннел и др. Большинство произведений написано в сотрудничестве с женой Кэтрин Л. Мур (Catherine L. Moore). Известна серия произведений о переселении человечества на Венеру («Ярость», «Ночное столкновение» и др.).

Рассказ «Порочный круг» («Deadlock») впервые опубликован в журнале «Astounding Science Fiction» в 1942 году. На русский язык произведения Каттнера ранее не переводились.

7. М а к - И н т о ш, Д ж е й м с (James McIntosh) — псевдоним Джеймса Мэрдока Мак-Грегора (James Murdock McGregor), род. в 1925 году. Английский писатель-фантаст; самый значительный из его романов — «Придуманый мир» (1963). Рассказ «Гений не может ошибаться» («Spanner in the Works») впервые опубликован в журнале «Analog: Science Fact — Science Fiction» в 1963 году. На русский язык произведения Мак-Интоша ранее не переводились.

8. Бредбери, Рэй (Ray Douglas Bradbury), род. в 1920 году, — известнейший современный американский писатель, значительная часть произведений которого относится к области фантастики. Автор свыше пятнадцати книг, сотен рассказов. Наиболее значительные фантастические произведения — цикл новелл «Марсианские хроники» (1950, переведены на русский язык) и роман «451° по Фаренгейту» (1953, есть русский перевод). Последние произведения — повесть «Недобрый гость» (1962) и сборник рассказов «Машины счастья» (1964). Рассказ «Здесь могут водиться тигры» («Here there by Tigers») впервые опубликован в сборнике «New Tales of Space and Time» в 1951 году. На русский язык переведено много рассказов Бредбери из разных сборников.

9. Шекли, Роберт (Robert Shekley), род. в 1928 году, — американский фантаст, в основном работает в юмористическом и сатирическом жанре. Наиболее известен роман «Корпорация «Бессмертие» (1959). Последний роман — «Путешествие через бесконечность» (1963) — показывает современное общество глазами дикаря, выросшего на тропическом острове. Рассказ «Царская воля» впервые опубликован в журнале «Magazine of Fantasy and Science-Fiction» в 1953 году. На русский язык переведены рассказы «Паломничество на Землю», «Шпион в космосе», «Мятеж шлюпки» и др.

10. Кристофер, Джон (John Christopher) — псевдоним английского писателя-фантаста Кристофера С. Йюда (Christopher S. Youd). Самое значительное произведение — роман «Гибель травы». Рассказ «Предел напряжения» («Breaking Point») принадлежит к циклу «XXII век»; первоначально напечатан в журнале «New Worlds Science Fiction» в 1952 году. На русский язык произведения Кристофера ранее не переводились.

11. Тэнни, Уильям (William Tenn) — псевдоним английского писателя-фантаста Филиппа Класса (Philip Klass). Самые известные произведения — роман «Нуль-II», сатира, направленная против господства посредственности, и сборник новелл «Из всех возможных миров». Рассказ «Игры для детей» (Child's Play) впервые опубликован в журнале «Astounding Science Fiction» в 1947 году. На русский язык произведения Тэнна ранее не переводились.

12. Б л и ш, Д ж е й м с (James Blish) — американский писатель-фантаст. В 1957 году ему была присуждена специальная премия «Хьюго» как «многообещающему новому автору». В 1959 году он получил премию «Хьюго» за роман «Дело со-вести». Рассказ «Король на горé» («King on the Hill») впервые опубликован в журнале «Infinity Science Fiction» в 1955 году. На русский язык произведения Блиша ранее не переводились.

13. П о р д ж е с, А р т у р (Arthur Porges) — американский писатель-фантаст, род. в 1915 году. Рассказ «Саймон Флэгг и дьявол» («Devil and Simon Flegg») впервые опубликован в журнале «Fantasy and Science Fiction» в 1954 году. На русский язык переведен также рассказ «Руум».

В. Кан

Содержание

Предисловие	5
ЛЮДИ И РОБОТЫ	
Фредерик Пол. Туннель под миром. <i>Перевод В. Ровинского</i>	9
Айзек Азимов. Все грехи мира. <i>Перевод Н. Рахмановой</i>	58
Джон Киппакс. Пятница. <i>Перевод В. Ровинского</i>	. 83
Ли Гардинг. Поиски. <i>Перевод Д. Лившиц</i>	. 103
Стивен Барр. Кэллахэн и его черепашки. <i>Перевод Т. Островской</i>	. 135
Генри Каттнер. Порочный круг. <i>Перевод А. Тетеревниковой</i>	. 183
Джеймс Мак-Интош. «Гений» не может ошибаться. <i>Перевод В. Гинзбург</i>	. 211
ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ ...	
Рэй Бредбери. Здесь могут водиться тигры. <i>Перевод Д. Лившиц</i>	. 257
Роберт Шекли. Царская воля. <i>Перевод Н. Евдокимовой</i>	. 278

Джон Кристофер. Предел напряжения. <i>Перевод</i> <i>Н. Емельяниковой</i>	. 296
Уильям Тэнн. Игра для детей. <i>Перевод В. Кана</i>	. 321
Джеймс Блиш. Король на горе. <i>Перевод Д. Горфинкеля</i>	366
Артур Порджес. Саймон Флезгт и дьявол. <i>Перевод</i> <i>Д. Горфинкеля</i>	. 384
В. Кан. Коротко об авторах	. 395

ТУННЁЛЬ ПОД МИРОМ

Редактор *Е. Г. Ванслова* Художник *Е. Бачурин*
Художественный редактор *Г. И. Манулов* Технический редактор *Ю. И. Экке*

Сдано в производство 5/VII 1965 г. Подписано к печати 13/XI 1965 г.
Бумага 70×108^{1/32} 6,25 бум. л. 17,50 печ. л. 16,03 уч.-изд. л. Изд. № 12/3228
Цена 94 коп. Зак. 1691. Б. з. 25-65-22.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой
Главполиграфпрома Государственного комитета
Совета Министров СССР по печати. Измайловский проспект, 29

